

ИГОРЬ БОЙКОВ

ЖУМАЧ НАДОРВАННЫЙ

**КНИГА ВТОРАЯ
СТАНОВЛЕНИЕ**

Игорь Бойков

**Кумач надорванный.
Книга 2. Становление.**

«Книжный мир»

2019

УДК 82-312.6
ББК 84стд1-443

Бойков И. А.

Кумач надорванный. Книга 2. Становление. / И. А. Бойков —
«Книжный мир», 2019

ISBN 978-5-6049314-4-8

Начало 1990-х. Сквозь обломки советской страны прорастает «новая Россия». Реформы и нищета, демонстранты и баррикады, уличная спекуляция и бандитизм, приватизация и «горячие точки»... Вторая книга романа-эпопеи Игоря Бойкова вновь возвращает читателей в русское лихолетье. Продавшаяся Западу власть искусно разрушает доселе слаженный механизм общесоюзной экономики, под напором волчьей морали рушатся прежние устои, общество охватывает массовое помутнение умов... Герои романа решают проблему жизненного выбора: поддаться соблазнам, отречься от идеалов юности, «вписаться в перемены» либо сохранить верность втоптываемой в грязь Отчизне. «Рождённые бурей» вступают на путь борьбы за страну. Новый роман известного российского писателя ждет своих заинтересованных, искренних, равнодушных читателей.

УДК 82-312.6
ББК 84стд1-443

ISBN 978-5-6049314-4-8

© Бойков И. А., 2019
© Книжный мир, 2019

Содержание

Часть первая	6
– I —	6
– II —	8
– III —	13
– IV —	17
– V —	21
– VI —	25
– VII —	28
– VIII —	33
– IX —	42
– X —	47
– XI —	51
– XII —	57
– XIII —	60
– XIV —	64
– XV —	67
– XVI —	72
– XVII —	78
– XVIII —	85
– XIX —	90
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Игорь Андреевич Бойков

Кумач надорванный

Становление

© Бойков И.А., 2023

© Книжный мир, 2023

© ИП Лобанова О.В., 2023

Часть первая

— I —

Причудливо и дико начинался в России год тысяча девятьсот девяносто второй.

Будто огромным пылевым облаком накрыло просторы Страны советов, на которых всё продолжало рушиться, раздробляться, разламываться, распадаться и исчезать.

Союз Суверенных Государств, Содружество Независимых Государств, Российская Федерация, Россия...

Провозглашаемые в декларациях, в решениях съездов названия эти наслаивались друг на друга, словно сыплющиеся наземь осенние неживые листья. Омертвляли своими странными звучаниями давешнее, отменяли его навсегда.

Иногда проклятиями, но куда чаще – смехом – недоумевающим и нервным, привыкали раздражаться люди, в жизни которых вторгалось неслыханное, непредвиденное.

Терялись, узнавая, что Украина, Белоруссия, Казахстан – отдельные государства, что Киев и Минск – иностранные столицы, что Крым и космодром «Байконур» – зарубежье... Верили тому и не верили. Не понимали, как с этим быть.

Обустроенные, заселённые русскими людьми земли, на которых стояли обжитые города, работали кормильцы-заводы, воздушные, морские и речные порты, были вырыты шахты для межконтинентальных ракет и базировались воинские гарнизоны, переставали подчиняться Москве, отгораживались от России пограничной стражей, охраняемыми постами.

Но в Москве и не думали требовать подчинения. Россия от союзных республик отмежёвывалась сама.

Михаил Горбачёв, генеральный секретарь попавшей под запрет коммунистической партии и глава упразднённой державы, покинул Кремль в день, когда с Большого дворца спускали алый советский стяг. Колоссальные пространства Европы и Азии, переставшие быть социалистическим Союзом, не соединяли больше ни общие символы, ни общая власть. Внутри быстро отвердевающих границ вздёргивались на флагштоках национальные флаги, объявлялись собственные президенты, изобретались гербы, писались гимны, печатались новые деньги.

Иные в России смеялись, узнавая из газет о первых постановлениях самостоятельных правителей Туркмении, Грузии, Кыргызстана. Но там, на окраинах, не смеялся почти никто, даже вымученно. На них зверели.

В Закавказье националисты захватывали армейские склады, палками, охотничьими ружьями, арматурой, камнями разгоняли брошенных командирами деморализованных часовых. Растаскивали амуницию, расхватывали автоматы, пулемёты, снаряды, гранаты, патроны. Выкатывали из ангаров бронетранспортёры, гаубицы, танки. Терзали в кровожадном упоении редких, не успевших разбежаться, либо наоборот – самых совестливых, верных присяге офицеров, прапорщиков, солдат.

Рассыпались, дезорганизованные надломом командирских волей, сами воинские части – дивизии, бригады, полки. Махнув рукой на недослуженный по отменённому советскому закону срок, из них дезертировали грузинские, азербайджанские, казахские, среднеазиатские призывники. Сбиваясь дорогой в племенные стаи, устремлялись домой, в выкликнувшие независимость республики-государства. Каждая стая – в своё.

Всё разделялось, расщеплялось в месяцы, дни.

Кроваво выдирался из Азербайджана населённый армянами Нагорный Карабах. От Баку, от Муганской равнины покорять его двигались сколоченные Народным фронтом азербайджан-

ские вооружённые отряды. С ними шли жаждущие крови каратели, раздражённые близостью поживы погромщики, мародёры.

Не признали над собой власти грузинского правительства Гамсахурдия в абхазской и югоосетинской автономиях – и, в противовес грузинским боевым силам, стали собирать свои. Но скоро и в самой Грузии закипела жестокая распря: националисты против националистов, национальная гвардия против президентской. По проспектам Тбилиси катили угнанные с военных полигонов танки, палили из орудий окопавшиеся посреди парковых аллей и клумб артиллеристы, строчили, перебегая между деревьями и фонарными столбами, одетые в полугражданское-полувоенное автоматчики.

Громили учреждения, разгоняли советы, выбрасывали из окон депутатов, осаждали гарнизоны, убивали вузовских преподавателей и ректоров боевики Конгресса чеченского народа в Грозном. Под зелёным полотнищем с чёрным хищником-волком принимал новую присягу в захваченном ими городе Джохар Дудаев, бывший советский генерал-чеченец.

Додавливали остатки коммунистических советов религиозные фанатики в Душанбе.

Против сил поднимались силы.

На севере и на юго-востоке Таджикистана, в не покорившихся фанатикам Ленинабаде и в Кулябе, создавал дружины красный Народный фронт.

Подняло государственническое знамя, будто маяк в шторм зажгло, Приднестровье – русско-малороссийское низовое левобережье Днестра. В Приднестровье выкликнули собственную республику, под красным знаменем и с властью советов, неподвластную националистам Молдавии и самостийникам Украины. В неё как в спасительное прибежище стекались бившиеся с сепаратистами в Риге и Вильнюсе омовцы из упразднённых общесоюзных отрядов, готовые стоять за осколок советской державы идеалисты.

Но тиха, до поры, оставалась центральная Россия, чужда ей была племенная вражда. Опустели в ней площади, поутихли, будто переводя после недавнего буйства дух, обе столицы. Ошеломлённые, ввергаемые в смущение люди силились уразуметь, к чему же именно поведут их те, кому столь самозабвенно месяцы назад они вверили власть.

Те повели, куда и обещали – к капитализму.

— II —

Третьим утром января Валерьян встал поздно. Его не пробудили ни начавшие спозаранку дребезжать под окнами трамваи, ни возня собиравшегося на смену соседа.

За месяцы житья в заводском общежитии он свыкся с постоянным шумом, как свыкся и со всем остальным – чужим и непривычным ранее. С облупившимися стенами неопрятного общего коридора, с его ветхими трухлявыми полами, с порыжелой от ржавчины ванной – единственной на этаже, с делившим с ним комнату седоусым рабочим, добродушным матершинником в пропахшей «Беломором» клетчатой рубашке.

Посидев недолго на кровати, одурелый со сна, Валерьян зевнул, натянул штаны, рубашку, вышел за дверь, зашагал мимо соседских комнат к разящей запахом горелого лука и прогорклого масла кухне. Умывшись под краном, он зажёл на плите конфорку, залил водопроводной водой и поставил на огонь чайник. Чёрная, закапанная жиром конфорка не давала сильного пламени, и Валерьян, зная, что придётся ждать, опустил на табурет.

Над его головой тихо бормотало радио. Он задрал руку, усилил звук.

Здесь, у радиоточки, часто собирались соседи по этажу. Заводские мужики, вернувшись со смен, ловили «Маяк» и с азартом слушали включения-репортажи с футбольных или хоккейных матчей. Но, помимо них, слушали и выпуски новостей, спорили и ругались из-за политики, матерились, поднимали гвалт.

«Ельцин...», «Кравчук...», «Верховный Совет...», «Беловежье» – фамилии руководителей страны, наименования органов власти и государственных соглашений, вырываясь из лужёных глоток, приправлялись ругательствами, солёными прибаутками, сиплыми смешками. Копошющиеся возле плит жёны, не выдерживая, раздражённо фыркали на разошедшихся мужиков, смеялись и взвизгивали забегающие из коридора в кухню дети...

Сейчас по радио интервьюировали какого-то экономиста, самоуверенного и, судя по голосу, молодого. Экономист, настырно вворачивая малопонятные иностранные слова, поучал:

– ...реальное осуществление политики экономических реформ невозможно без создания базового фундамента цивилизованного рынка – эффективной конкурентной среды. А эффективная конкурентная среда, в свою очередь, невозможна без свободного ценообразования, неизбежно формирующегося в условиях демонополизации отраслей и ухода от командно-административной системы. Инвестиционный климат этой страны не может стать привлекательным для иностранного инвестора при сохранении государственных монополий и контроля над ценами. Нет иностранного инвестора – нет и притока финансовых средств. Мы обязаны, наконец, понять, что лишь полностью освобождённый от госконтроля рынок способен сегодня решить главные хозяйственные задачи: наполнить пустые прилавки продуктами, повысить уровень жизни населения, устранить дефицит...

Валерьян хмыкнул, прикоснулся тыльной стороной ладони к чайнику, проверяя, скоро ли тот вскипит.

– То есть наше правительство, приняв решение отпустить цены на продукты, действует в строгом соответствии с современной экономической наукой? – уточнил ведущий.

– Именно! – радостно воскликнул экономист. – Правительство разрабатывало программу реформ в тесном сотрудничестве с ведущими экономическими институтами мира, прежде всего, с американскими институтами. Зарубежные партнёры охотно делились с нами накопленным опытом. А весь мировой опыт буквально кричит о том, что нет на рынке более действенных сил, чем свободно актуализируемые спрос и предложение. Потребитель моментально укажет производителю, что тому целесообразнее производить. А конкуренты не позволят тому устанавливать неоправданно высокие цены. Так – и только так! – можно привести в движение заглохший двигатель экономического развития. Предприятия, наконец, поймут, в какой же

конкретно продукции нуждается наше общество. Советский абсурд с производством бесчисленных и никому не нужных танков, тракторов и комбайнов прекратится. Конец командно-административному произволу положит его величество свободный рынок.

– Многих людей в стране беспокоит вопрос: сколь сильно в итоге вырастут цены?

Сквозь лёгкий треск радиопомех Валерьян отчётливо расслышал барский смехок гостя эфира:

– Уверяю вас, цены вырастут не более, чем в два, ну максимум в три раза. И то подобного стоит ожидать лишь к концу года. Конкурентная открытая экономика, в отличие от командно-административной, служит интересам людей. Зачем же продавцам неоправданно завышать цены? Они же тогда просто не продадут свой товар!

– Но никто из директоров магазинов и работников торговли не обладает опытом ведения ценовой политики в условиях свободного рынка...

– Опыт – дело наживное. Сориентируются, – безапелляционно заявил экономист. – Никаких причин паниковать нет. Слухи же о якобы неизбежном лавинообразном росте цен целенаправленно распускают противники президента из числа цепляющейся за свои кресла партноменклатуры. Ещё раз ответственно заявляю: никакого стремительного взвинчивания цен не произойдёт. Правительство реформаторов – ответственное правительство.

Валерьян выругался сквозь зубы. Слушать подобные витийства ему было тошно.

– Действия правительства подобны сейчас действиям реанимационной бригады. Без шоковой терапии, то есть без радикальных мер...

Валерьян привстал, нащупал регулятор звука.

– Иди-ка ты к чёрту!

Он убрал с огня закипающий чайник, сходил обратно в комнату и принёс пачку заварки.

– Радикальные меры... К вам бы самим... радикальные меры, – пробормотал он, копясь заварной ложкой в пачке.

Из коридора слышались гулкие стремительные шаги. В кухню влетела худорукая, скуластая крашенная блондинка Елизавета Захарчук, бухгалтер заводского дома культуры.

– Ну сволочи!.. С ума просто сойти... – сама не своя выпалила она, в сердцах шмякнув полой хозяйственной сумкой о стол.

– Что случилось, Елизавета Николаевна? – спросил Валерьян.

– А ты в магазин загляни! Да в наш «Рассвет» хотя бы, – взвинченно воскликнула Захарчук. – Охренеешь!

Нервным, порывистым движением она раскрыла сумку, зашелестела целлофановым пакетом. Извлечённый из него белёсый комок из обрезков и жил уместился в её ладони.

– На, полюбуйся! Мясо купила, называется...

– Совсем ничего не достать?

Захарчук бросила комок на разделочную доску, забегала по кухне, сама от возбуждения позабыв, что ищет.

– Достать-то – достать. Только цены сумасшедшие.

Валерьян улыбнулся, придя от родившейся мысли в злорадство.

– Значит, действительно подскочили? А по радио вот только что слушал...

– Ах, чтоб их всех! – Захарчук указала пальцем на жилистый комок. – Знаешь, к примеру, сколько вот это, с позволения сказать, мясо стоит?

Валерьян поглядел на неё с тревожным любопытством. После изданного накануне официального разрешения директорам магазинов самостоятельно определять цены он за покупками ещё не ходил.

– Сорок шесть рублей за килограмм! – чуть не разрыдалась Захарчук.

Валерьян изумился:

– Сорок шесть рублей?!

– Сорок шесть! А вчера днём, представь, оно двадцать два стоило! – щёки Захарчук покрылись красноватыми пятнами. – Ох, чего ж я сдуру вчера-то мяса не взяла? Думала, вернусь домой, возьму ещё денег, пойду обратно. И... не пошла. Понадеялась: вдруг одумаются, пощадят народ? И на тебе! Сегодня оно ещё вздорожало.

Она обломала спичку о коробок, выругалась, чиркнула другой.

– Пришла – а на килограмм снова денег не хватает. Отвесили на двадцать пять рэ – больше с собой не было. Да и то: не мясо, а сплошные жилы. Смотреть слёзно!

Захарчук набрала в кастрюлю воды, поставила на огонь. Затем, примерившись, отрезала от шмотка небольшой кусочек.

– В десять раз, считай, цена подлетела! – бросила она кусочек в кастрюлю. – Ведь перед Новым годом говядина ещё под пятёрку стоила.

– Я помню, – п одтвердил призадумавшийся Валерьян.

– И если бы только на говядину! А-то ведь всё вздорожало, как по команде. И масло, рыба, и колбаса, и яйца.

– Прямо всё?

– Всё! Сначала вчера, а потом ещё и сегодня. Прямо по часам цены растут. Причём везде, во всех магазинах. Это что ж дальше-то будет?

Валерьян уставился на остывающий в чашке чай.

– Что будет? Рыночная экономика будет. Как демократы и обещали.

Елизавета смахнула со лба неестественно осветлённую прядь волос.

– Демократы... партократы... Совсем уже дурдом какой-то пошёл!

Направившись опять к раковине, она со злостью отшвырнула в сторону пучок новогоднего дождя, кем-то прицепленный к протянутой через кухню бельевой верёвке.

– Здравствуй, ж..., Новый год! Приплыли...

Валерьян, не допив чай, ушёл обратно в комнату.

Закрыв дверь, он присел под вешалкой, на редкие крючья которой в несколько слоёв были навешаны его и соседа куртки и свитера, размотал закрученную узлом горловину лежащего на полу мешка. Картошки в нём оставалось килограммов на пять, мелковатой, сморщенной, с проклюнувшимися сквозь кожуру «глазками».

Затем он заглянул в другой мешок, с луком. Лука было всего восемь головок – его он не покупал давно.

Встав, Валерьян прошагал к своей тумбочке, выдвинул ящик, вынул лежащие под тетрадями и учебниками деньги, сосчитал. Их оставалось сто восемнадцать рублей – предновогодняя получка заводского вахтёра, сложенная со студенческой стипендией. До следующей получки оставался почти месяц.

Он сел на пружинистую металлическую кровать, снова поглядел на мешки с картошкой и луком, на лежащий на тумбочке раскрытый учебник. Через день ему предстояло сдавать первый в сессии экзамен.

«Эдак и повышенная стипендия погоды не сделает...», – подумал Валерьян, ковыряя на указательном пальце заусеницу.

Поразмыслив, он отсчитал пятьдесят рублей и, одевшись, вышел.

Гастроном «Рассвет» находился на параллельной улице, от перекрёстка до него нужно было идти два квартала. Вход был свободен: ни высунувшегося наружу хвоста очереди, ни толчеи в дверях.

Внутри тоже было немногочленно. Десятка два покупателей переходили от прилавка к прилавку, шурша полупустыми сумками и сердито бормоча. В отделе, где продавали консервы, хрипотно кашлял старик:

– Совсем стыд пх-хотеряли... Пх-хямо на хлеб и воду народ сх-ажаете своими цехнами...

Продавщица в белом колпаке смотрела квёлыми глазами перед собой, не вступая со стариком в объяснения.

Валерьян, не отрываясь, глядел на ценники. Банка кильки в томате стоила семь рублей, банка шпротов – одиннадцать пятьдесят, скумбрия – шестнадцать. Он облизал подсохшие от уличного мороза губы.

– Вы отх-ветьте, кх-то вам такие цены разрешил кх-хустанавливать? – не унимался старик, заводясь пуще от мешавшего говорить мокротного кашля. – К х-то?

– Директор, – неприветливо процедила продавщица.

Валерьян, переходя из отдела в отдел, всё более терялся. Витрины, скудные в канун праздника, изобиловали продуктами. Рассортированные, расфасованные, на полках лежали варёные и копчёные колбасы, говяжье и свиное мясо, куриные тушки, масло, рыба, крупы, клетки яиц. У Валерьяна разбегались глаза. Он сразу и припомнить не мог, когда в последний раз видел в магазине столько всего одновременно.

– Ишь, разложили купцы товар. А недавно ещё пели, что на складах хоть шаром покати, – оскалился мужик в мохнатой ушанке из фальшивого меха.

От цифр на ценниках люд лязгал зубами. За килограмм варёной колбасы теперь запрашивали тридцать пять рублей, за килограмм копчёной – пятьдесят. Свежие карпы продавались по тридцать рублей, курица – по двадцать пять, свинина – по тридцать семь.

– Специально дожидались, когда разрешат цены вздуть. Народ ободрать думают, паразиты, – недобро проскрипел другой покупатель, долговязый, но щуплый, с болезненным желтоватым лицом.

Его сетчатая «авоська» была пуста.

В смятении Валерьян устремился в хлебный отдел.

«Ну если и там...»

У него отлегло от сердца, когда он увидел, что цены на хлеб поднялись незначительно. За буханку белого хлеба просили только рубль сорок две копейки.

Купив поскорее буханку, он затоптался в нерешительности посреди зала, не в силах решить, что же именно из продуктов следует взять ещё. Большинство из того, что лежало на полках, было не по карману.

Другой гастроном – «Радуга» – находился за три автобусных остановки, но Валерьян, дабы собраться с мыслями, пошёл пешком.

«Стипендия – сорок. Ещё зарплата – девяносто. Всего сто тридцать. А на них выходит: килограмм мяса, пара кур, пачка крупы, от силы – штук двадцать яиц. И всё это – на месяц», – считал он дорóгой.

Он пытался складывать стоимость курицы с крупами и консервами, затем, исключив всякое мясо, стал прикидывать, сколько сможет закупить консервных банок и мешочков крупы, но итог всё равно выходил пугающий. Новая продуктовая плата обрекала его экономить на каждой хлебной буханке, на каждом яйце, на каждой горсти гороха или пшена.

В «Радуге» было то же самое: изобилие выбора и непомерные цены. Только яйца стоили не девять пятьдесят, как в «Рассвете», а полновесные десять рублей, да за говяжье мясо требовали полсотни. Ошеломлённые покупатели возмущались, бранились, пробовали совестить продавщиц:

– Дочка, у меня ж пенсия-то всего семьдесят пять. Ну как я проживу-то с такими ценами? Голодом уморить хотите? – тёрла у прилавка слезящиеся глаза укутанная в махровый платок старушонка. – В войну голодала, когда Гитлер на нас пёр. И вот опять – только без всякого Гитлера...

– Что вы ворочаете-то вообще? Пятьдесят рублей за килограмм мяса? – щекастый седой мужик барабанил пальцем по витринному стеклу, за которым лежали, наваленные на полки, куски свежей говядины. – Вы ответите за этот грабёж! Где ваш заведующий?

Посетители зыркали на продукты, на ценники, на отстранённо-безучастные лица продавщиц.

– У, хапуги-рвачи...

Валерьян, похोдив по магазину, купил на тридцать рублей три банки консервированной кильки и десять яиц. Никогда ранее не доводилось ему, тратя деньги, испытывать столь ощутимый прилив скаредности.

Обратно он шёл притихший. Из сгустившихся облаков сыпал мелкий крупяной снег, неприятно царапая щёки и нос.

За перекрёсток до общежития Валерьяну повстречался Олег Ширяев, сосед по этажу. Могучий, косолапый по-медвежьему, неотёсанный парень-обрубщик в спешке перебежал через улицу на красный свет и, поскользнувшись возле бордюра, задел его плечом.

– Аккуратнее, – предостерег Валерьян.

– А, ты... – Ширяев приподнял над бровями низко нахлобученную шапку.

Он замигал толстыми веками, протёр каштановые ресницы.

– Видал, что в магазинах творится?

Валерьян угрюмо кивнул.

– А за водку знаешь, сколько теперь заламывают?

Не охочий до выпивки, на ценниках в алкогольных отделах Валерьян не задерживал взгляд.

– И сколько же? – из любопытства спросил он.

– Семьдесят девять рублей!

– Это за пол-литра-то?

– За ноль-семь, – поправил Ширяев. – В коммерческом. Но и за пол-литра тоже будь здоров... По шестьдесят два с полтиной дерут.

Он потупился в нерасчищенный, в ледяных бугорках, асфальт, замотал головой, будто наваждение отгоняя.

– Кто бы вчера в такое поверил...

– Купил?

– Откуда?! Вот думаю у кореша признаться.

Ширяев потёр румянящиеся на холоде щёки, крупный, картошкой, нос.

– Слушай... – шмыгнув, он ткнул Валерьяна кулаком в грудь. – А ты сможешь добавить чуток? Вместе дрябнем.

Валерьяна пить не тянуло, но из житейского опыта вынес, что рабочий люд на прямые отказы обидчив.

– Экзамен на носу, – вежливо уклонился он.

– Да мы так, для настроения. Успеешь отрезветь.

– По матанализу готовиться надо. Схвачу «тройку» – останусь без стипендии. А с такими ценами – сам понимаешь...

Довод про цены оказался весом.

– Понимаю, – прогудел Ширяев. – Всякой копеечке будешь рад.

Он заспешил по улице дальше, широко поводя кургузыми плечами при быстрой ходьбе. В пелене густо повалившего снега фигура его скоро сделалась трудноразличима.

— III —

Первый экзамен Валерьян сдал на «отлично», но следующие два – на «хорошо». Дежурства на заводской проходной легли неудачно, выпав на дни, отведённые университетским расписанием для подготовки. Схваченные «четвёрки» лишали права на повышенную стипендию, что означало усугубление бедности для Валерьяна.

Не сразу сумел он приноровиться: правильно распределять траты. Средства расходились стремительно; только опытным путём ему удалось уяснить, что, покупая нужные мелочи вроде бритвенных лезвий, зубной пасты, ручек и карандашей, он лишает себя еды. Ему приходилось неделями скрести подбородок негодным лезвием, выдавливать из тюбика крошечные, с полногтя, капельки пасты, чтобы сберечь на покупку картошки и макарон рубли.

Приглядываясь к тому, как экономили жёны рабочих, Валерьян учился дотошной экономии сам. По утрам он жарил на кухне яичницу не из двух, как привык, а из одного яйца, но заправлял её несколькими колечками лука и ложкой каши. Крупу тоже приходилось беречь. Прикончив припасённые с Нового года пачки гречки, он не стал покупать других, а перешёл на пшено. Три банки консервированной кильки получилось растянуть на неделю, но новые оказались не по карману. За этот срок килька в томате увеличилась в цене почти вдвое: с семи рублей до двенадцати с копейками.

Дорожало всюду и всё, причём, в частных ларьках цены росли даже быстрее, чем в государственных магазинах. Сразу четыре киоска, тёмно-фиолетовых, из волокнистого пластика, словно выдутые из трубки продолговатые пузыри, установили во дворе общежития, в ряд, напротив входа. Продуктов в них водилось немного, зато от выставленных на витринах водочных, винных, пивных бутылок рябило в глазах. Заводские рабочие скапливались вечерами возле уродливых, разящих запахом химических красителей киосков.

– Давай пол-литра. Какой? Той, что подешевле. И ещё кильки на закуску, – гундосили мужики, суя в окошечки деньги. – Что, не хватает на закуску? А, чёрт... Ну давай просто пол-литра.

Костеря «живоглотов-торгашей», они уносили с собой одну только водку и через вечер-другой возвращались за ней опять.

– Слышь, давай пол-литра. Что, на пять рублей теперь дороже? Да вы охренели вконец!

После короткой перепалки мужики отсчитывали плату и, уходя, сердито переговаривались между собой:

– Вот же жлобья развелось. Будто нарочно берут за глотку.

Валерьяну прокормиться помогала должность при Кузнецовском металлическом заводе. Будучи вахтёром, он имел возможность ходить в столовую, где еду продолжали отпускать по прежней цене. Но непросто давались Валерьяну сытные порции борща, тушёного мяса, отварной рыбы; всякую смену ему приходилось изворачиваться и выкраивать время, чтобы успеть поесть.

В столовой отныне никогда не заканчивались очереди: что в перерывы, что в рабочие часы она заполнялась битком. Еду хватали, словно боясь, что та закончится, работницы касс с трудом успевали считать. В толчее у линии раздачи с горечью перешучивались:

– За зарплатой раньше так не толкались...

– Чисто рабовладение новое учредили – работаем за еду.

На кухне общежития, где вечерами по-прежнему собирались у плит, разговоры вертелись вокруг двух главных тем: еды и цен. Жёны больше не цыкали на мужей, затевавших споры из-за политических новостей. Они сами теперь крыли новые порядки.

– Видели, что в «Рассвете» придумали, сволочи? – восклицала, всплёскивая руками, Ольга Корнеева, Корнейха, супруга медлительного в движениях, будто хронически не высыпавшегося Фёдора Корнеева, кранового машиниста. – Что на ценниках-то понаписали сегодня?

Она только что вернулась из гастронома, потрясённая, и была не в силах сдержать себя.

– Что такое опять? – с испугом переспрашивали её.

– Они уже в граммах всё считают! За каждый грамм теперь шкуру содрать норовят.

– Это как?

– А так! Захожу в «Рассвет», подхожу к мясному отделу и глазам поначалу не верю. На ценнике написано: говядина – шесть рублей! Шесть!

– Да ты что?! – просияла рябая уборщица Тамара Фёдорова, вошедшая в кухню на середине её рассказа. – Неужто и впрямь прижали их, оглоедов?!

Корнеева зашлась нервным взвизгивающим смехом и поглядела на Фёдорову, словно на юродивую.

– Прижмут их! Щ-шаз! Совсем ты, что ли, дурная?

– Да что там такое-то, в этом «Рассвете»? – заворчал из закутка дымящий в форточку лысоватый бугай Кудинов. – Рассказывай толком!

– А то, что эти шесть рублей – цена ста граммов. Ста! А килограмм хочешь – шестьдесят целковых выкладывай! О как!

Фёдорова жалобно заморгала, точно ей в лицо плеснули водой.

– Ах, мать же их! – сипло выругался Кудинов. – Ведь вчера ещё в килограммах торговали. Говядина по сорок девять с копьём шла.

– Вот-вот. Усёк теперь? Позавчера сорок девять с копейками за килограмм брали, а сегодня купит у них десять человек по сто грамм – и магазину уже шестьдесят рублей с того же самого килограмма прибудет. Так-то!

– Ловко они, – сдавлено прошипела Захарчук.

– И ведь отдадим же мы им, хапугам, – плаксиво запричитала Фёдорова, в бессилии опускаясь на табурет. – Отдадим, деваться некуда...

Всех охватила бессильная злость. Кудинов выбросил в форточку окурочек, плюнул.

– Ну гады!

От скоротечного и повсеместного впадения в нищету не по себе становилось даже самым уравновешенным, не склонным поддаваться панике людям.

Деливший с Валерьяном комнату фрезеровщик Иван Лутовинов ерошил пальцами седые прокуренные усы.

– Куда-то не туда у нас жизнь заворачивается. Совсем даже не туда, – в задумчивости повторял он, сидя на кровати.

Валерьян, пригнувшись над тумбочкой, жевал варёную картофелину и заедал её хлебом, макая ломоть в оставшийся на дне консервной банки томатный сок.

– Я-то с моим разрядом и стажем полтыщи имею, потому держусь пока. А вот ты... – Лутовинов обратил к нему участливый взор. – А вот тебе-то с твоими заработками каково?..

Он обходился с Валерьяном с доброжелательной снисходительностью, с какой привык относиться на заводе к начинающим рабочим. Давно разошедшийся с женой, похоронивший привезённого с афганской войны ¹единственного сына, он не замкнулся в мрачном ожесточении, не утратил интереса к жизни и к окружающим людям.

– Перебьюсь, – сумрачно отозвался Валерьян.

Лутовинов кашлянул, почесал выпирающий, в закрученных белых волосках, кадык.

¹ В течение 1979–1989 гг. в составе Ограниченного контингента Советских войск в Демократической Республике Афганистане (ОКСВА) 40-я общевойсковая армия вела боевые действия с бандами засылаемых в ДРА иностранных наёмников-моджахедов. – Прим. ред.

– Непросто будет перебиться. Цены всё вверх да вверх прут. Никто их снижать и не думает.

Валерьян отхлебнул из кружки чай.

– Конечно, не думает. У нас ведь рыночную экономику взялись строить. При ней контроля за ценами не предусмотрено. Типа, рынок всё отрегулирует сам.

Лутовинов в экономике не разбирался, рассудил по собственному разумению:

– Я не против рынка. Пусть себе. В магазинах хотя бы всё появляться стало. Но вот зарплаты... Их же прямо сейчас прибавлять надо. А вот об этом отчего-то никто ни гу-гу...

– Зарплаты? – Валерьян фыркнул в кружку. – На прибавку к зарплате при капитализме ещё заработать надо. Капитализм – не социализм, механизм его принципиально иной.

Средства производства работают на прибыль. Наёмный труд создаёт прибавочную стоимость. Прибавочная стоимость обеспечивает рост капитала. Без постоянного роста капитала предприятие существовать не может, оно разорится или его съедят конкуренты. Зарплата – это издержки. А их надо покрывать. Так что, прежде чем рубль подкинуть, на пять обдерут. Рынок – о н такой.

– Заумно больно говоришь. Парторг наш – и тот был попроще, – о пустил бровь сбитый с толку Лутовинов.

– Я – не парторг, но политэкономия проходил. Как при капитализме предприятия функционируют и откуда прибыль берётся, в учебниках доступно написано.

– Что мне до учебников? Я просто хочу, чтоб жизнь поскорее в колею вошла, раз уж по-новому решили жить.

– Колея при рыночной экономике ухабистая. Подъёмы, спады... Нет денег – сиди голодным. Твои, мол, проблемы.

Лутовинов с упрямством мотнул головой:

– Ну я-то, положим, голодать не буду. Руки у меня откуда надо растут, работать умею. А вот ты... и вообще молодёжь...

Валерьян тоже неплохо относился к Лутовинову, но от его непросвещённости раздражался и делался охочим до ехидств.

– Вы, Иван Семёнович, не больно благодумствуйте. С такой инфляцией и ваши пятьсот рублей скоро обесценятся. А потом ещё и безработица начнётся.

– Безработица? У нас? – Лутовинов не поверил ушам.

– А что? Безработица вообще-то естественное явление при капитализме. Есть она на Западе – будет и у нас. Да те же демократы об этом прямым текстом говорят.

Пегие брови фрезеровщика сдвинулись.

– Кто ж это такое говорит?

– Как кто? Ельцин, Гайдар, депутаты.

– Гайдар – это этот... молодой такой... со щеками как у хомяка?

– Он.

– Вот прямо так? Прямо безработицу обещает?

Валерьян, кривовато посмеиваясь, продолжил просвещать Лутовинова:

– По сути – да. Он говорит, что нерентабельные производства нужно сворачивать. Мол, военная промышленность, тяжёлая металлургия, машиностроение и всё подобное нам не нужно – они нерентабельны и опустошают государственный бюджет. Вот и подумайте, Иван Семёнович, что с людьми будет, если предприятия действительно закрывать начнут. При капиталистическом строе никого просто так, из отвлечённого гуманизма, на содержание брать не станут.

– Это уж ты загнул, – твёрдо возразил Лутовинов и даже ругнулся. – Чтoб людей намеренно работы лишали, на улицу вышвыривали? Не будет такого в нашей стране. Придумают, куда пристроить.

– Ну поживём – у видим.

– Ты, парень, не каркай, – нахмурился Лутовинов и ругнулся опять. – Думай лучше, как самому прожить, коли такой грамотный.

Валерьян смолчал, чувствуя, что не стоит далее пререкаться с начинающим серчать соседом. Некоторое время они молчали, размышляя о ближайшем будущем. Затем Лутовинов возобновил разговор, будто затем, чтобы погасить разбуженную Валерьяном тревожность:

– Времена, конечно, непростые настали, в этом ты прав. Но мы-то, старики, как-нибудь вывернемся. Не первый год на свете живём. А вот вы, молодые... – и он, смягчаясь, сел на привычный конёк. – Вот взять тебя: ни специальности ещё нет, ни кола, ни двора. Раз такое творится начало, уж домой бы лучше вернулся. Чего тебе в нашей общаге обретаться? Ты ж из интеллигентной семьи, учёного сынок.

– Нет, – непреклонно отрезал Валерьян. – Не вернусь.

После августовской Москвы находиться рядом с отцом ему было невыносимо.

– Гордый...

– Плохо?

Лутовинов прищурил светло-карие внимательные глаза.

– И ершист...

— IV —

Политику Валерьян не оставил. Всю осень и начало зимы он ходил к памятнику большевику Кузнецову, возле которого прошлым летом впервые купил у уличного распространителя газету «День». В месяцы оглушающего торжества ельцинистов чтение её статей помогало ему держаться, не утратить веру в возможность отпора им.

Скоро он и сам сделался распространителем. В выходные они стояли с пачками газет у памятника вдвоём: долговязый, сутулящийся, подкашливающий от промозглости мужичок Михаил и он – с тудент-третьекурсник.

После капитуляции ГКЧП² торговля шла совсем вяло. Подрассеялся даже возникший было в городе круг читателей «Дня». Бывало, что за целые часы стояния у памятника им удавалось продать всего по восемь – по десять газет. Прохожие не выказывали приязни. Часто в их адрес норовили съязвить, бросить что-нибудь насмешливо-пренебрежительное, задеть словом:

- О, стоят, комсомолец и политрук.
- Два несгибаемых борца...
- Ништяк, подпольный райком наградит.

Михаил сцеплялся языками с охальниками, Валерьян в моменты перепалок сжимал кулаки.

В канун седьмого ноября им пришлось отмахиваться от ватаги полупьяной шпаны, вожак которой, стриженный «под горшок» белобровый брыластый парень, проходя мимо, вдруг поддал Михаилу по руке. Ворох газетных номеров рассыпался по мокрому асфальту, парень залился низким утробным смехом.

– Кончай свою макулатуру пихать, коммуняка, – обдал он Михаила ядрёным духом водки и иностранного табака.

- Его товарищи, гогоча, принялись наступать на рассыпавшиеся газеты ногами.
- Америка – г уд! Совок капут!

В драке Михаилу разбили лицо, Валерьяну рассекли бровь, но и он, выхватив кастет, который после возвращения из Москвы сделал из водопроводного вентиля и постоянно носил при себе, тоже раза два прокорябал литым металлом по чьим-то рёбрам. Прохожие шарахались от машущих кулаками, матерящихся людей, жались к краям тротуаров, кто-то пробовал звать милицию, но ту после августа-месяца трудно было сыскать.

На следующий день, в праздник, подсинённые, с пластырями и мазками зелёнки на лицах, они стояли у памятника опять, готовые ко всему. Михаил захватил монтировку и держал её наготове под плащом. Валерьян, помимо кастета, имел при себе перочинный нож.

Злопыхатели из прохожих держались тише, задирая их реже обычного. Вчерашние забияки не объявились.

– Тоже, видно, получили нехило, – проговорил Михаил и расцепил в улыбке чёрные, вздувшиеся пузырями губы. – Забоялись снова налетать на наш пост.

С того дня они так и стали именовать между собой свою торговую точку у памятника – пост.

В декабре им приходилось туго. Морозы не спадали неделями, и за часы торговли оба промерзали до костей. «День» по-прежнему покупали не слишком охотно, и инертность окружающих выводила Михаила из себя.

– Ведь всё же понятно! – твердил он, изливая Валерьяну горечь. – Ельцин, Кравчук, Шушкевич – предатели, расчленили страну. Повсюду войны. В России на глазах возрождается

² Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР – самопровозглашённый орган власти, действовавший в Советском Союзе с 18 по 21 августа 1991 года. – *Прим. ред.*

капитализм. Причём в самом худшем, компрадорском изводе. Да эти деятели половину народа уморят, лишь бы богатств нахапать! Ну что ещё людям надо, чтобы прозреть?

– Не доходит ещё до многих пока, – безрадостно пожимал плечами Валерьян. – Вот когда каждый шкурой почувствует...

Михаил морщился, тёр варежкой зябнувшее остроскулое лицо.

– Да понимаю я, что иначе, видимо, никак. Не дойдёт. Просто душой такого принять не могу: собственному народу бедствий желать.

Валерьян, вспоминая отца, умолкал, ковырял носком ботинка утопанный снег.

– Будто дурманом каким опоили людей, – продолжал сокрушаться Михаил. – У них на глазах родину из-под носа увели, а они...

Он тягостно вздыхал, скрипел зубами, прижимал руку к груди, внутри которой ныло раненое сердце.

– Не убивайтесь вы так, – утешал его Валерьян. – Газету «День» тоже читают...

В первые после Нового года выходные он, занятый подготовкой к экзаменам, не пришёл торговать, а когда явился во вторые, обледенелый пяточок перед заиненным монументом оказался пуст. Михаила не было.

Отсутствие привычного товарища озадачило Валерьяна. Он знал, что свежий номер газеты выпущен, и был уверен, что Михаил привёз запас номеров из Москвы.

Он позвонил из уличного автомата, но к домашнему телефону никто не подошёл. Задумчивый, он поехал назад в общежитие. Второй звонок он сделал вечером, от дежурного с проходной, и снова не сумел дозвониться.

На следующий день, в воскресенье, к памятнику Михаил опять не пришёл. Напрасно ждал его в привычный час Валерьян, притопывая от холода ногами под заиненным монументом. Мимо сновали прохожие, постоянные покупатели останавливались, спрашивали газету, но он смущённо разводил руками, не зная, что отвечать.

Недоброе предчувствие стало одолевать Валерьяна. Ранее Михаил бывал всегда точен, а при необходимости оставлял ему на проходной общежития записку.

Валерьян зашагал к остановке, сел в автобус до Заречного микрорайона, в котором, как он знал, жил Михаил. Непрогретый, с дребезжащими дверьми автобус долго тащился по проспекту 50-летия Октября, затем по протяжённой, с высокими сугробами вдоль тротуаров, Комсомольской улице, попал в затор у моста через Волгу, за которым начиналось Заречье. Пассажиры, зацепившись за какую-то обронённую кондуктором фразу, спорили о Ельцине, о политике, о ценах...

Панельная пятиэтажка в Заречье стояла приметно: за церковью, одна-единственная среди чёрных бревенчатых изб. В её выстуженном, с не закрывающейся дверью подъезде, свернувшись калачиками, дремали уличные собаки.

Валерьян поднялся на четвёртый этаж, позвонил в квартиру. Открывшая дверь печальная женщина не ответила на его приветствие, негостеприимно глядя из-за порога.

– Я к Михаилу.

Женщина молчала, не спуская с него мнительных глаз.

– Михаил дома? – переспросил Валерьян.

– А вы кто?

Скрывать он не стал:

– Его товарищ. Газету «День» продавать помогаю.

Лицо женщины исказилось, она взвыла, словно на похоронах:

– Ах, чтоб вам с этой политикой! Чтоб пусто вам было!

Крик её, страдальческий и ненавидящий, заставил Валерьяна содрогнуться.

– Да сколько ж можно-то, господи! То исколотили Мишку из-за тех проклятых газет! В крови весь, едва живой приполз! Теперь инфаркт хватил!

– Инфаркт?! – сам не свой, вскричал Валерьян.

В прихожую выбежала светлоглазая девочка-подросток, растерянно забегала вокруг матери, точно всполощенный зверёк.

– Мама, мама, не надо...

– Где он? В больнице? Здесь? – вступая без приглашения в квартиру, требовал ответа Валерьян. – Да скажите же, ну!

Женщина, жена Михаила, причитая и слезясь, отвечала путано. С трудом Валерьян уяснил главное: Михаил свалился четыре дня назад, с «колом в груди». Еле поспевшая «скорая помощь» увезла его в главную областную больницу.

– Вот сколько Мишке говорила, чтоб не убивался так! А он будто специально себя изводил: всё новости без перерыва слушал, всё газеты читал. Насмотрится, начитается – и клянёт всех направо, выворачивает наизнанку себя, – сокрушалась жена. – Всё политика эта, чтоб её!.. А ещё эти газеты!.. Вокруг страх что творится, всё кувырком летит... Жить на что – не пойми... А он с инфарктом... Го-о-споди-и-и!..

– Мама... мамочка... – бормотала дочь. – Полегчает папе... правда. Вот увидишь...

Валерьян, тяготясь спровоцированной своим приходом сценой, попятился к двери.

В областной больнице тоже всё вышло непросто. В коридоре отделения ему пришлось долго пререкаться с дежурной медсестрой, не пропускавшей в палату.

– Да мне товарища повидать надо! Я только сегодня узнал, что он здесь, – теряя терпение, настаивал Валерьян.

– У нас специальные часы для посещения установлены. Вон, читайте, – медсестра тыкала пальцем в сторону входной двери.

– Но я же заранее не знал, когда у вас эти часы. А позвонить было неоткуда. Живу в общежитии, телефона нет.

– Ничего не знаю!

– Да я ненадолго. Хоть мельком увидеть. Что ж я, зря ехал что ли?

Медсестра, в конце концов, сдалась и, ворча, допустила в палату.

Михаил лежал у левой стены, на ближайшей от входа кровати. Веки его затрепетали, матовое лицо чуть-чуть ожило, когда Валерьян, подвинув стул, сел у изголовья.

– А..., ты... – слабым голосом заговорил он, сглатывая окончания слов. – П одкосило меня... маленько...

– Мне ваши дома сказали...

Михаил заворочался, высвобождая из-под одеяла руки.

– Ходил... значит... к ним...

Валерьян, теряясь, не знал, с чего начинать:

– Они сказали – и нфаркт...

Михаил, лёжа на спине, дышал часто и свистяще.

– Э-эх, мои... Трудно... им... мне...

Он закинул руку за голову, ухватился за металлический прут спинки кровати, приподнял плечи, забормотал, прерываемый одышкой:

– Видишь сам..., что творится... Страну пустили вначале... вразнос... народ теперь... обирают... Подчистую...

Глаза людям открывать... надо... Втолковывать им..., что к чему... Ведь грабят же... последнее у них отбирают...

Голос Михаила сник, понизившись до шёпота.

– Народ злой, ругаются все, как один, – попытался обнадежить его Валерьян.

– Хоть что-то... доходить начало... Когда в карманы... полезли...

Валерьяну почудилось, что к горечи у Михаила примешивается мстительность – по отношению к людям, к сердцам которых он долго и малоуспешно искал пути.

– Газета нужна... Я в Москву не успел... съездить... слёг... Говорить с людьми надо... разьяснить... Чтоб поняли... чтоб уяснили в конце концов... от кого вся эта... разруха идёт...

Валерьян внимал, поражаясь человеку, с трудом шевелящемуся, полуживому, но радеющему не о себе. Быстро и непоколебимо решившись, он заявил:

– Я в Москву съезжу. Привезу сколько надо.

– Съезди... правда надо... позарез... Там прямо... в самой редакции... на Комсомольском... Я продавал по себестоимости... рубль к рублю... Ты продавай как знаешь... Ещё скажи, что деньги перешлю позже... как оклемаюсь... Всё перешлю...

Приподнимая и роняя голову, он продолжал сбивчиво инструктировать Валерьяна, но тут в палату влетела медицинская сестра.

– Уходите скорее, – зашикала она на Валерьяна. – Вот-вот обход. Я вас вообще пускать не имела права.

Валерьян, слушая Михаила, медлил, и медсестра настырно затрясла его за плечо.

– Вы слышите меня, нет? Я к вам обращаюсь.

Из дверей Валерьян оглянулся, помахал Михаилу рукой.

– Я привезу, – громко повторил он. – Прямо завтра поеду в Москву.

— V —

Поездке в столицу ничто не препятствовало. После завершения сессии в университете начались каникулы, от дежурства в намеченный день Валерьян был свободен.

Выехал он затемно, ранней электричкой. С конца прошлого лета он не бывал в Москве, потому, сойдя с поезда и попав на Комсомольскую площадь, обомлел.

И прилегающие к ней тротуары, и сама площадь были заполнены людьми до такой степени, что проходящая через неё трамвайная колея выглядела, точно узенький пирс в бурунящемся море. Всё пространство между тремя вокзалами, от гостиницы «Ленинградская» до универмага, кишело торговцами. Разновозрастные, неопрятные, они толклись на холоде и, выпуская изо ртов густой пар, настырно совали прохожим разную дребедень: носки, рукавицы, подстаканники, чайные ложки, тюбики зубной пасты, мыло. Торговля велась, чем попало: одеждой, обувью, посудой, старьём.

Вперемешку с вещами продавали еду. На деревянных ящиках, на расстеленных на снегу картонных листах лежали консервы, краюхи сыра, банки с соленьями, бутылки водки, хлеб. Озябшие продавцы зазывали покупателей сиплыми голосами:

- Рубашки байковые из Польши!
- Джинсы фирменные!
- Сапоги импортные!
- Ремни кожаные армейские!
- Тушёнка говяжья!
- Майонез баночный!
- Чайный сервиз!

Валерьян с трудом проталкивался сквозь эту дикую разноголосую орду к спуску в метро. Ему на каждом шагу совали под нос всякое барахло, хватали за рукава.

– Да отвяжитесь! Дайте пройти! – огрызнулся на наседавших торговцев Валерьян.

Вжав голову в плечи, но упрямо лез вперёд.

Подземный переход тоже запрудили торговцы. Стоя вдоль стен, они разложили свой скарб прямо под ногами. Люди шли по переходу, чуть не задевая выставленные на продажу чайники, кастрюли, стопки сложенных свитеров и кальсон, журналы, книги. Иногда кто-то останавливался, брал что-нибудь в руки, переговаривался с продавцом, одновременно отпихиваясь плечами и локтями от прущих мимо.

Только за книги на всём этом торжище нет-нет цеплялся глаз Валерьяна. Перед входом в вестибюль станции он даже приостановился у развала, привлечённый видом толстых томов. Наименование одного выстрелило в сердце – «Страна гибнет сегодня».

Он присел, взял его в руки. Книга (воспоминания белогвардейского генерала) была кооперативным изданием, на желтоватых страницах тускнел небрежный, расплывчатый шрифт.

– Страна гибнет сегодня, – подтвердил книготорговец – заросший, подрагивающий, будто с похмелья, мужичонка в засаленном «петушке».

Для прохода через турникет пришлось истратить три пятака. Проезд в метро подорожал троекратно – с пяти копеек до пятнадцати, но всё равно оставался дешёв. Валерьян, съезжая на эскалаторе вниз, с удовлетворением хмыкнул: поездка в московском метро стоила всего на пару копеек дороже коробка спичек.

Дорогу до редакции «Дня» он помнил хорошо. Писательский особняк на Комсомольском проспекте, как и в прошлом августе, являлся сродни штабу. В нём, помимо издания газеты, регулярно собирались общественные деятели, литераторы, добравшиеся до Москвы из отмежававшихся союзных республик посланцы просоветских народных фронтов, добровольцы-рас-

пространители оппозиционной печати. В нём не царил более дух мрачного отчаяния. Редакция была деловито оживлена, и, войдя внутрь, Валерьян ощутил это сразу. В коридорах мелькали сотрудники с бумажными листками в руках, из кабинетов доносился дробный стук печатных машинок, в приёмной звонил телефон.

Михаил не успел объяснить Валерьяну, к кому следует в редакции обращаться, чтобы получить на распространение часть тиража. Он потоптался в вестибюле, затем заговорил наудачу с незнакомцем, старательно всовывающим в дорожную сумку пачки газет:

– Вы тоже за свежим номером?

Поглощённый делом незнакомец шмыгнул носом.

– Ну...

– И я.

Плотные пачки уместались в сумке с трудом, края её никак не сходились.

– Давайте помогу, – предложил Валерьян.

Вдвоём они кое-как сомкнули неподатливые края и застегнули молнию.

– По Москве развозите? – поинтересовался незнакомец, уже любезнее.

– Нет, в другой город.

– Я тоже в другой город, – собеседник Валерьяна усмехнулся невесело. – Можно даже сказать – в другую страну...

– Это куда же?

– А в Ригу. В Латвию.

Лицо человека из Риги было типично русским: широкое, слегка асимметричное, с крупным, неправильной формы носом.

– Я был в Риге в позапрошлом году, – признался Валерьян, проникаясь к русскому рижанину уважением. – Там уже тогда были националистические порядки.

– А сейчас ещё хуже. Им вообще море по колено теперь. Получили в мире признание, официальным порядком отделились. Законы принимают такие, что тому, кто не латыш, вот хоть прямо манатки собирай и беги. Да они так прямо и говорят: «Чемодан – вокзал – Россия!»

Рижанин пригладил светло-каштановые виски, закрутил вокруг шеи шарф.

– Эх, в прошлом августе-то их задавили уже, считай, – выдохнул он с чувством. – В Риге наш ОМОН националистов разогнал в один день, все их флаги с учреждений посрывал к чертям собачьим. В Риге победили, восстановили советскую власть, а Москва – наложила в штаны.

– Вы про ГКЧП? – уточнил Валерьян.

– Про него. Мы-то от них из Москвы подмогу так ждали, а они... – рижанин резким движением запахнул на груди куртку. – А теперь у нас ни ОМОНа, ничего. Одна только газет и осталась...

Они расстались, пожав при прощании руки.

Валерьян постучал в ближайший кабинет, поздоровался, назвал себя.

– Вы... вы, если не ошибаюсь... – сотрудник редакции, приподняв голову над столом, приморщил лоб.

– Не ошибаетесь. Я был здесь, когда в августе редакцию громить собирались.

– Точно! Я ведь помню: кругом смятение, развал, памятник Дзержинскому на Лубянке крушат. Кажется всё уже, крах. А тут молодой человек к нам заявляется – такой решительный, искренний. И прямо к Проханову: «Александр Андреевич, хочу быть с вами!»

Сотрудник редакции, дружелюбно улыбаясь, встал, протянул руку.

– Запомнилось ещё тогда ваше редкое затейливое имя – Валерьян... А вот моё попроще – Евгений.

Валерьян принялся рассказывать про их с Михаилом торговлю газетой, про его болезнь. У Евгения отвисла челюсть.

– У Миши инфаркт?! А мы-то для него, как всегда, номера отложили...

– Вчера навешал в больнице – еле живой, с трудом говорит.

Евгений закусал губы, скрестил на груди руки.

– Ну и обрадовал же ты нас, Валерьян...

– Михаил поправится, а пока я вместо него приехал. Давайте мне газету, как раньше давали ему. Я теперь буду её у себя в городе продавать.

– Это было бы замечательно. У нас ведь кроме Михаила других распространителей в ваших краях нет, – оживившийся Евгений поднял на Валерьяна обрадованное лицо. – «Союз-печать» – хорошо, но нужно разговаривать с людьми, с народом... Агитаторы нужны, чёрт возьми!

– С продажами я справлюсь. Я ведь Михаилу с осени с газетами помогал, – заверил Валерьян, но затем осёкся. – А вот с людьми разговаривать... Не больно у меня это выходит.

– Агитацию вести – дело наживное, – подбодрил Евгений. – Самое время её разворачивать. Реформы – будто ледяной душ. Трезветь народ начать должен.

– Медленно он трезвеет, – посетовал Валерьян. – Из-за цен, конечно, ругаются все. Но чтобы против Ельцина ополчаться... Не замечаю такого пока.

– А надо людям почаще напоминать, как Ельцин на рельсы лечь обещал, если из-за свободных цен народ нищать начнёт.

Авось быстрее дозревать станут, – ехидно улыбнулся Евгений. – Н арод-то наш откровенных обманщиков не любит.

– Я пробую разговаривать, пытаюсь. Сам в рабочем общежитии живу. Но вот что в глаза бросается... – Валерьян провёл ладонью по темени, заговорил в разочарованном недоумении. – Раньше учили, что рабочие – самый сознательный и передовой класс. Что они – авангард общества...

– Учили, – поморщившись, словно от кислого, признал Евгений.

– А я вот пока никакой классовой сознательности в них не вижу. Советская власть на глазах разваливается, красный флаг с Кремля спустили, а им плевать. Уверены, что и при капитализме пристроятся. А некоторые мне прямо в лоб говорят: мол, зачем тебе эта политика, газеты – иди вон в ларьке торгуй, денег заработаешь.

– В ларьке... – Евгений, мотнув головой, чертыхнулся. – Да эту свободу частной торговли, будто кость оголодавшим собакам кинули. Торгуйте, мол, спекулируйте, пока мы страну к рукам прибираем! И ведь...

Дверь в кабинет распахнулась. Стремительный в движениях, высокорослый, широкий в плечах человек энергично переступил порог.

– Александр Андреевич! – узнавая Проханова, воскликнул Валерьян.

Главный редактор перевёл на него сосредоточенный взгляд.

– Вы, молодой человек...

– Был здесь с вами в августе. Когда оборону держали.

Проханов с сердцем пожал ему руку.

– Помню, – он задумался, сдвинул густые брови. – Вы же не москвич. Откуда-то специально тогда приехали, издалека...

– Из Кузнецова.

– И как теперь Кузнецов?

– По-всякому... – Валерьян взглянул на Проханова и будто камень из-за пазухи выбросил. – И не Кузнецов он теперь. Ему дореволюционное название вернули – Ростиславль.

– А ведь точно, – подхватил Евгений. – В теленовостях мелькало. Да и Михаил, распространитель наш тамошний, говорил.

– Горсовет постановление вынес. Ещё в прошлом году, – пояснил Валерьян.

Проханов импульсивно встряхнул тёмной шевелюрой.

– К святому руки грязные тянут... Русскую историю себе на службу поставить хотят.

Одобрят Проханов переименование или нет, Валерьян не понял. Собравшись с мыслями, он спросил:

– Александр Андреевич, я всю осень Михаилу газету в городе нашем распространять помогал. Говорил с людьми, пытался разъяснить, что к чему. Но делать-то, конкретно, что сейчас надо? Как реформаторов остановить?

Проханов, как чувствуя, сколь весом для Валерьяна его ответ, произнёс:

– На девятое февраля в Москве большой митинг назначен, народное шествие. Против экономического курса. Против либерализации цен. Надо выводить на улицы народ. Давить голодной улицей и на ельцинское правительство, и на советы. Вот что конкретно сейчас следует делать.

– Шествие? – сразу воспрянул Валерьян.

– Да. К Белому дому, через всю Москву. Анпилов организует из Моссовета. Депутат-коммунист.

Проханов в возбуждении заходил по кабинету, готовый убеждать всякого, согласного его слушать:

– Народ нужно раскачивать! Народ! Кроме как на него, опереться сегодня более не на кого. Союзный съезд разбежался. В правительстве сплошь враги. Все эти планы реформ Ельцину американские советники пишут. Российские советы в массе своей тоже за Ельцина. Бело-вежский сговор овациями встретили! Погибели родной страны рукоплескали, безумцы! Его надо скликать – советский, русский народ. Бить, как в старину, в вечевой колокол. Поднимется народ – Минин с Пожарским найдутся.

Евгений деловито зашарил по разложенным на столе бумагам, развернул и протянул Валерьяну газетный номер:

– Да-да, шествие по Москве, – подключился он. – Вот здесь мы объявление поместили. Очень нужно, чтобы у вас в городе о шествии узнали заранее. Девятое число – это воскресенье, через две недели. Если можете, помогите распространить. Пусть как можно больше народу приезжает в Москву. Нужна массовость...

Вдохновлённый напутствиями, с сумкой, полной газет, Валерьян полчаса спустя пружинистым шагом шёл к метро, рассчитывая поспеть к послеобеденной электричке. Резь от перекинутой через плечо сумочной лямки он ощущал даже сквозь одежду, однако, подсовывая под лямку пальцы, шага не сбавлял.

— VI —

Вечером в общежитии, поднимаясь с привезёнными из Москвы газетами на свой этаж, Валерьян неожиданно столкнулся с матерью.

– Мама?! – опуская к ногам ношу, удивлённо воскликнул он.

Первое время после его ухода из дома она приходила к нему постоянно, умоляя вернуться. Ожесточённое упорство сына, не желавшего примириться с отцом, глубоко её ранило. После каждого их нового, невыносимо тягостного разговора она уходила с катящимися по щекам слезами, а Валерьян, оставшись один, подолгу неподвижно смотрел через окно на редущие древесные кроны, на выдуваемые из них ветром листья, ощущая, как и внутри него всё холодеет.

Сложно переплетались в нём чувства к матери: любовь, сострадание, жалость, вина...

– Лерик! – завидев сына, просияла спускавшаяся по лестнице ему навстречу мать. – Наконец-то!

Она обняла Валерьяна.

– А я пришла: стучу-стучу, а дверь заперта, никто не открывает, – рассказывала Валентина. – Потом тётка какая-то проходила по коридору, сказала, будто ты с раннего утра куда-то ушёл.

– Корнеиха, наверное, – предположил Валерьян. – На трамвайной остановке её повстречал.

Не сговариваясь, они поднялись на этаж, вошли в его комнату. Та была пуста – Лутовинов не вернулся ещё со смены.

– Так где ты был-то? – стала допытываться Валентина, пристально глядя на его объёмистую сумку. – Чего это ты принёс?

Валерьян интуитивно угадывал, что рассказывать ей о поездке в Москву не стоит. Она только пуще изойдётся тревогой.

– А, соседу просили передать, – кивнул он на пустую кровать Лутовинова. – Вещи кое-какие.

Валентина почуяла, что он не говорит правды.

– Всё скрытничаешь, скрытничаешь... – упрекнула она.

Мать села рядом с ним на кровать.

– Живёшь-то хоть как? Дикий прямо стал. Сам даже не зайдёшь.

– Мама, ну ты же знаешь... – нетерпеливо прервал Валерьян. – Д нём ты работаешь.

Вечером он дома почти всегда.

– Что ж теперь, вообще про мать позабыть?

– Я сам работал. Плюс экзамены сдавал. Вот только только сессия закончилась.

– Хорошо закрыл?

– Нормально. Стипендия будет.

– Слава богу, – у Валентины вырвался вдруг грудной стон. – Жизнь-то прямо кувырком пошла! Цены сумасшедшие... Денег ни на что не хватает... У меня сердце кровью обливается, как подумаю, каково тебе здесь одному!

Валерьян помолчал, понимая, что не стоит искусственно бодриться.

– А вам каково?

– Кое-как держимся. Я как вернусь из магазина, так валерьянку пью. Хорошо ещё в прошлом году почти всё успели со сберкнижки снять. Помнишь, когда ещё Павлов этот, путчист, денежный обмен затеял? А у других прямо прахом всё на глазах идёт. В нищих превращаются.

Голос матери звучал расстроенно и растерянно, как будто она сама не могла до конца поверить в необратимость происходящего. Содрогаясь от собственных слов, она продолжала:

– Никитины-то знаешь, как погорели? Юлю видела на днях – так словно не в себе, ходит как привидение. У них, оказывается, четыре с лишним тысячи на сберкнижке было отложено. И вот на тебе – даже не снять! Счета-то все с прошлого года по-прежнему заморожены. Представь, какой это кошмар: горят твои же собственные деньги. Буквально, считай, горят, а ты и сделать ничего не можешь! Дмитрия-то её от расстройства сердечный приступ прямо на работе хватил. На «скорой», говорит, увезли.

– Дмитрия Борисовича? – удивился Валерьян. – Он же крепкий всегда был.

– Так и я о том. Не болел никогда ничем, на водку не налегал. А тут бах – приступ. Вот жизнь пошла! Людей прямо до гроба доводит.

Надолго мысль Валерьяна на покладистом, склонном поддакивать во всём жене работнике горкомзема Никитине не задержалась.

– У меня тоже товарищ в больницу недавно слёг. С инфарктом, – сумрачно поведал он.

– У тебя? – Валентина, опешив, воззрилась на сына. – А сколько ж ему лет?

– Лет ему прилично. Но мы товарищи. Близкие, – кратко пояснил Валерьян. – И не из-за денег сердце у него болело.

Мать глядела на него настороженно и пытливо:

– Ой, Лерик, что за жизнь у тебя – не пойму...

Валерьян встал, вышел на кухню, вскипятил чайник.

– Давай лучше чаю попьём, – предложил он.

Чай был пустым, без сахара. Валерьян, стеснённый в средствах, забросил покупать сладости.

– Так расскажи, как ты всё-таки живёшь? – мать повернула разговор к прежнему. – Правда: как о тебе подумаю, так прямо дрожь пробирает. Ведь что зарплата твоя, что стипендия – это ж теперь совсем гроши.

– Гроши, – признал Валерьян. – Но у нас столовая хорошая есть при заводе. В ней всё по-прежнему дёшево. В неё со всех цехов толпами отъедаться ходят.

Валентина печально вздохнула, отодвинула от себя чашку.

– Ну, а... дальше как быть думаешь?

– Сложно сейчас что-то определённое думать. Сама же видишь, – сказал Валерьян, – я на четвёртом курсе. Окончу – решу.

– Сынок, – просительно обратилась мать. – Ты зря на отца зло держишь. Он не враг тебе. Он всё равно, несмотря ни на что, очень за тебя переживает.

Валерьян нахохлился, насупил брови.

– То, что с ценами твориться начало, его тоже очень расстраивает, поверь. Не такого он ждал, – как могла, пыталась смягчить его Валентина.

– Ну пусть тогда Ельцину в Кремль напишет, – уголки губ Валерьяна чуть вздёрнулись в язвительной улыбке. – Или направит через депутата этого своего... Винера... запрос.

– Ты злишься. Злость копишь...

– Просто говорю, что думаю. За бешеные цены демократов благодарите. И за приступ у Никитина – тоже их. Это они нам такую жизнь устроили...

– Ну пожалуйста... – взмолилась Валентина. – Не трогай ты эту политику! Я не про неё пришла говорить.

– А что не трогай-то! – начал закипать Валерьян. – Буду трогать! Душу ты мне своими разговорами расковыряла опять.

– Лерик...

– Вот они – демократические реформы! Вот она – жизнь при рынке! Денег нет – твои заботы. Хоть подыхай! И ничего не поделаешь. Это – капитализм. Или отец тебе как-то по-другому всё преподносит?

Валентина вдруг опустила голову, зажмурилась, утопила в ладонях лицо.

– Да что ж ты, а!.. Да кто ж вам мозги-то всем поперепутал?! Ведь жили же мы раньше по-людски. Была семья как семья!

Валерьян сник, утихомиривший её рыданиями, точно ушатом воды.

– Мама...

– На меня-то хоть не злись. На свою мать, – всхлипывала Валентина. – Я-то тебе какое зло причинила?

Валерьян корил себя за вспышку, но слова утешения не шли на одеревеневший язык.

С жалобами и причитаниями Валентина принялась снова уговаривать его вернуться домой. Она то жалела его за житейскую неустроенность и бедность, то упрекала в бессердечии, то спрашивала пожить дома хотя бы временно, «до снижения цен». Последним аргументом мать давила сильнее всего, оттого Валерьян, утомившись отнекиваться, опять вспылал:

– Вернуться?! Сейчас? Хочешь, чтобы я, как побитый щенок назад приполз? За кого меня принимаешь?!

Валентина отшатнулась, испуганная резкостью и вместе с тем грубоватой правдивостью его слов.

– Лерик... – пролепетала она, моргая слезящимися несчастными глазами. – Ну какой же ты, а...

...Вернувшись с автобусной остановки, до которой проводил мать, Валерьян долго не мог найти себе места. Слонялся взад-вперёд по коридору, сварил на кухне пшённой каши, но так и не сел есть.

Множество мыслей клубилось в его мозгу. Сильные, противоречивые чувства распирали, не позволяя успокоиться.

– Ах ты... – выдохнул он, сцепляя за затылком ладони.

Желая прогнать мучительные думы, он принялся распаковывать привезённые газеты. Просматривая свежий номер, присел в изголовье кровати, задвинул в угол подушку.

Под ней обнаружился белый конверт. Недоумевая, Валерьян взял его в руки. В конверте были деньги: несколько зеленоватых сторублёвых купюр, красные десятирублёвки, синие «пятёрки». К деньгам была приложена записка от матери: «Сынок, не отказывайся. Умоляю!»

Валерьян с полминуты туповато глядел на клочок бумаги, на деньги, даже не пытаясь их считать.

Затем швырнул и конверт, и деньги на тумбочку, бухнулся ничком на кровать.

– Мама-мама...

– VII –

Частная торговля забурлила и в Ростиславле. Барахолки возникали в каждом микрорайоне, иногда в совершенно неподходящих для занятия коммерцией местах.

Беговые дорожки городского стадиона заставили палатками и грузовыми контейнерами, в которых продавали одежду, домашнюю утварь, шапки, сапоги. Самые неимущие торговцы, спеша закрепить за собой место, сколачивали из досок навесы, иногда ютятся по трое-четверо под одним. Хоронясь за спинами покупателей, к прилавкам подлезали вороватые цыганята. На свободных пятачках суетились напёрсточники, двигали по подостланным картонкам пиалы, сыпали солёными шутками, громко зазывая в денежную игру.

Возле автобусных и троллейбусных остановок тоже образовывались толкучки. Товары раскладывали на деревянных ящиках и поддонах, укутанные в тулупы торговцы сидели тут же, в стужу, в снег. Вокруг торгующих сладостями крутились дети. Иногда какой-нибудь мальчишка проворно хватал шоколадку и пускался с ней наутёк. Вслед ему неслись злобные ругательства, крик.

С утра и до позднего вечера на всяком из этих гомонливых торжищ продавали, спекулировали, попрошайничали, крали...

Только жизнь, несмотря на множасьися продуктовые и вещевые рынки, сытнее не становилась. Цены повсюду лезли и лезли вверх.

К началу февраля, спустя месяц после снятия ограничений по взиманию платы, за мясо в магазинах требовали по семьдесят пять рублей, за килограмм варёной колбасы – под пятьдесят. Стоимость яиц достигла восемнадцати рублей за десяток, буханка белого хлеба подорожала до четырёх с полтиной. Мясо, колбасу, картофель, крупы покупали мизерными порциями, прося продавцов отвешивать их не более чем по триста – триста пятьдесят грамм.

Возле гастрономов начинали собираться волнующиеся скопища. Образовывались они стихийно, стоило кому-нибудь, голосистому и напористому, начать на всю улицу костерить ценовую реформу и хапуг-торгашей. Ораторами чаще оказывались женщины, не сумевшие перед этим ничем разжиться на скудные рубли. Их сразу обступали, им поддакивали с горячим участием, им хлопали.

Такие митинги бывали скоротечны. Люди разбредались, как только крикун-заводица, прооравшись, утихал. Но через короткое время скопища образовывались вновь: у гастрономов, перед центральным универмагом. Заражаясь настроениями заводил, толпы то впадали в отчаяние, то распалялись гневом.

По Ростиславлю расползались слухи: о голодающих одиноких стариках, о баснословных барышах спекулянтов, о налётах на продовольственные склады и коммерческие ларьки.

В один из дней к недобро рокочущей массе сотни в полторы человек, запрудившей подход к одному из главных городских гастрономов, подъехали журналисты с областного телевидения. Встретили их неприветливо. К оператору, установившему на треноге камеру, полезли со всех сторон, маша руками и крича в объектив. Корреспонденту не давали и слова произнести в микрофон.

– Наконец-то появились! Ну слушайте, что народ власти сказать имеет!

– Передайте в эфир!

Журналистов взяли в кольцо, изливая накипевшее:

– Вы почему не показываете, как простым людям живётся? – сердито выговаривал корреспонденту бородатый, в протёртом на локтях ватнике старик. – Вы что, не знаете, что с народом творят?

– Вот, что честный человек теперь на зарплату купить может! Вот, полюбуйтесь! – покрасневшая от мороза женщина трясла перед камерой тощим кульком крупы. – Одна живу, дочь воспитываю школьницу!

– Вы вон у них, у торгашей поинтересуйтесь, – крючковатым пальцем указывал в направлении магазина пенсионер в очках. – Как им не совестно обдирать народ? Рубашку же последнюю с нас срывают...

– Что делают-то с нами г-гадюки-правители?! – хрипела морщинистая старуха с волосящейся родинкой на щеке. – До чего доводят?!

Смешавшийся корреспондент вжал в плечи голову, не зная, как быть. Он страшился, что его примутся бить.

– Правду, наконец, покажите! Телевидение, называется... Сколько можно дурить людей?

По вечерним новостным выпускам сюжет о прокатившихся по городу стихийных выступлениях действительно пустили, но снятое подали в ином ключе: общий план толпы не показали, телезрители не могли представить её численности. Мелькнули крупные кадры с дряблыми старческими лицами, убого одетыми людьми. Затем, словно для контраста, на экранах появились снятые в другом месте коммерческие ларьки, изобильные витрины, упитанные молодцы, девицы в дублёнках.

– Приобщение жителей Ростиславля к рыночным отношениям, как и следовало ожидать, не проходит гладко, – вешал за кадром самоуверенный голос. – Пока старшее поколение возмущается ростом цен и требует призвать спекулянтов к ответу, современно ориентированная молодёжь быстро осваивает навыки ведения частного хозяйства. Меняющаяся на глазах жизнь предъявляет населению жёсткие требования. Не соответствовать им – не соответствовать духу времени. Чем скорее наше общество осознает эту простую истину, тем больше у него шансов стать, наконец, богатым, процветающим и по-настоящему свободным.

Такой репортаж лишь растравил в бедствующих злобу. Изливаться она стала на всякого, кто запомнился людям как демократический агитатор или активист. Досталось и Павлу Федосеевичу, отцу Валерьяна.

Вечером на автобусной остановке к нему прицепился нетрезвый, в облезлой ушанке тип:

– Слышь, а ты ведь депутата нашего Винера помощник? Так? – приглядевшись к Павлу Федосеевичу, спросил он вдруг с неприязнью.

Тараша хмельные глаза, он бесцеремонно дёрнул Павла Федосеевича за пуговицу пальто.

– Так?!

Павел Федосеевич отпрянул, вырываясь, прижал к груди портфель.

– Вы, собственно, кто?

Тип ощерил заросший рот.

– Я, собственно, голосовал за него два года назад. И тебя хорошо запомнил. Ты на нашу рембазу агитировать за него приезжал.

– Да, агитировал, – Павел Федосеевич напряжённо поджал губы.

– Агитировал он... – тип в ушанке сплюнул и приблизился к нему вплотную. – А ответ держать готов, агитатор?

В голосе его, хрипящем и низком, зазвучали угрожающие нотки.

– Я как доверенное лицо кандидата в депутаты выступал перед коллективами предприятий. На выборах народных депутатов Евгений Леонидович Винер взял в округе уверенное большинство, – с достоинством заявил Павел Федосеевич. – Что вас, собственно, не устраивает?

Тип матерно выругался, обдав перегаром.

– А то не устраивает, что жратва не по карману стала!

«А водка, значит, по карману?», – захотелось оскорблённому Павлу Федосеевичу бросить в ответ. Но он поостерёлся.

– Ты со своим депутатом не предупреждал, что за каждую банку кильки в магазине три шкуры сдерут, – продолжал тип. – Ты обещал, что всего завались будет...

Павел Федосеевич, ещё рассчитывая смягчить неприятного собеседника, заверил:

– Зарплаты будут индексированы, успокойтесь. Их обязательно поднимут. Никто в нищету не впадёт. Ещё несколько месяцев, максимум полгода – и рыночный механизм заработает в полную силу. Надо просто набраться терпения и немного подождать.

Столпившиеся рядом люди слышали его обещания, но никого ими умиротворить он не смог.

– Издеваетесь вы что ли? – нервно вклинилась дама в шерстяной шляпе. – Да за полгода мы ноги протянуть успеем! Я тоже за вашего Винера голосовала, но только где он теперь? Куда скрылся? Он – депутат от нашего округа. Он обязан отчитываться перед своими избирателями.

Заслышав, что в толпу ждущих автобуса затесался помощник депутата Верховного Совета, на Павла Федосеевича принялись наседавать со всех сторон.

– Вот вы этому депутату в Москву передайте, – наказывал ему коренастый настырный старичок с орденской планкой на пальто. – Передайте: народ – недоволен. Народ хочет знать, когда это безобразие с ценами закончится. Вы слышите меня? Пусть депутат приедет в округ и представит отчёт о работе.

– Правильно, пускай отчитается! За что он там голосует...

– Вот прямо сегодня ему и передайте! Слышите? Сегодня!

Павел Федосеевич крутился в гуще раздражённых, кипящих недовольством людей, не зная, кому отвечать.

– Ага, держи карман! – громко фыркнул вдруг кто-то из-за выбеленных сыплющимся снегом спин. – Депутат-то этот, небось, хорошо пристроился в Москве. Жрёт себе в три горла в кремлёвских буфетах. Что ему до наших бед...

Ядовитая реплика легко поколебала настроения людей, разбередив в них больное. Требовать бросили, по адресу Павла Федосеевича принялись язвить:

– Вот-вот! И помощник этот тоже поди не сегодня-завтра в Москву усвищет. На тёпленькое местечко...

– А, помощничек?..

Павел Федосеевич полез выдираться из враждебной толпы, чувствуя себя травимым зверем.

– Что, уши завяли? – зло шерился ему вслед пьяный в ушанке. – Тяги дать решил? Ну-ну...

Какой-то подросток запустил в спину Павлу Федосеевичу снежком. Снежный комок ткнул под лопатку, оставив на пальто белую круглую метку. Поднялось улюлюканье, хохот.

– Так его, брехуна! – взоржал тип, заламывая на затылок ушанку.

Депутата Винера действительно не было в городе. Он заседал в Москве, в Верховном Совете. Вечером расстроенный Павел Федосеевич дозвонился до его гостиничного номера, поведал в красках про случай на остановке, затем, помедлив и будто перебарывая себя, спросил:

– Евгений Леонидович, может, вам действительно стоит приехать и провести встречу с избирателями? Успокоить их? Они же звереют прямо, честное слово. Мне сегодня казалось, что ещё немного – и меня начнут бить...

В номере Винера шла попойка – отмечали день рождения соратника по демократической фракции. Сам Винер был навеселе. Не дослушав, он с беспечностью рассмеялся:

– Расслабься, Паша. Побесятся и привыкнут. Ещё мне не хватало перед всякими уличными горлопанами распинаться.

– Но люди...

– Для людей Борис Николаевич указ о полной свободе торговли подписал. Хотят хорошо жить – пускай крутятся. Им дана возможность зарабатывать деньги. Пусть хоть консервами, хоть мылом, хоть штанами собственными торгуют. Это и есть рынок. А то заладили: «Государство, дай! Государство, помоги! Государство, сделай!» Совки...

Фоном в трубке слышались полупьяные возгласы, смех.

Ночью Павел Федосеевич долго не мог заснуть, ворочался без сна в кровати, мучимый пережитым унижением и смутной тревогой.

Беседы на улицах вёл и Валерьян, понемногу развивая в себе навыки агитатора.

Михаила всё не выписывали из больницы, и он выходил с газетами к памятнику в одиночку, выстаивал на морозе ежедневно по два – три часа. Исполненный поначалу невесёлых предчувствий, он с удивлением, с оживающей надеждой стал убеждаться, что людские настроения меняются. Его реже пробовали теперь задеть обидным словом или осмеять, пожимали руку, просили донести благодарности «рубящим правду-матку» авторам газетных статей, сетовали, давали советы. Разговоры клеились.

Стали попадаться осознанные, обозлённые враги новых порядков.

– Недолго им, негодяям, ликовать. Народ прозревает. Скоро вышвырнем демократов из Кремля к чёртовой матери, – пообещал ему незнакомый статный усач с военной выправкой, впервые пришедший к посту.

Он взял сразу несколько газет, отказался от денежной сдачи.

– Молодцом держишься. Орёл! – похвалил Валерьяна усач. – В добровольческом полку встретимся.

Соседей по общежитию Валерьян тоже пробовал убеждать. Давал им читать статьи в «Дне», рассказывал про готовящуюся в Москве демонстрацию против политики правительства и цен. Однако в их кругу найти единомышленников оказалось сложнее. Суждения заводских рабочих были плоски, политической деятельности они чурались, ругали не только правительство, но и вообще всех подряд.

Известие о московской демонстрации они восприняли холодно.

– Кто её устраивает-то хоть? Какой ещё Анпилов? – сопя, переспрашивал обрубщик Игнатъев, медлительный уваленьтугодум. – Впервые про такого слышу.

– Виктор Анпилов – депутат Моссовета, коммунист.

– Ну этих коммунистов!

– Но он против реформ, при которых еды на зарплату не купишь, – разъяснял Валерьян.

Игнатъев шелестел толстыми губами, морщил покатый лоб.

– Все мутят, мутят чего-то... Уже не разберёшь.

– Мутят демократы. Это они цены отпустили. Демонстрация против них, – терпеливо разъяснял Валерьян.

– И что, цены после этой демонстрации упадут? Брось, – отмахивался Игнатъев.

– Вот пускай сначала демонстрация состоится, – вклинился шлифовщик Михайлов, поднял калечную, без двух пальцев, руку, задёргал обрубком третьего. – А мы посмотрим: будет ли толк?

– Если сидеть и ничего не делать, толку точно не будет, – раздражался Валерьян.

– Мы не сидим. Мы пашем. Не до демонстраций нам, семьи кормить надо, – огрызались рабочие.

Странная молва пошла о Валерьяне. Не всем из рабочих агитация Валерьяна пришлась по нутру.

Живший этажом ниже бригадир Федьков, широкоскулый, коротконогий детина, повстречав его на лестнице, набычился и, преградив дорогу, загудел:

– Ты, студент, брось народ баламутить! Тоже правдоискатель выискался... Ельцин знает, что делает. Нечего против него агитацию разводить.

– Из карманов копейку последнюю вытрясает – это «знает, что делает»?! – полез доказывать своё Валерьян.

– Знает, говорю я тебе! Молоток он мужик. Скоро все предприятия и заводы к частным хозяевам уйдут – и зарплаты будут у нас, как в Америке. Потерпеть только надо чуток.

– Частной собственности захотели? – ушам не поверил Валерьян. – Капитализма? Но ведь вы – рабочий человек, пролетарий...

Федьков грозно надвинулся на Валерьяна, придавил его кабаньей тушей к стене:

– Да, капитализма! К чертям собачьим уравниловку! Вот она, уравниловка, до чего доводит – полюбуйся, – он указал коротким шершавым пальцем на выщерблены в лестничных ступенях, на лущающуюся по стенам краску. – Я зарабатывать хочу и жить, как человек!

Проругавшись, Федьков косолапо затопал вниз, но на лестничном пролёте оглянулся, бросил напоследок с угрозой:

– Так ты мужиков не подначивай. Понял? А не то смотри...

– VIII –

Следующим утром к Валерьяну неожиданно явилась мать.

Погружённый в дремоту, он ещё лежал под одеялом, когда по двери нетерпеливо застучали. Сонный Лутовинов сердито заворчал с соседней кровати:

– Кого там ещё спозаранку, ч-чёрт...

– Валерик, открой! – закричала Валентина из коридора. – Это я.

Валерьян вскочил, второпях натянул рубашку, штаны, распахнул дверь.

Взволнованная мать с порога протянула ему телеграмму:

– Из Станишино пришла. Срочная. Дед Федосей умер.

Валерьян, точно обухом оглушённый, уставился на бумажную полоску с текстом.

«Федосей упокоился. Похороны воскресенья», – извещала бабушка Катерина, отцова мать.

Он облизал губы.

– Да как так? – выдавил он, противясь принятию дедовой смерти.

В минувшие месяцы Валерьян нередко его вспоминал. Их рыбалки на Волге, их разговоры.

– Ты... ты поедешь на похороны? – спросила Валентина.

Путаясь в мыслях, он по-прежнему стоял в дверях, сжимал вспотевшими пальцами телеграмму.

– Когда... нужно ехать?

– Сегодня. Завтра поздно. Не успеем.

Валерьян, беря себя в руки, шагнул в коридор.

Наскоро они обговорили с матерью насущное. Рейсовый автобус уходил с автостанции через два часа. Надо было успеть на него, чтобы попасть в Станишино не в позднее время.

Валерьян, не мешкая, стал собираться в дорогу. Лутовинов, окончательно разбуженный его торопливой вознёй, зевая, сел на кровати, спустил вниз ноги.

– Чего такое-то? – спросил он, кругля по-совиному осоловелые глаза.

– На похороны уезжаю. Дед умер, – коротко пояснил Валерьян.

– Надо ж, беда... – Лутовинов притих сконфуженно. – Езжай, конечно. Деда проводить – святое...

Мать не заходила в комнату, осталась ждать Валерьяна в коридоре. Когда они вдвоём спускались по лестнице, она взяла его под руку, произнесла просяще:

– Ты с отцом не обостряй там... Пожалуйста. Он и так сам не свой.

Валерьян, поглощённый думами, склонил голову. Мысли его были не об отце.

Павел Федосеевич ожидал их у входа в автовокзал. Сухим кивком он поздоровался с сыном, отдал Валентине купленные загодя в кассе билеты.

– Я отправил ответную телеграмму. Написал, что выезжаем, – помедлив, он прибавил, будто высокий подъём одолел. – Все вместе.

Ожидая, когда подадут к посадочной платформе автобус, они прошли в зал ожидания, присели на деревянные кресла. Валерьян сумрачно глядел в пыльный пол, прибитый, отрешённый.

Отец и мать вели между собой приглушённый разговор о предстоящей дороге и об устройстве похорон. Разговор их, правда, выходил беспредметным. Отец плохо представлял, чем теперь живёт деревня, в которую не ездил много лет. Валентина и вовсе не бывала в Станишино никогда.

– Может, каких-нибудь продуктов стоило с собой взять? – с сомнением проговорила она. – Кто его знает, как там с этим...

Павел Федосеевич нервно сжал и разжал пальцы в перчатках.

– Раньше бы сказала. Видишь же, сам не свой.

Он откинулся на спинку сидения, ослабил обмотанный вокруг шеи шарф.

– Я как телеграмму прочёл, так будто палкой по голове огрели...

В автобусе Павел Федосеевич и Валентина сели вместе, поближе к передней двери, а Валерьян за ними, у разузоренного холодом окна. Отец посмотрел на наручные часы.

– Без двадцати одиннадцать... По зимней дороге в Емельяново будем не раньше, чем к трём. Там ещё пересадка...

– Успеем?

– Надеюсь... Иначе придётся ловить частного.

Валентина озабоченно охнула:

– Сколько он ещё запросит...

– Частник вряд ли повезёт до самого Станишино, – заметил с заднего сидения Валерьян. – В лучшем случае, до поворота на него. Оттуда пешком придётся.

Валентина беспокойно зашевелилась, поправила воротник пальто.

– Приедем – увидим, – не оборачиваясь, холодно бросил отец.

Автобус выкатил из-под прикрывающего посадочную платформу навеса, вырулил на начинавшееся от автовокзала Промышленное шоссе...

Дорогой погода испортилась. Снаружи начало сереть, пошёл снег: сначала редкими, разлапистыми, липнущими к стёклам хлопьями, затем – сплошной матовой пеленой. Шофёр сбросил скорость и, плотно удерживая в руках руль, напряжённо глядел вперёд, осторожно ведя автобус сквозь белесую муть.

– Сыплет-то как, ты посмотри, – пробормотала мать.

Павел Федосеевич посмотрел в залепляемое снегом окно, шевельнул челюстью, но ничего не сказал.

В Емельяново приехали с опозданием на час с лишним. Маленькая автостанция на въезде в райцентр выглядела заброшенной: ни готовящихся к отправке автобусов, ни людей. Всё сумеречно, безлюдно, засыпано снегом.

– Опоздали, – упавшим голосом произнесла Валентина.

– Попутку надо ловить, – стал настаивать Валерьян. – Если до темноты не успеем – застрянем здесь до утра.

Отец растерянно поглядел на заледенелый щит расписания, на запертую билетную будку.

– Хоть бы объявление какое-нибудь повесили, чёрт! Вечно всё не для людей.

Его пальто, шапка быстро белели под продолжавшимся снегопадом.

– Где ж его ловить-то, частного этого? – жалобно спросила Валентина.

Валерьян, быстро обойдя несколько прилегающих к автостанции улочек, договорился у магазина с мужиком на «шестёрке», заехавшим в Емельяново за сахаром и крупой. Узнав про похороны, он согласился везти бесплатно и даже, в извинение, прибавил:

– Я бы и до самого Станишино довёз, поворот-то на него по пути. Да видишь – снег как из мешка валит. Не проеду, завязну в сугробах.

– Да нам хотя бы до поворота, – с облегчением произнёс Валерьян. – Дальше уж пешком как-нибудь.

– Ох, сыплет, – мужик, щурясь, озабоченно поглядел в темнеющее небо. – Даже рейсы вон все поотменяли. Не знаю уж, как вы там по темноте...

Он подогнал «шестёрку» к автостанции. Отец и мать сели сзади. Валерьян поместился рядом с водителем.

– Главное, не сворачивайте никуда. Как сойдёте, так напрямую и топайте, – подсказывал мужик, проворачивая в замке зажигания ключ. – Развилка нет. Дорога прямо к деревне выведет.

– Помню. Не заплутаем, – заверил Валерьян.

Само собой выходило, что руководить всем начал он. Павел Федосеевич вздыхал на заднем сидении, тихий и печальный, безмолвно смотрел на стоящий по обеим сторонам шоссе заснеженный лес. Мать жалась к нему, словно ребёнок, напуганный ненастьем и тьмой.

На станишинском повороте вышли затемно. Мужик подсветил фарами отшнуровывающуюся от шоссе бугристую колею:

– Видите, трактор нет-нет ездит. Держитесь её.

Валерьян зашагал вперёди, родители за ним. Полузасыпанная колея огибала край леса, затем резко забирала влево, уводя в поля. Снег хрустел под ногами, словно упругий пружинящий ковёр, глаза слезились от лепящихся к ресницам снежинок.

Они прошли с километр, часто спотыкаясь о неразличимые в потёмках кочки, но впереди и вокруг по-прежнему было темно и пустынно.

– Да когда уж придём-то? Сил уж нет, – взмолилась Валентина.

Павел Федосеевич чертыхался под нос, пригибал голову, тёр рукавицей немеющие щёки.

– Немного осталось, Валя. Потерпи, – успокаивал он жену.

Собираясь к сыну, мать обулась в городские сапоги и сейчас утомлённо шаркала ими по глубокому, вязущему ступни снегу, останавливалась передохнуть.

– Что ж ты так обулась, мама? Здесь же не город, – укоризненно заметил Валерьян.

– Да впопыхах же всё. С раннего утра – телеграмма. И сразу – ехать, нестись...

– Указывай путь, – беря Валентину под руку, сказал Павел Федосеевич сыну. – Ты здесь недавно бывал, помнишь.

Валерьян снова пошёл вперёд, с беспокойством оглядываясь через плечо на родителей. Мать и отец плелись следом, помогая друг другу выдирать ноги из рыхлого снега.

Раза два или три у Валентины подворачивалась нога, и она с болезненным вскриком останавливалась, хваталась за мужа. Тяжело дыша, мать в отчаянии таращилась в окружающую их безлюдную тьму.

– Кошмар... Прямо хоть падай и помирай.

Валерьян, переставая слышать позади себя снежный скрип, возвращался, подбадривал, уверяя, что Станишино совсем рядом, что осталось дойти до него метров пятьсот.

Когда впереди завиднелся пригорок, от середины которого поднималась деревенская улица, Валентина окончательно изнемогла. Павлу Федосеевичу и Валерьяну пришлось поднимать её по кособогу вдвоём, подталкивая и тяня за руки.

– Добрались всё ж таки. Ф-фу, – пропыхтел Павел Федосеевич у околицы первых изб.

Он снял перчатку, отёр тыльной стороной ладони горячее лицо.

– Добрались, а всё равно темень, – жалобно всхлипнула Валентина.

Улица лежала нерасчищенной, лишь по самой середине её тянулась протоптанная узкая тропа. Неосвещённые дома громоздились справа и слева чёрными угловатыми массами, словно проклюнувшиеся сквозь снег огромные уродливые грибы.

– Не узнать прямо ничего. И темень, будто всё вымерло, – произнёс, озираясь, Павел Федосеевич.

Они заковыляли по тропинке гуськом, всплашивая за заборами редких собак. Только в трёх попавшихся по пути домах тускло мерцали окна. Остальные стояли безжизненные, до наличников заметённые снегом.

Первым дойдя до ештокинского дома, Валерьян поднялся на крыльцо, распахнул дверь, громыхнул в потёмках чем-то железным и тяжёлым.

– Паша, ты? – прозвучал из горницы голос бабушки Катерины.

В сенях засветилась керосиновая лампа. Катерина, печальная и степенная, в траурной косынке, выступила навстречу из тьмы.

– Я догадалась, что это вы. Сначала Волчок забрехал у Бобрихи, потом шаги услышала.

Павел Федосеевич обнялся с матерью.

Дощатый необитый гроб лежал на столе, выдвинутом на середину горницы. Коренастый при жизни, Федосей казался в нём неестественно вытянутым, словно втиснутый в тесный футляр.

– Мужикам из Бродов спасибо. Сколотили, – сказала Катерина.

Павел Федосеевич взял у неё лампу, подошёл к гробу, глянул в овосковевшее лицо отца.

– С осени занемог. Всё хуже да хуже становилось с каждой неделей, – жутковато звучал в затемнённой горнице ровный голос Катерины. – Таял прямо на глазах. Что ни день – за сердце хватается. Мол, ноет, болит. А утром вчера...

– Так что ж ты не писала? Я и не знал ничего! – воскликнул Павел Федосеевич, закрывая руками лицо. – Нужно ведь было в город везти. В больницу класть на обследование.

– А чем бы ему помогли в той больнице? – Катерина испустила безнадежный вздох. – Его таблетками было не излечить.

– С чего ты это взяла?

Катерина встала по другую сторону гробу, напротив Павла Федосеевича, заговорила глухо и грудно:

– Как в прошлом августе вся эта каша в Москве заварилась, так будто вышел из Федосея дух. Он и до того-то, что ни послушает радио, что ни прочтёт газету, то места себе не находит, плюётся. А тут совсем покой потерял. Так прямо и говорил: всё, конец стране. От немца отстояли, а от собственных гадов не уберегли. Он про этого Ельцина прямо слышать не мог...

Павел Федосеевич в понуром молчании слушал свою мать. В крупные глубокие складки стягивались морщины его искажающегося лица.

Он вдруг нагнулся к покойнику, приобнял за плечо, прильнул щекой к груди.

– Эх, батя...

Павел Федосеевич, Валентина, Валерьян сели на длинную скамью.

– Похороны завтра во сколько? – спросила Валентина.

– Володька из Бродов с утра трактор обещал, – ответила Катерина. – Хотелось бы к полудню управиться, чтоб поминки поздними не были.

– Трактор?

– К трактору телегу прицепим, на телегу – гроб. Так и поедем до кладбища. А без трактора никак. Сами ж видели: всё завалило.

– Не то слово, – с ёжилась Валентина.

– Не расчищает никто – некому. От шоссе-то к нам ещё можно добраться. А вот до кладбища... Туда зимой, считай, и не ходят.

Катерина выставила еду: чугунок варёной картошки, миску квашеной капусты, соль, хлеб. Ели за перегородкой, но ни Валерьяну, ни его родителям кусок не лез в горло.

– А чего у тебя темно-то так? – спросил вдруг бабушку Валерьян. – В едь летом же, помню, электричество было.

Катерина крикнула в досаде, даже сейчас, в канун похорон мужа, по-крестьянски огорчаясь житейским неурядицам.

– Да сволочи какие-то провода повадились ночами срезать. Уже второй раз. Вечером ложимся – есть свет. А утром проснёмся, выключателем клацнем – и не горит.

– Кто ж это делает?

– Кто-то из здешних, поди. Чужие-то редко сюда заглядывают. Сколько жила – и помыслить о таком невозможно было. А с осени пошло: то в Бродах срежут, то у нас. Может, сдают куда эти провода за деньги? Не знаю.

– Варвары... – сдавленно прохрипел Павел Федосеевич, отодвигая тарелку.

Спали плохо. Сон не шёл к измученным, подавленным горем людям.

В белёсом утреннем сумраке Катерина затрясла за плечо лежащего на лавке Валерьяна.
– Мне растапливать надо. Подсоби.

Трактор с телегой ожидали к одиннадцати, и бабушка хотела успеть приготовить для поминок еду.

Валерьян сходил к колодцу, принёс несколько вёдер воды, начистил картошки. В десятом часу явилась соседка Боброва, взявшаяся с охотой бабушке и Валентине помогать.

– Выносить-то хватит народу? – деловито спросила Боброва, указав глазами на гроб. – А-то, гляжу, двое у тебя всего мужиков.

– Бродовские помогут. Санька Мелентьев точно будет. Васютин Дмитрий. Губин, если из Емельяново успел вернуться, то придёт. Ну ещё тракторист.

Трактор затарахтел под окнами даже раньше, чем было оговорено. В стекло застучали мужичьи кулаки. Низкий голос загудел с улицы:

– Катерина! Поедем что ли...

К избе Ештокиных сбросились все станишинские жители, десяток человек – все, кто ещё оставался круглогодично жить в хиреющей деревне. Натужно прихромал с дальнего конца даже одноногий дед Василий, с трудом переставляя по снегу привязанную к культе деревяшку. Он стоял неподвижно слева от крыльца, когда Павел Федосеевич, Валерьян, мужик из соседнего села усач Мелентьев и тракторист выносили на улицу гроб, шевелил бледными, малокровными губами.

– Медали надо бы вынести, да салют над могилой дать, – хрипло сказал он вдруг. – Федос – фронтовик.

Пока гроб втаскивали на телегу и располагали на ней, Василий стоял прямо, по-солдатски, расправив грудь.

В телегу влезли Катерина, Павел Федосеевич, Валерьян, Мелентьев и ещё один приехавший с трактористом мужик. Разместились кое-как по обе стороны гроба, уложив в ногах верёвки и лопаты, придерживаясь руками за тележные края. Валентина не поехала. Вместе с Бобровой и ещё одной жившей через четыре дома тёткой остались в избе накрывать для поминок стол.

Трактор, таща за собой телегу, проехал деревню, выполз на заметённое поле, свернул к Волге, поднялся на речной обрыв, на котором, огороженное чугунной оградой, находилось кладбище.

Могилу накануне вырыли далеко от ворот, на ещё свободном от крестов краю кладбища. Сгруженный с телеги гроб пришлось нести на плечах. Сначала по главной кладбищенской дорожке, а затем петляя между заснеженными могильными холмиками, запинаясь ногами и проваливаясь в нерасчищенный снег.

Прощались с Федосеем немногословно. Катерина, единственный за всё время раз прослежившись, бросила несколько горстей перемешанной со снегом земли на грудь усопшего мужа. Бросили свои пригоршни Павел Федосеевич, Валерьян.

– Земля пухом, Федос, – пробасил тракторист.

Окаменевшие комья ссыпали в могилу лопатами с аккуратностью, словно опасаясь, что они своей тяжестью могут пробить гробовую крышку. Когда могилу засыпали, Мелентьев и тракторист выровняли земляной холмик черенками лопат.

– Крест надо бы потом поставить. Иначе нехорошо, не по-божески, – сказала соседка Нежданова, печально глядя на безымянную могилу.

Подобрав губы, Катерина проговорила:

– Федосей коммунист был. Неверующий.

– Так все ж были неверующие...

– А он им и остался. Партбилет не выбрасывал и не жёг, – нахмурившись, отрезала Катерина, и в голосе её зазвучал какой-то отчаянный, безнадежный вызов. – Вот через твёрдость свою смерть и принял.

Нежданова умолкла, пристыженная. Павел Федосеевич переступил с ноги на ногу, захрустев мёрзлым снегом.

– Я денег скоплю и памятник закажу, – уже мягче заговорила Катерина, сглаживая неловкость. – Пусть памятник стоит. Федосею так было бы приятнее.

Когда возвращались назад, к телеге, Валерьян отчётливо расслышал, как Мелентьев, шагавший впереди него, гудел в ухо трактористу:

– Вот жизнь пошла, а. Уж и не знаем, как хоронить: то ли крест в ногах вкапывать, то ли партбилет на гроб класть.

Когда трактор приволок телегу обратно к избе Ештокиных, в ней уже было всё готово к поминкам. Поминать сели за тот же стол, на котором стоял гроб. Валентина и Боброва, суетясь, разливали по тарелкам куриный бульон, сыпали из миски отваренную лапшу. Катерина выставила самогон.

Павел Федосеевич в возникшей тишине поднял наполненную стопку.

– Помянем, – тихо проронил он, и рука его задрожала.

Дмитрий Васютин, обросший седобровый мужик, прибавил, словно досказывая:

– Прямой был человек Федосей. Околицами никогда не кружил. Фронтовик.

Пили все: и мужчины, и женщины. Каждому находилось, что сказать сердечного о деде Ештокине...

Самогон сдабривал грусть, и мало-помалу разговоры за столом переходили сначала на житейские дела, а затем и на политику. К Павлу Федосеевичу, не бывавшему в родных местах много лет, обращались с вопросами. Спрашивали о городской жизни, о людских настроениях, о том, чью сторону держит он. В Станишино знали, что сын Федосея Ештокина сделался помощником народного депутата, потому слушали его поначалу с почтительным вниманием, силясь разобраться: к добру ли для них, деревенских, новая власть?

Павел Федосеевич спотыкался, отвечал нескладно, ощущая, что утратил навык ведения беседы с обитателями деревень. Он пытался что-то доказывать, объяснять, но по выражениям лиц собеседников понимал, что неубедителен и некрасноречив.

– Э, Павлентий, – высказался под конец, словно бы за всех, разочарованный дед Василий. – Когда в город учиться уезжал, толковее был. А что сейчас чирикаешь – не понять. Рыночный механизм... Реанимация сельского хозяйства... А чего его реанимировать-то, собственно? Чем колхозы новой власти не угодили?

– Колхозы за редким исключением убыточны. Из-за них в стране возник острый продовольственный дефицит.

– Станешь тут убыточным, когда тебе ни дорог нормальных не проложат, ни техникой в страду не помогут, – проворчал захмелевший Мелентьев. – Колхозы, что ли, в том повинны? Нет, с таким подходом село не поднять.

– Фермеры должны село поднять, – попробовал убедить Павел Федосеевич. – В колхозах никто больше насильно не держит. Бери землю в оборот, зарабатывай. Правительство вот-вот программу специальную утвердит.

– Фермер – это который сам по себе, что ли? Единоличник? – уточнил тракторист.

– Фермер – это предприниматель. Да, он работает на себя сам. Если средства позволяют, нанимает работников. Колхоз над ним не власть. В Европе, в Америке никаких колхозов нет, зато сельское хозяйство процветает. И дороги, и техника – в сё в образцовом порядке.

Мужики переглянулись.

– Бывал ты будто в этой Америке... – икнул в кулак Мелентьев.

– Лично ещё не успел, но хорошо знаю тех, кто бывал. И их впечатлениям доверяю.

– Значит, по-твоему, правильно, что колхозы распускать задумали? – ещё раз переспросил Васютин.

Павел Федосеевич развёл руками.

– А как иначе перейти к рынку? Город и село должны жить единым хозяйственным укладом. Колхозы – это социализм, то есть, отжившее. Имущество их – на паи и разделить.

– Честная ли делёжка выйдет? А ну как окажется, что у одних пусто, а у других густо станет. Кулачья нам ещё нового не хватало, – Васютин, поугрюмев, огладил костяшкой пальца бровь. – Демократия твоя за ради кулаков выходит?

Склонность мужиков всё упрощать и вместе с тем заострять коробила Павла Федосеевича, но он продолжал гнуть своё:

– Зачем большевистскую риторику воспроизводить? Не за кулаков, а за трудолюбивых хозяев.

Васютин поглядел на Павла Федосеевича мутно и недобро:

– Наслышан, какие они хозяева. Мне мать про кулаков много чего рассказать успела. В детстве ещё, с ребятнёй, постучали, рассказывала, на святки в кулацкие ворота, а кулак вылез, да только не пряниками угостил, а ледяной водой из ушата.

– Ну причём здесь эти давние страсти? – принуждённо улыбнулся Павел Федосеевич. – Нам сейчас из экономической ямы выбираться надо.

Васютин сузил левый глаз, навалился локтями на стол.

– А в яму-то эту кто толкнул? Не «перестройка»? Не Горбачёв с Ельциным, чтоб их обоих!

– Будет! – прикрикнула вдруг Катерина властно, вставая. – Вы тут раздеритесь ещё...

Застольный разговор прервался, угас.

– Ох, люди-люди... Неужели и впрямь согласия нам меж собой никак не найти? – закрыла вдруг лицо руками Нежданова.

Васютин, будто из стремления сгладить углы, поднялся первым.

– Ладно, Павлентий. Держись. На нас, здешних, обид не держи. Мы от чистого сердца. Что думаем, то и говорим...

Отмякая, он обнял Павла Федосеевича сердечно и хмельно.

За ним стали прощаться и остальные. Каждый чем-нибудь подбадривал Ештокиных: Катерину, Павла Федосеевича, Валерьяна, Валентину.

Бабушка зажгла в потемневшей горнице керосиновую лампу. Валентина принялась вместе с ней убирать посуду, полоскать тарелки в наполненной водой деревянной лохани. Павел Федосеевич продолжал сидеть за столом, свинцовым немигающим взглядом уставившись в его оголённые доски.

– Что, Валерик, увидел: каков он – народ? – проговорил он вдруг, повернув голову к сыну. – Тёмен. Дремуч.

Валерьян, изначально понимавший, что разговор начистоту неизбежен, уклоняться не стал:

– Они тебе конкретные вопросы задавали, ждали, что ты разъяснишь. Ты для них важная птица. В городе преуспел.

– Я и разъяснял, как мог. Кто ж виноват, что они слов не воспринимают? Им про назревшее-перезревшее, про реформаторский курс, а они всё за колхозы эти чёртовы цепляются. Что за рабская психология!

Высокомерие отца было Валерьяну неприятно.

– Какая надо у них психология, – заступился он за мужиков. – Просто живут и видят, что жизнь всё хуже становится. Провода вон красть уже начали. Такой вот он – реформаторский курс.

Павел Федосеевич, сдавленно выдохнув, глянул сыну в глаза:

– Бардак долго не продлится, Лерик. Это всё временно, поверь. Ведь реформы – они только-только начались. Вечно у нас на Руси хотят всего да сразу. И чтобы это всё ещё и с неба упало, само. Для того чтобы реформы успех имели, нужно самим много усилий прикладывать. Себя начинать менять. Вот те же кражи проводов – это, между прочим, коммунистическая мораль аукается. Уважения к собственности она людям не привила. Даже к государственной. А ведь без уважения к праву собственности никакой эффективной, прибыльной экономики не создашь. Так и будут: не сами зарабатывать учиться, а по сторонам завистливо зыркать. Не дай бог, у кого-то получаться начнёт. Всё, караул! Кулачье!

Катерина, зная о крупной ссоре между отцом и сыном, зажгла ещё одну лампу и повлекла Валентину с собой, будто за каким-то делом, в сени.

– Ну куда вы меня? – зашептала ей на ухо Валентина. – Разругаются ж они опять.

– Пускай говорят, – шикнула, затворяя дверь, свекровь на невестку. – П олитика – и х, мужицкое дело. Поговорят и помирятся. Не дело им друг против друга камни за пазухой копить.

Павел Федосеевич и Валерьян впервые за эти два дня остались наедине. Продолжая сидеть на лавках, они глядели друг на друга через стол, неотрывно и недоверчиво.

– То, что с ценами затеяли – это для воспитания чувства собственности, хочешь сказать? – осведомился Валерьян ядовито. – Чтоб буквально над каждой копейкой приучались трястись?

– С ценами, конечно, выходит не очень хорошо. Тут где-то не додумали, не рассчитали, – признал Павел Федосеевич, но тут же бросил, точно козырь. – Но хотя бы продукты на прилавках появились, дикие очереди исчезли. Согласись!

– А толку от этих продуктов, когда денег нет?

– Деньги заработать можно. Той же торговлей, например. Ельцин же не просто так ей полную свободу предоставил. Нашему народу давно пора не на государство смотреть, а самостоятельно зарабатывать учиться. И начинать с самого элементарного.

– Ты что же, мне советуешь на автобусной остановке начать носками спекулировать? – воззрился на него Валерьян. – Или сам собираешься?

Павел Федосеевич протянул через стол руку, положил её сыну на плечо:

– Ты не ершишь. Политика политикой, а жизнь жизнью. Раз уж решил самостоятельным стать, то задумайся хотя бы над тем, как именно жизнь у нас перестраиваться будет. Зарплаты и стипендии в ближайшее время индексируют – об этом не беспокойся. Важно определиться с другим. Тебе надо уже сейчас всерьёз подумать, куда после университета идти. На распределение не уповай. Устраивать на работу, как при социализме, государство больше не будет.

– Да я уж устроился, – искривил ухмылкой губы Валерьян. – В ахтёром на проходной КМЗ.

– Все с чего-то начинают, Лерик. Иные американские президенты в детстве курьерами и мойщиками машин начинали. Главное, не задерживайся на этом заводе. Смотри по сторонам. Сейчас такие возможности появляются...

Сам знаю молодых ребят-технарей, которые в иностранные фирмы устраиваются, некоторые даже за границу работать приглашение получают. А ведь и у тебя голова на плечах, в университете ты на хорошем счету. Поразмышлись... Я через депутатов в Москве много на кого выходы найти могу. Если хочешь, и для тебя что-нибудь разузнаю.

Валерьян потупился, сцепил пальцы рук, но продолжал молчать.

– Пойми, Лерик: те, с кем ты связался – я имею в виду газету «День», Проханова и всю его красно-коричневую компанию – они безнадежно отсталые, замшелые люди. Я ведь знаю, что ты у памятника Кузнецову с газетами стоишь, – отец улыбнулся снисходительно. – Но это

всё зря. Никто с курса реформ не свернёт. Дело не в Ельцине. Не во мне. Дело в том, что они объективно, исторически незрели. Россия ещё лет за десять до «перестройки» была беременна переменами. Я отлично помню, какие у нас в лаборатории кипели дискуссии в застойные времена. Как все высмеивали вождеймаразматиков, как ругали номенклатуру и вечный дефицит. Как мы завидовали тем, кто ездил в загранкомандировки. С какой жадностью слушали их рассказы... А теперь – вот оно, уже вот-вот. Частная собственность, отмена цензуры, либерализация жизни... Ты, правда, веришь, что общество из-за воплей какого-то Проханова назад к совку повернёт?

Отец давил Валерьяна доводами, сочными характеристиками того, что он ведал и сам. Но принять их его упрямая, самолюбивая душа не могла.

– Гражданская война тоже незрела? – огрызнулся он. – Грузия вон, Карабах уже полыхают всюю.

– Да что нам Грузия с Карабахом?! Хватит уже мыслить имперскими категориями! – нетерпеливо перебил Павел Федосеевич. – Они, слава богу, теперь независимые страны. Нас их проблемы вообще волновать не должны. Нам надо думать о том, как Россию комфортным для жизни государством сделать. Солженицын, например, ещё полтора года назад писал, что надо сосредоточиться на проблемах самой России. Предупреждал об этом. Жаль, медленно доходит.

– Нашёл тоже пророка в этом Солженицыне... Строчит чего-то из-за бугра, – буркнул Валерьян. – Если люди сплошь нищают кругом, то какое же это обустройство жизни? Обустройство в нищете? У нас в общежитии людям уже на макароны не хватает.

– Я ведь сказал уже: зарплаты индексируют, то есть повысят. Это вопрос решённый, – Павел Федосеевич начал терять терпение. – А работяг этих ты не больно жалеешь. Нашёл тоже общество... Те они ещё пьяницы и бракоделы! И на нас – на интеллигенцию – волками смотрели во все времена. Как же точно их великий Булгаков описал. Шариковы и есть: грубые, завистливые, тупые.

– Любишь ты на людей ярлыки навешивать...

Некоторое время они сидели, раздражённые друг другом, не зная, как возобновить разговор. Затем Валерьян спросил:

– Правда, что планы реформ Ельцину американские советники пишут?

– Ну не Ельцину персонально, а кабинету министров, – поправил Павел Федосеевич, расправляя плечи. – Разработкой конкретной экономической программы занимается зампред правительства Егор Гайдар. Профессиональный экономист, доктор наук, заметь. А то, что его западные специалисты консультируют – только к лучшему. Они действительно знают, как рыночная экономика работает на деле. Они профессионалы.

– И с чего ж это они так нашей жизнью-то озаботились вдруг?

– Озаботились, потому что «железный занавес» рухнул, и Россия открылась миру. Хватит уже лепить из Запада образ врага. Он нам в трудный исторический момент руку помощи протягивает, а твой «День»...

– А «День» – единственная газета, что людям глаза на происходящее открывает, – перебил Валерьян с убеждённостью.

Павел Федосеевич зажмурился, в бессилии уронил голову, хлопнул себя ладонью по лбу.

– Господи, сын! Ну какой ты, честное слово, упрямец! – воскликнул он, отчаиваясь. – Прямо Базаров наоборот! Судьба наша русская такова, что ли?!

Пламя стоящей на столе керосинки заколебалось, иссякая. По напряжённым лицам отца и сына заплясали багровые тени, укрупняя и огрубляя черты.

— IX —

Меркнущие надежды на сытную, благостную жизнь породили брожение. Зарождаясь в ругани стихийных сборищ, в очередях за скудеющей получкой у касс, в первый же пореформенный месяц оно охватило множество городов России. Недовольство ширилось даже в Москве – столице демократической революции. Улицы, учреждения, трамваи каждодневно заполнялись разочарованными, терпящими суровую нужду людьми. Город тонул в раздорах, слухах.

В первую февральскую неделю, особенно в вечерний час, на выходах из станций метро, на транспортных остановках, у заводских проходных стали возникать агитаторы. Крепкие уса-тые дядьки, напоминавшие с виду рабочих бригадиров, взволнованные пенсионеры, иногда женщины, совали идущим мимо машинописные листовки.

В листовках говорилось:

Товарищ! Если ты не можешь спокойно смотреть, как грабят народ, как распродают державу иностранцам, как плодят нищих; если ты желаешь счастья своим детям, уверенности в будущем своей семье; если не терпишь ложь и предательство – останови геноцид! Добивайся вместе с нами отставки продажного правительства Ельцина! Присоединяйся к походу на «Белый дом»!

Ельцин обманул народ. Его правительство продолжает антинародную политику Горбачёва. Идя к власти, Ельцин обещал заботиться об интересах простых людей. Став президентом, он перечеркнул свои обещания. Сегодня его заботит не благосостояние народа, не развитие экономики, а смена общественного строя, возвращение класса паразитов – опоры его власти.

Поправ Конституцию страны и волю народа, выраженную на референдуме 17 марта 1991 года, правительство Ельцина поставило себя вне закона, перешло в услужение к иностранному капиталу и тащит народы к братоубийственной войне.

Товарищи! Братья и сёстры! Надеяться не на кого. У народа остался последний шанс – мирным путём отстранить от власти правительство, предавшее национальные интересы. Если не ты, то кто?

Сбор участников похода 9 февраля в 10:30 на Крымском валу (м. «Парк культуры»).

*Российская коммунистическая рабочая партия
Движение «Трудовая Москва»*

Резким и ясным содержанием листовки пронимали обманувшихся в ожиданиях служащих, инженеров, водителей автобусов, рабочих. С агитаторами вступали в разговоры. Некоторые из осторожности переспрашивали:

- А разве компартию не запретили? Ельцин ведь лично указ подписал...
- Это горбачёвскую КПСС ³запретили. Туда им, оппортунистам, и дорога.
- А Анпилов?

– Анпилов возглавляет движение «Трудовая Москва». Это движение рядовых коммунистов.

³ Коммунистическая партия Советского Союза, правила в Советской России (Советском Союзе) под разными названиями с ноября 1917-го по август 1991 года. – Прим. ред.

Листовки клали в карман и уносили с собой, показывали на работе, соседям по дому.

Агитацию против Ельцина вели не только коммунисты. Энергичный Владимир Жириновский, бывший кандидат в президенты России, эксцентрик и демагог, собирал в Москве сходки. На них, исходя криком, он грозил правительству восстанием, обещал разогнать спекулянтов, покарать жуликов, изменников, барыг:

– Пускай бегут в «Шереметьево» прямо сейчас! Пока не поздно! Через два месяца мы возьмём власть и закроем выезд из страны. Со всех, кто не успеет к этому времени сбежать, мы спросим сурово! Ответят за всё! За предательство! За грабёж! За обман!

Жириновский умел заводить толпу. Его приветствовали, словно трибуна.

Заколебалась и часть депутатов в Верховном Совете. Встрепенулись левые и почвеннические фракции, недавно ещё совершенно задавленные демократическим большинством. Депутаты, бывавшие в округах, выступали на заседаниях всё резче, упрекали реформаторов за безответственность и волюнтаризм. Сергею Филатову, занявшему после подавления ГКЧП должность заместителя главы Верховного Совета, удавалось сдерживать эмоциональные выпады. Однако уверенность демократической верхушки в том, что на назначенном на весну новом съезде всю депутатскую массу в тысячу человек удастся направить в нужное русло, начала подтачиваться.

Известие о затеваемой Анпиловым демонстрации смутило в демократической фракции многих. Фракционное совещание шло нервно.

– Смотрите-ка, очухалось большевичье, – негодовал Лев Пономарёв, непримиримый антикоммунист. – Кто бы ещё пару месяцев назад мог допустить, что они посмеют уличные шествия собирать? Пока мы в парламенте о новой конституции дискутируем, этот Шариков сброд на нас натравить задумал.

– Шариков? – спросил кто-то, скалясь.

– Ну а как Анпилова ещё назвать? Вылитый Шариков и есть. И морда типичного люмпена. Красная, испитая, – высокий, визгливый голос Пономарёва вздрагивал от злобы.

– Это ребята-журналисты придумали, – пояснил Винер. – Метко и вовремя, между прочим. До гробовой доски не отмоеся.

– Сброду необходимо противопоставить военную силу! Демократия должна уметь себя защитить, – неистовствовал Пономарёв, обнажая длинные, неправильной формы зубы, – Сергей Александрович, прошу вас, обратитесь к Борису Николаевичу. Благодушеествовать нельзя!

Волнение передалось и окружению Ельцина. До площади перед Верховным Советом, на которой Анпилов решил провести митинг, красных манифестантов решили не допускать.

В преддверии митингового дня газеты запестрели обращениями и воззваниями к жителям столицы «защитить курс реформ».

Утром девятого февраля плотные толпы стали собираться на Крымском валу, поблизости от Парка культуры.

– Товарищи! Строимся в колонну! – громыхал, усиливаемый мегафоном, резкий, с хрипотцой, глас Анпилова. – Ориентируемся на красные флаги! Шеренгой – к шеренге, плечом – к плечу! В половине одиннадцатого начинаем выдвижение на Крымский мост. Идём по Садовому кольцу к Белому дому – оплоту контрреволюции! Там угнездился классовый враг. Но мы будем добиваться того, чтобы Белый дом вновь стал нашим советским Верховным Советом!

Народ всё прибывал, заполняя набережную Москвы-реки, прилегающие пространства. Анпилов организовывал колонну лично.

– Товарищи, в шеренги! Движемся шеренгами. Первая, вторая...

Десятка три его соратников, накрутивших на предплечья красные повязки дружинников, суетились вдоль рядов, подсказывали, вручали флаги.

Рыхлая, небоевитая, состоящая по большей части из женщин, пожилых и стариков, колонна вступила на мост. Невысокий, но голосистый, Анпилов энергично шагал в её голове, то и дело оборачиваясь и на ходу выкрикивая в мегафон лозунги.

Лишь миновав мост, он понял, сколь она велика. Когда ведомые им первые шеренги выходили на Садовое кольцо, срединная часть колонны всё ещё двигалась через реку. Хвост терялся на Крымском валу, кажущийся с расстояния колышущимся чёрным ступом.

– Виктор Иванович, ты погляди! – подтолкнул Анпилова под локоть изумлённый и счастливый дружинник. – Народу – тьма!

Анпилов остановился, окинул взором колонну, заполненный демонстрантами мост. Он поднёс к губам мегафон, вскинул кулак:

– Смелее, товарищи! Вперёд, трудовой народ!

Народ пёр по Садовому, запрудив проезжую часть и тротуары. Пёр напористо, будто убыстряющаяся от собственного движения лавина. Только шесть или семь выстроенных лично Анпиловым передних шеренг держали равнение, за ними всё соединялось в рокошущую массу.

Над головой колонны колыхались флаги: Советского Союза, РСФСР, с союзным гербом, просто красные полотнища с нашитыми на них серпами-молотами и звёздами. Плакаты несли самодельные, вырезанные из кусков фанеры и картона: «Отстоим социализм!», «Нет грабительским ценам!», «Долой правительство американских приспешников!»

Цветами флагов шествие напоминало ноябрьскую демонстрацию, но надписи на плакатах, гремящие из мегафона призывы, выражения лиц идущих в колонне людей были непрезабавны. С серо-мглистого неба сеялся колкий крупяной снег. Белые катышки запорашивали плечи, воротники, шапки.

– Товарищи, держим строй! – красный от волнения и ходьбы, подбадривал Анпилов.

На пересечении с Новым Арбатом, по которому он намеревался вести колонну к Дому Советов, демонстрация вдруг упёрлась в сплошной кордон. Милиционеры стояли непроницаемыми шеренгами, сомкнув перед собой, словно древние воины, металлические щиты. Путь по Новому Арбату был закрыт. Садовое кольцо за перекрёстком тоже перегородили, исключая для колонны всякий обходной маршрут. На тротуарах, пригнанные один к одному, стояли грузовики – настолько плотно, что между ними было не протиснуться даже одиночному пешеходу. Оранжевые каски бугрились над верхними краями высоких, в человеческий рост, щитов. Напряжёнными, недружелюбными взорами бойцы ощупывали приостановившихся в замешательстве демонстрантов.

Анпилова обступили милицейские офицеры.

– Поворачивайте к центру! – повелел полковник, указав антенной рации, будто стеклом в направлении единственного, оставленного открытым, уличного прохода. – Дальнейшее движение к зданию Верховного Совета не санкционировано.

– Кем это не санкционировано? По какому праву? – вскинулся разгорячённый Анпилов.

– Властью, – полковник, поправляя ушанку, тронул седеющий висок. – И здано распоряжение.

– Но позвольте! – возмутился Анпилов. – О маршруте и месте митинга мы известили заранее. Вы не имеет права нас не пропускать.

Остановленная колонна гудела, недоумевающе и сердито. Демонстранты не понимали, почему им закрыли путь.

– Поворачивайте в центр, говорю! – рявкнул нервничающий полковник. – Там сами решайте, где митинговать.

– Это самоуправство! – вскричал Анпилов, выходя из себя.

Милицейские кордоны не расступались. Офицеры внимательно наблюдали за топчущейся на месте колонной, отталкивали спешащих на помощь Анпилову дружинников. Анпи-

лов пробовал требовать, показывал полковнику подписанную в мэрии бумагу, но тот оставался непоколебим.

– Виктор Иванович, – оттащил его в сторону темноусый человек в форме армейского подполковника, шедший с колонной от Крымского вала. – Давай лучше и правда свернём. Они хорошо подготовились, – он, заломив фуражку, окинув взором милицейский строй, качнул головой. – Мы безоружные, с ходу не прорвём. В колонне много стариков, женщин. Выйдет бойня.

– Свернуть?! – негодуяще воскликнул Анпилов. – Сорвать поход?

Офицер, не привычный к упрёкам, ошетилил усы.

– Поведём людей на Манежную. К Кремлю.

Одутловатое лицо Анпилова вздрагивало, багровея.

– Надо сперва достучаться до депутатов! Они зависят от округов! Они...

– Вам дело советуют. До Манежной путь открыт, – смягчившись, вклинился милицейский полковник. – Ну зачем нарываться?

Пререкания ни к чему не привели, Анпилову не удалось добиться уступок. Полковник наотрез отказывался снимать кордоны.

Причину перекрытия пути к Верховному Совету милицейские офицеры утаивать не стали.

– Там уже демократы митингуют, – сварливо, будто с сожалением, объявил один из них – коротенький, в долгополой шинели майор. – Их тоже тысячи. Хотите гражданской войны?

Толпа рокотала, ожесточаясь от непривычного вида чуждой, враждебной милиции, беспомощного топтания перед глухими кордонами. В передних рядах, подпираемых сзади, началась давка.

Взбешенный Анпилов развернулся к колонне и закричал:

– Товарищи! Власть боится своего народа. Белый дом отгородился от нас войсками. Так называемые народные избранники стыдятся посмотреть в глаза собственным избирателям... Товарищи! Мы повернём к Манежной площади, пойдём напрямик к Кремлю! Трудовой народ будет услышан!

Гигантская колонна разворачивалась нехотя, люди бросали на милицию недоумённые, уничижительные взоры. В её сторону летели плевки.

– У, сволочи... Выстроились... – сипели старики. – Против реформаторов бы вот так...

Демонстрация потекла по свободной части Нового Арбата, в направлении Красной площади и Кремля.

– Знаменосцы, вперёд! Выше алые стяги! – командовал Анпилов, взбадривая людей.

Человеческая масса, выливаясь на незанятое пространство Манежной площади, рокотала. Площадь потемнела, словно берег, заливаемый приливной волной. К Историческому музею милиция спешно подгоняла грузовики. Их разворачивали бортами к толпе, загораживая проходы.

Трибуны для ораторов предусмотрено не было, но Анпилов, не растерявшись, полез на ступеньки гостиницы «Москва».

– Товарищи! Будем митинговать прямо здесь, у стен Кремля! Пусть его стены содрогаются от народного гласа! Народ требует отставки реакционного буржуазного правительства Ельцина, Гайдара и Бурбулиса! Народ требует восстановления социализма и советской власти в полном объёме! Народ против грабительских реформ! Под видом так называемой рыночной экономики нам навязывают бандитский капитализм! В стране возрождают эксплуататорский строй!

Речи Анпилова пробирали обобранный, теряющий веру политикам люд.

«Так! Так! Правильно!» – восклицали на площади.

Анпилов говорил ярким, страстным языком, легко сплетая слова в воодушевляющие призывы:

– Товарищи, уповать сегодня нам не на кого! Создаём снизу советы трудящихся! Не ждать никаких указаний! Сами! У себя на предприятиях! Явочным порядком! Группы по два, по три человека! Постепенно вокруг них соберутся все честные люди страны!

Клич Анпилова был иступлён:

– Со-вет-ский Союз! Со-вет-ский Союз!

Площадь загромыкала ответно: «Советский Союз! Советский Союз!» Впервые на ней полоскались красные знамёна. Впервые митинговая толпа не славил Ельцина, а проклинала.

После Анпилова говорил темноусый офицер, предводитель Союза офицеров, подполковник Станислав Терехов. Глубоко уязвлённый необходимостью отступить перед милицейским кордоном, он воинственно кричал:

– В Кремле засела банда национальных изменников! Разрушены Вооружённые Силы! Разрезана на пятнадцать кусков наша великая Родина! Братские народы разделяют государственными границами! Гордость отечества – Черноморский флот – растаскивают кремлёвские и киевские коллаборационисты! Американские цэрэушники угнездились в Кремле! Нашим так называемым правительством управляют из Вашингтона!

– Долой Ельцина! – ревела Манежная. – Даёшь Советский Союз!

Терехов потрясал кулаком:

– Мы даём оккупационному режиму три дня срока на то, чтобы бескровно сдать власть! Три дня!!!

Выступал Виктор Алкснис – верный советскому делу депутат несуществующего уже союзного Верховного Совета. Басил в мегафон Виктор Тюлькин – широкоплечий лобастый мужик, руководитель Российской коммунистической рабочей партии. Брала слово ветераны Отечественной войны, женщины.

Ни усталость, ни промозглый холод не могли разогнать с площади народ. Манифестантов окрыляло собственное ошеломительное число, небывалое для антиельцинских выступлений. Видя вывалившую по их призыву огромную массу, воодушевлялись и вожаки.

– Товарищи, мне сейчас донесла наша разведка, – схвативший вновь мегафон Анпилов иронично рассмеялся. – Наши противники вывели к Белому дому от силы три-четыре тысячи человек...

Толпа куражливо взревела.

– Их в десять, в пятнадцать раз меньше, чем нас! Народ, наконец, начинает прозревать! Кто сегодня в здравом уме пойдёт за обманщиками-демократами?! Одни только киоскёрыторгаши! Работники кооперативных туалетов...

В толпе захохотали, захолопали. Грубоватой шутке Анпилова заухмылялись даже в милицейском оцеплении.

– В следующий раз нас будет ещё больше! Если правительство немедленно не уйдёт в отставку, мы выведем на улицу двести... триста тысяч человек! Мы выведем миллион!

Кто-то из дружинников, перехватив мегафон, запел: «Вставай, страна огромная!» Ему начали подпевать: вначале те, кто стоял на ступенях, затем толпящиеся у гостиничного крыльца. В полминуты запела вся площадь.

Могуч, внушительен казался поющий военную песнь народ.

— X —

Ветренными позёмками леденил февраль московские улицы. Недобрым, предбуйственным веяло от них.

На транспортных остановках, в магазинных сутолоках выныривали ораторы. Фонарные столбы обклеивали прокламациями. Чёрные угольные надписи появлялись на заборах и стенах домов: «Ельцин – иуда!», «Банду Ельцина под суд!»

Анпилова, Терехова и Тюлькина неожиданный успех демонстрации окрылил. Собираясь вместе, они обсуждали, как его развивать. Никто из них, вынесенных в вожаки волной низового недовольства, не был искушён в политической борьбе. Никто не знал наверняка, как следует действовать дальше: ожидать ли от правительства действительной приостановки реформ, назначать ли новое шествие, призывать ли сторонников к организации стачек...

Надежды на сговорчивость реформаторов развеялись быстро. Правительственные министры, депутаты демократических фракций в Верховном Совете через прессу дали однозначный ответ: отказа от рыночного курса не будет. Телевидение и центральные газеты сыпали в адрес красных манифестантов насмешки и оскорбления. Журналисты писали о них с ненавистью, как о врагах.

Массовость антиправительственной демонстрации всерьёз обеспокоила руководство Верховного Совета и советников президента. На площади Свободы на митинг собралось не более десяти тысяч. Анпилову удалось вывести к Кремлю все пятьдесят. Впервые демократические силы уступили противникам и в численности, и в напоре. Но их предводители не думали пасовать...

Пропесоченный Ельциным министр внутренних дел Ерин грубо наорал на стареющего полковника Никитина, опрометчиво развернувшего красных демонстрантов с Садового кольца к кремлёвским стенам. В московской мэрии, образованной взамен привычного горисполкома, под предводительством мэра Гавриила Попова и вице-мэра Юрия Лужкова, развернули штаб. Главы новоявленных префектур, милицейские генералы, командир и штабные офицеры дивизии Внутренних Войск имени Дзержинского обсуждали: каким образом сбить поднимающийся митинговый вал.

Своего рода командирский совет возник и при Анпилове – самом непримиримом уличном вожаке. Встречались либо на его квартире, либо в гостиничных номерах бывших союзных депутатов Виктора Алксниса и Сажи Умалатовой, которые те продолжали ещё занимать.

– Нужно заявлять новые митинги! – запальчиво убеждал Анпилов явившихся на совещание. – Разруха усугубляется, цены по-прежнему прут вверх. Народ прозревает и всё более отшатывается от реформаторов. Инициатива у нас. В следующий раз выйдет уже сто пятьдесят тысяч! Потом триста!

– Ельцин это тоже чувствует, – предостерегающе произнёс пришедший вместе с Тюлькиным лысоватый пенсионер и зачесал гладкий висок. – Видели, сколько милиции девятого числа на Садовое согнали? Дубинки, щиты, грузовики... Это всё против нас.

– Так тем более надо выходить! Пусть не воображают, что мы их боимся!

– Организация нужна. Структура, кадры... – дёргал Терехов кончик уса. – Толпой власть не берут.

Анпилов выдохнул, приложил ладонь к груди:

– Сложится организация, Станислав Юрьевич. Уже складывается. Есть главное – напор масс. Вы же сами видите: они начали пробуждаться. На седьмое ноября я и нескольких тысяч вывести не мог, вспомните... А теперь трудовое движение поднимается по всей стране. Со мной ежедневно выходят на связь товарищи из регионов: из глубинки, с Урала, из Сибири.

Массы уже начинают организовываться сами, учреждают советы. Наше дело: подать пример, вдохновить.

– А ваши офицеры чего ж? – словно с укором обратился к Терехову Тюлькин. – Ведь они ж люди организованные, военные. К тому же почти все коммунисты. Какие среди них настроения? Неужели согласны Ельцину служить?

Терехов, хмурясь, кусал губы.

– В нашем союзе пока в основном отставники. Действующие всё ещё раскачиваются. Только-только до них начинает доходить, что никакой единой армии СНГ не будет.

– Я согласен с Виктором Ивановичем – нужны новые митинги. Нельзя упускать инициативу, – решительно заговорил Альберт Макашов, генерал-коммунист. – Более того, я внесу конкретное предложение. Считаю целесообразным приурочить следующее наше выступление к двадцать третьему февраля.

Надо заявить митинг против развала единой союзной армии. Можно считать это политическим обращением к действующим офицерам. Если растащат Вооружённые силы, то мы в крови захлебнёмся. Республика на республику войной пойдёт!

Анпилов взял со стола открытку-календарь. Посмотрев в него, просиял.

– А двадцать третье-то – воскресенье, выходной день! Мы можем запрудить весь центр Москвы.

С предложением Макашова согласились все, даже робкий пенсионер.

– Уж в День-то Советской армии не должны препоны чинить, – крикнул он. – Не посмеют.

– Двадцать третье хорошо ещё тем, что даёт возможность присоединиться к демонстрации самому широкому кругу, – развил мысль Алкснис. – Сейчас в оппозицию к режиму переходят и многие из тех, кто к коммунистам себя не относит. И в среде офицерства, и среди гражданских таких много. До поры – до времени они Ельцину верили. Но теперь, после Беловежья, грабительских реформ, им, что называется, сделалось «за державу обидно».

– Да, таких хватает, – подтвердил Макашов. – И мы должны их поднять.

Спор завязался по поводу того, с какими лозунгами выходить в воинский праздник. Анпилов с Тюлькиным стояли на том, что экономические требования всё равно следует сделать основными. Против высказались Алкснис, Терехов и Макашов. Их, хоть и с колебаниями, но поддержало большинство.

– Стремление почтить память советских воинов и потребовать сохранения Вооружённых Сил не нужно отделять от экономических требований, – высказался Терехов. – Всё и так уже размежевалось до предела. Виктор Имантович прав. Давно пора начинать объединяться.

– Я не противопоставляю, а расставляю акценты. Экономика – это базис, – упорствовал Анпилов.

– Базис-то базис, но не желудком единым живёт народ, – возразил Алкснис. – Патриотизм – ещё одна важнейшая линия разлома между ельцинским режимом и нами.

– Ельцинисты – не только реставраторы капитализма, но и национальные изменники, коллаборанты. Сдали Союз, сдают Россию... Об этом же надо просто на каждом углу кричать, – продолжил Терехов. – Антисоветская, антирусская клика...

– Это верно, – прокашлял лысоватый пенсионер. – Им на родину плевать. Лишь бы какой-нибудь Буш или Коль похвалил.

– Слышишь, Виктор Иванович, глас народа? – глухо усмехнулся Макашов. – Не в бровь, а в глаз.

Спор иссяк. Решено было устроить в годовщину Советской Армии демонстрацию: против развала Вооружённых сил, против экономической политики и буржуазных реформ.

Анпилов, сплотивший вокруг себя надёжный костяк из нескольких сотен стойких, не отрёкшихся от идей коммунистов, ежедневно отправлял агитаторов по Москве. Часто ходил с

ними сам, совершая всё то, что совершал рядовой активист: клеил листовки, вступал в разговоры с заинтересовавшимися, разъяснял.

Подполковник Терехов, действующий офицер-замполит, находил сочувствующих не только в кругу отставников, но и в среде строевого офицерства. По разбросанным по области гарнизонам и военным городкам, по рукам командиров, прапорщиков и солдат в частях ходили воззвания Союза офицеров.

В мэрии про новую демонстрацию и слышать не хотели.

– Что это за коммуно-фашистский Союз офицеров объявился?! – ярился на совещаниях мэр Попов. – Ведь это же затевается вооружённый путч!

Университетский профессор Попов, избранный мэром на волне погрома номенклатуры, пребывал в растерянности и не знал, как сладить с неожиданно возникшей оппозицией.

– Запретить надо все эти сборища, – крутя крупной яйцевидной головой, пробурчал вице-мэр Лужков. – Я говорил с ГУВД⁴. Там осознают свою ошибку. Если вы, Гавриил Харитонович, отдадите распоряжение, эти Анпиловы-Тереховы больше к Кремлю близко не подойдут.

Низкорослый, плешивый, но очень деятельный и хваткий, бывший глава Мосгорисполкома Лужков имел среди работников мэрии гораздо больший вес, нежели неумелый, чуждый всякому администрированию мэр-интеллигент Попов. Другие чиновники предложение Лужкова сразу поддержали. Только один, из бывших райкомовских секретарей, предостерегающе произнёс:

– А Моссовет заартачится? Учтите, всё-таки не Анпилов – депутат.

– Что нам до Моссовета? Языками только треплют, – процедил, едва размыкая тонкие губы, Лужков. – Мэрия издаст распоряжение – и точка. Милиция его выполнит. Исполнительная власть – мы.

Мэрия действительно издала распоряжение о запрете любых демонстраций и митингов в Москве в ближайшие выходные дни: двадцать второго и двадцать третьего февраля. К тем, кто попытается нарушить запрет, грозили применить силу. Документ, словно предупреждение, напечатали на первых полосах крупных газет.

Офицеров Терехова и «трудовиков» Анпилова, не ожидавших, что новая власть заговорит с ними посредством грубых угроз, запрет вначале ошеломил, затем вверг в ярость.

– Что же это, нам – офицерам – День Советской армии запрещают? Собственный праздник? – сдавленным, срывающимся голосом хрипел Терехов, хватаясь за ворот. – Демократия называется... г-гады...

– Да как они смеют?! – хватил по столу кулаком полковник Чернобровка, начальник штаба офицерского союза. – Они что, крови хотят?

Лица соратников-офицеров каменели, проклятия срывались с бледных, вздрагивающих губ.

Анпилов на заседании Моссовета затребовал слово. За два года прений в совете он выработал нужный такт. Он знал, чем привлечь на свою сторону идейных врагов:

– Уважаемые депутаты! Неужели мы останемся безучастны к незаконию?! Я знаю, среди нас присутствуют люди совершенно разных политических взглядов. Но право на свободу собраний является неотъемлемым демократическим правом любого гражданина независимо от его убеждений! Вспомните, весной прошлого года Горбачёв попытался запретить митинги в Москве – и депутаты республиканского съезда немедленно созвали огромный митинг! Своей гражданской позицией они заставили Горбачёва отменить противозаконное распоряжение. Неужели же мы смиримся с надругательством над демократическими нормами сегодня? Гавриил Попов сам ещё недавно был депутатом, одним из нас. Мы – депутаты – избрали его гла-

⁴ Главное управление Министерства внутренних дел по городу Москве. – Прим. ред.

вой Моссовета! И вот теперь, став мэром Москвы, он отказывает людям в праве на мирное собрание! И такой человек ещё смеет кого-то учить демократии?!..

Моссовет заколебался. Единомышленников у Анпилова в нём было крайне мало, но он своими горячими обличениями сумел зацепить депутатов за живое.

– Согласны! Распоряжение мэрии противозаконно! – возбуждённо начали выкрикивать из рядов. – Они не имеют права запрещать!

Зал возроптал:

– Дожили! На глазах перенимают повадки номенклатуры...

– Что они там, в мэрии, о себе возомнили?

– Не позволим!

Пропитанные духом «перестроечной» митинговщины, депутаты сочли невозможным запрещать митинговать. Большинством голосом Моссовет постановил отменить распоряжение мэрии. Некоторые голосовали, скрепя сердце, о чём позже сообщали Анпилову с прямой:

– Как говорил Вольтер: я не согласен с вашими убеждениями, но жизнь готов отдать за то, чтобы вы могли свободно их высказывать, – заявил ему в коридоре Моссовета молодой опрятный депутат, по профессии учёный-биолог. – Я принципиальный противник вашей идеологии, Виктор Иванович, но митинговать вы имеете право. Право на митинг бесспорно.

Анпилов широко улыбался и сердечно пожимал руки тем, с кем ранее множество раз схлёстывался в дебатах. Он сумел добиться невообразимого: демократический Моссовет выступил на стороне нарождающейся антиельцинской оппозиции.

Позиция Моссовета повергла Попова и многих его приближённых в смятение.

– Кому потакают, дурачье? – скрежетал зубами Лужков, самый последовательный в руководстве мэрии запретитель. – Да если Анпилов с Тереховым до власти дорвутся, то всех этих депутатов они вдоль первой же стенки выстроят...

В мэрии и не думали отменять запрет. В предпраздничные дни столицу заполнили отряды ОМОНа и части Внутренних войск...

— XI —

К середине февраля каникулы в университете закончились, Валерьян вернулся на учёбу. В студенческих столовых, в аудиториях корпусов с новой силой закипели споры о том, в какую сторону – к добру или к худу – меняется жизнь. Их нередко провоцировали преподаватели, чьи невольные реплики, замечания о насущном становились поводами к перепалкам и стычкам.

Стипендию не повысили, но и без того студентам было ясно, что даже с прибавкой, случись она в самом деле, на неё всё равно было бы нечего покупать. Отстающие в учёбе не сочувствовали нищающим отличникам. Обесценивание денежного поощрения дало пищу для насмешек, острот. Лопались узы былого товарищества. Врозь расходились прежние приятели, переставая видеть друг в друге подобных себе.

– Я даже из интереса эксперимент проделал, – посмеиваясь, делился с одноклассниками Кондратьев. – Зашёл в магазин, переписал цены, а затем сложил на листке бумаги: что же можно на сорок рублей купить. Знаете, что набралось? Шесть буханок хлеба, пачка макарон, да килька в томате. Всё!

– Тебе только прикидывать и осталось, – хмыкнул староста Вилков. – Ты ж с первого курса и простой-то стипендии не получал. Не то что повышенной...

Кондратьев фыркнул, оттопыривая влажную губу:

– Кому она вообще сдалась теперь? Вы, ботаники, всё пыхтели-пыхтели – и что? Назубрили на алкашескую закуску.

– Мы-то хоть на закуску, но заработаем, а ты без родителей вообще ноги протянешь, – огрызнулся, съёжившись от обиды, отличник Никита Скворцов.

– Сам ты протянешь! Я на стадионе «Труд» теперь с обеда до вечера. Ботинки, джинсы, свитера... За неделю под «тонну» поднимаю, – Кондратьев заложил за щёку язык. – Поднакопишь стипендию за полгода – приходи. Уступлю кальсоны... со скидкой.

Интеллигентный Скворцов онемел, судорожно задвигал губами.

– Ты... ты...

– Ты, Пашка, язык прикуси. Попрекать бедностью – жлобство, – сердито осадил Кондратьева Валерьян.

– Я не попрекаю. Просто мозги-то надо иметь. Хорошей учёбой сыт не будешь.

Хамоватое высокомерие Кондратьева разогло в Валерьяне мрачную злобу.

– Чтоб на базаре торговать, большого ума не требуется, – хрустнув суставами, сжал он кулак.

– А ты даже торговать научиться не можешь, – всхотнул, кривясь от презрения, Кондратьев. – Что, много со своей газетной макулатуры поимел?

Валерьяна прорвало.

– Ах ты!.. – схватил он Кондратьева за грудки. – Я тебе вырву язык...

Их растащили, но Валерьян в этот день долго не мог найти себе места. Распалённая ярость не утихала, продолжая клокотать. Он запорол чертёж по начертательной геометрии, в столовой поругался с буфетчицей, сунувшей ему тарелку с холодными щами, грубо изругал посреди улицы клянчащего сигарету мальчишку.

От оклемавшегося Михаила Валерьян узнал две новости. Анпиловская демонстрация в Москве собрала десятки тысяч – гораздо больше, чем писали в демократической прессе. Следующее антиельцинское выступление назначено на двадцать третье февраля.

– Вот только с редакцией по телефону связывался. С ответственным секретарём Нефёдовым говорил, – в поблекших за недели болезни глазах Михаила светился живой огонёк. – Шествие заявлено по улице Горького, к Кремлю. Двадцать третье – воскресенье. Должно выйти море... море людей.

Разговор их происходил на кухне в квартире Михаила. Валерьян сидел за узким, покрытым выцветшей клеёнкой столом, расспрашивал о последних новостях из редакции, рассказывал, как вёл торговлю сам.

– У нас пока тихо, – невесело поведал он. – Никто никуда выходить не рвётся.

– В России всегда всё со столиц начинается. Когда Ельцин к власти лез, вспомни, тоже Москва и Ленинград бушевали. Столицы.

И хотел бы, да не мог вытравить Валерьян из памяти ту августовскую Москву с её неистовствующими толпами, растерянными, деморализованными войсками.

– Так то за Ельцина. За демократию...

– Думаешь, вечно они будут торжествовать? Погоди. Когда желудок пустой, головы людям болтовней про демократию не больно заморочишь. Учатся соображать, что к чему. За Анпиловым аж пятьдесят тысяч пошло. Хотя его каких-то пару месяцев назад и не знал никто, – Михаил задыхал часто и глубоко, потёр ладонью грудь. – Они тоже чувствуют, что положение их шатко. Оттого и задёргались, попытались демонстрацию двадцать третьего запретить.

– Вот тебе и демократия, – саркастически усмехнулся Валерьян.

– В этом, между прочим, их ошибка. Моссовет отменил запрет, демонстрация будет. Таким запретительством они только разоблачили самих себя и ещё сильнее разозлили людей. Ну пускай.

В кухню вошла жена Михаила, поставила на этажерку тазик с картошкой. Ответив на приветствие Валерьяна холодным кивком, она вытащила из-под раковины мусорное ведро, усеялась в проходе между буфетом и столом и принялась ножом строгать картофелины.

Разговор оборвался. Михаил с недовольством глядел на жену.

– Вика, принеси капусту качан, – откидывая от лица пепельные волосы, крикнула она дочери в коридор.

Крупная, хозяйственная, она наполнила тесную кухню звуками соскребаемой кожуры, звяканьем кастрюль, журчанием льющейся из открытого крана воды.

– Вика, – вновь позвала жена Михаила. – Моркови ещё две штуки возьми. Я щи ставить буду.

– Ты б хоть предупредила заранее, – укорил Михаил.

– А сам не видел, что в холодильнике пусто? – сварливо отозвалась жена. – Не мог догадаться?

Сдерживая гнев, Михаил обернул лицо к Валерьяну:

– Давай тогда в комнату перейдём?

– Там Вика к школе готовится, – непрошено вклинилась жена. – Уроков у неё много.

Видя, что хозяйка томится его присутствием, Валерьян засобирался. Михаил, желая сгладить гнетущее впечатление от негостеприимства жены, вымученно улыбнулся ему в прихожей:

– Тебе от редакции большая благодарность. Нефёдов нахваливал тебя. Рассказывает: приехал парень, такой молодой, боевитый, взял газет. И рассчитался в срок, рубль в рубль прислал.

Бодрясь, он похлопал Валерьяна по плечу, приобнял, обдавая запахом принятых лекарств.

Спускаясь по лестнице, Валерьян сумрачно глядел перед собой. Второй раз не по-доброму покидал он дом Михаила.

Ехать в Москву Валерьян решил бесповоротно. Глухая, укоренившаяся в душе ненависть гнала его на столичные площади. Давимый бедствиями, он ощутил потребность за них воздать. Он не колебался в том, кто повинен в бедствиях, в смерти деда.

В годовщину Советской армии Москва выглядела неспразднично.

Уже на Ленинградском вокзале он стал наткаться на патрули. В стянутых портупьями шинелях, с пристёгнутыми к ремням резиновыми дубинками, милицейские дежурили на платформах, на спусках в метро. Прохожие опасливо косились на патрули, улавливая исходящую от них угрозу.

На метро Валерьян хотел доехать до станции «Маяковская», перед которой, как он знал, назначили сбор демонстрантов. Но она оказалась закрыта. Пассажиры, полезшие было на «Белорусской-радиальной» в вагон, зачертыхались, услышав предупреждение по громкой связи: «Станция “Маяковская” закрыта по техническим причинам. Поезд проследует станцию без остановки...»

Валерьян раздосадованным взглядом проводил укатывающий в тоннель полупустой состав.

– Это из-за митингов всё, – проскрипела рядом горбатая дама в шляпе. – Всюду милиция, войска. Будто войны ждут.

Ему пришлось возвращаться по переходу обратно, на «Белорусскую-кольцевую», и ехать дальше по кольцу.

Следующая станция «Баррикадная» тоже не действовала. Поезд пронёсся мимо пустой платформы, даже не притормозив. Только на «Киевской» Валерьян сумел сойти.

По радиальной ветке он доехал до «Смоленской». Успев в предыдущие поездки запомнить центр Москвы, он знал, что от неё по Садовому кольцу до площади Маяковского можно пройти пешком.

На Садовом ему неоднократно попадались милицейские и военные патрули, мимо с тяжёлым гулом проезжали грузовики с солдатами. Площадь была оцеплена голубыми милицейскими шеренгами с трёх сторон, и скапливающиеся возле памятника Маяковскому гражданские и пожилые люди с флагами напоминали растрёпанное воинство, взятое противником в клещи. Выход на Тверскую улицу наглухо закрывал кордон ОМОНа. Приметные издали ряды металлических щитов сверкали на солнце, точно сплошная стальная стена.

– Товарищи! Сохраняйте выдержку и спокойствие! – призывал кто-то через мегафон от подножья памятника. – Ровно в двенадцать часов мы начнём наше мирное шествие по улице Горького в сторону Манежной площади. Мы идём поклониться и возложить цветы могиле Неизвестного солдата...

Оратор упрямо называл улицу советским наименованием: «Горького», а не «Тверской».

Валерьян, мешаясь с толпой, пробирался к памятнику. Ему совали какие-то прокламации, поддуваемые ветром полотнища флагов касались лица.

– Наша демонстрация мирная! Закон на нашей стороне... – д оносилось от памятника.

Валерьян приподнялся на цыпочки, вытянул шею, ещё раз оглядывая оцепление. Площадь окружали шеренги молодцев с дубинками, за их спинами, корпус к корпусу – виднелись угловатые очертания грузовиков.

Явившиеся на демонстрацию люди растерянно топтались посреди площади, не зная, как быть. Путь на Тверскую, ведущую к Кремлю, преграждал омовский строй. Среди демонстрантов Валерьян узнал Станислава Терехова, фотографии которого печатали в «Дне». Осанистый, в армейском бушлате, Терехов стоял напротив перекрывающего Тверскую кордона и спорил с милицейскими офицерами. С Тереховым было несколько пожилых офицеров-отставников, держащих заготовленные для возложения венки.

Валерьян направился к Терехову.

– Постановление мэра, – утробно рычал брыластый милицейский начальник. – Шествие по Тверской запрещено.

– По Горького, холуй! – сердито кричали ему из толпы. – Горького она всю жизнь была!

– Моссовет отменил постановление как противозаконное, – Терехов тыкал пальцем в бумагу. – Моссовет выше мэрии. Не забывайте, согласно конституции у нас в стране советская власть.

Белки глаз милицейского начальника наливались кровью, краснели складки на толстой короткой шее.

– Вы – военный человек. Вы должны понимать: запрет – значит, запрет. Всё! – рявкал он, выходя из себя.

– Да кто вообще смеет запрещать возложение цветов к могиле Неизвестного солдата?! – Терехов тоже сорвался на крик. – В колонне офицеры армии и флота, ветераны Отечественной войны, орденосцы!

На площади, за спиной Валерьяна, нарастал гул.

Толпа, оскорблённая запретами, угрозами, сдавливаемая шеренгами враждебных омоновцев и солдат, собралась в плотную массу напротив перегораживающего Тверскую кордона. Гражданские и пожилые отставники в офицерских шинелях, с медалями и орденскими планками на одежде, надвигались на укрывавшихся за щитами омоновцев. Над головами демонстрантов реяло множество флагов: красных, флотских – советских и Андреевских, чёрно-золото-белых монархических. Валерьян увидел даже несколько хоругвей, поднимаемых бородачами в странном, полувоенномполумонашеском одеянии.

Омоновцев осыпали гневными выкриками:

– Пропускайте! Мы хотим возложить цветы!

– Сегодня праздник!

– По какому праву закрыли проход?!

Старики, подходя к самым щитам, совестили бойцов:

– Ребята, вы же Советскому Союзу присягу давали! Как можно...

– Позвольте хотя бы ветеранам пройти.

Омоновцы сопели, мрачно зыряка из-под касок. Изредка кто-нибудь из них бросал раздражённо:

– У нас приказ.

Перед кордоном стали образовываться группы из офицеров-отставников. С ругательствами, хрипя, офицеры по трое-четверо наваливались на щиты, пытаясь продавить в строю брешь.

Омоновцы пятились, пыхтели, удерживая строй, но дубинок в ход не пускали. На кордон лезли уже и гражданские, толкали плечами щиты.

– Дорогу, сволочи! Мы к Вечному огню!

Начиналась свалка. Анпилов метался в гуще разгорячённых демонстрантов, то пытаясь ими руководить, то сам бросаясь с ними вместе на кордон.

Бледный, держащий себя в руках Терехов повторял милицейскому начальнику:

– Мы без возложения не разойдёмся. Дайте проход. Вы будете отвечать за последствия...

В руках начальника несмолкаемо трещала рация.

Омоновская шеренга вдруг начала размыкаться посередине, словно раздвигаемый занавес. Омоновцы, укрываясь за щитами, попятились к обочинам, освобождая демонстрантам Тверскую.

– Разрешили! Разрешили! – понёсся по площади живой клич.

Воодушевлённая масса повалила на проезжую часть, втекая в образовавшийся в оцеплении проём. Замелькали обрадованные лица, флаги.

Валерьян, захваченный общим движением, прорвался на Тверскую в числе первых. Ликуя, он кричал вместе со всеми «ура!», спешил вперёд, поверив, что далее никаких препон не будет.

– Прокляты будьте, в-в-выродки! – р ыдала она.

Перед демонстрантами появилась третья цепь. ОМОН действовал расчётливо: с каждым новым прорывом толпа, теряя десятки и сотни обессиленными, упавшими, затащенными в автобусы и машины, делалась всё малочисленнее. Терехова уже не было видно, и остающимися на Тверской людьми пытался командовать другой офицер – в обрызганной кровью шинели, со свисающим с левого плеча полуоборванным погоном.

– Руками сцепляйтесь! Не давайте себя растаскивать!

И, подавая пример, сам схватил под локти и притянул к себе другого офицера-отставника и какого-то гражданского в полушубке.

Поредевшую колонну окружили опять. Спереди наступала, маша дубинками, цепь, справа и слева стискивали щитами.

– Г-гады! – словно кровью плюясь, взвыл кто-то.

Старик-ветеран вдруг бесстрашно схватил набегающего омовца за ворот.

– Не смей! – вскричал он голосом резким и властным.

Поднятая дубинка замерла в воздухе, и выставивший вперёд локоть Валерьян вдруг сообразил, что старик, оказавшийся рядом, отводит от удара его.

Омовец выматерился, сбросил с себя маломощную старческую руку.

– С-сука! – хрястнул он с размаху по голове старика.

Старик зашатался, но не упал, подхваченный Валерьяном. Кровь заструилась из его рассечённого лба, пачкая воротник, грудь.

Омовец огрел по рёбрам и Валерьяна, опрокидывая его со стариком вместе на асфальт. Но Валерьян, не утратив ещё способности двигаться, упёр в мостовую колено. Силясь подняться, он не выпускал из рук старика.

Новый удар пришёлся Валерьяну по темени. Шапка не могла его смягчить, она слетела ещё при прорыве через первую цепь. Он распластался на мостовой, свернув на сторону голову, раскинув руки. Меркнувшим, мутящимся сознанием успел напоследок выхватить что-то яркое, металлическое под ботинками омовца.

То был сорванный со старика орден Боевого Красного знамени.

— XII —

С тяжёлым сердцем возвращался Павел Федосеевич из Станишино.

Ранящий рассказ матери о том, как угасал родитель, разговоры на кладбище и на поминках пробудили в нём раскаяние за былую холодность к отцу. Но, вместе с тем, коря себя за личную нечуткость, Павел Федосеевич не поколебался в идейной вере. Она только укрепилась пережитым в деревне. Давно оторвавшись от сельского быта, он нашёл его в этот раз особенно неприглядным, жалким. К скорби по упокоившемуся отцу примешивалась брезгливая неприязнь к станишинцам, продолжающим цепляться за гибельную убогость деревенской жизни.

«Ничего эти пни не понимают и понимать не хотят. Живут, словно заживо замороженные, – размышлял он, подстёгивая себя. – И отец Федосей был таким же. Замкнулся, ополчился слепо против реформ».

Озлобление против узколобых станишинских жителей приглушало чувство вины, и думы об отце были Павлу Федосеевичу уже не столь мучительны.

Валентина тоже приехала в Ростиславль сама не своя, но её душа болела о другом.

– Я надеялась, что помирится вы с Валериком, наконец, – расстроено призналась она мужу. – Ну хотя бы у гроба помирились... А вы? Эх, вы...

Павел Федосеевич наклонил полосуемый длинными морщинами лоб, поколупал ногтем у кромки волос.

– Валерьян в отца моего пошёл. Упрям. Упёрт, – произнёс он, точно горькое проглотив. – Качества-то эти сами по себе ценны. Жаль, что не там он их применяет.

Валентина заломила руки.

– Что ж, никак ему это, что ли, не втемяшить?

Павел Федосеевич опечаленно качнул головой.

– Сейчас – боюсь, что никак. Его не я, не ты – его сама жизнь переубедить должна. По-другому не выйдет.

Голос Валентины дрогнул:

– То есть ты так и будешь наблюдать, как наш сын в этой общаге пропадает?

Подбородок Павла Федосеевича заострился углами.

– Он не маленький. За ухо домой не приведёшь.

– Господи, вся душа уже о нём изболелась, – Валентина, всхлипывая, затёрла глаза. – Лишь бы только не втравился никуда. Знаешь ведь сам, какое побоище в Москве было...

Павел Федосеевич мотнул головой, словно вытряхивая из неё не дающую покоя мысль.

– Да перестань... Сейчас учёба уже в разгаре. Некогда ему в Москву ездить.

– Хоть бы и впрямь так... ох...

Но сердце в груди Валентины колотилось, не зная покоя...

Наведавшийся в Ростиславль Винер поведал Павлу Федосеевичу массу подробностей об избииении идущей к Вечному огню демонстрации. Сострадания к избитым он не испытывал никакого.

– Отметелили их на Тверской так, что до сих пор, наверное, отлёживаются. Сначала при выходе с Маяковской им дубинками всыпали, а затем окружили прорвавшихся – и ещё, – рассказывал он, злорадно посмеиваясь. – Жаль, стадиона поблизости не нашлось. А-то можно было на него их прямо строем гнать, как в Чили.

Повод для их встречи был печальный – Винер зашёл к Павлу Федосеевичу с соболезнаваниями. Разговор предсказуемо свернул на политику – долго говорить о житейском не имел охоты ни тот, ни другой. Расположившись на диване в большой комнате ештокинской квартиры, прихлёбывая выставленный Павлом Федосеевичем коньяк, Винер с жестоким блеском в глазах смаковал подробности: как авангард собравшейся на площади Маяковского колонны

выманили на Тверскую, специально создав в омовском кордоне брешь, как потом молотили двинувшихся по улице демонстрантов дубинками, как отсекали цепями группы прорвавшихся.

– По всей мостовой валялись клочья их красных тряпок, – всхлывал Винер, охмелев и забыв про траур в доме Ештокиных. – Будто красные пододеяльники по всей Тверской разодрали.

– Вы прямо лично всё это наблюдали? – спросил Павел Федосеевич.

– Я как член депутатской комиссии общался с чинами из ГУВД, смотрел отснятые оперативные съёмки. Вы бы знали, какую взбучку генералам задали за то, что девятого числа Анпилова с его сборищами к Кремлю допустили! И московская мэрия, и мы – депутаты. Только пух летел! Ну они всё поняли, соответственно. Исправились, – и Винер захихикал, подмигивая.

Томимый сомнениями, Павел Федосеевич спросил:

– Думаете, не будет больше антиельцинских демонстраций?

– Ещё попробуют – ещё получат, – отрезал Винер, сразу став серьёзным. – Быдло должно усвоить, что значит неподчинение власти.

– Знаете, Евгений, вы не очень-то фанфароньте, – Павел Федосеевич зачесал за ухом. – Наш провинциальный люд меня в последнее время пугать начинает. Такие, как Анпилов, много кого за собой могут увлечь. У нас-то в Кузнецове...

– В Ростиславле, – поправил Винер.

– Да, в Ростиславле... У нас-то в Ростиславле брожение нешуточное пошло. Как цены отпустили, так каждый второй настроился против реформ. Теперь не то, что год назад, когда Ельцина на руках в Кремль готовы были нести. В области, особенно, где поглуше – там вообще совок дремучий. С людьми прямо разговаривать невозможно. Такое несут...

Винер положил ногу на ногу, поднёс к губам рюмку.

– Ты это бухтение близко к сердцу не принимай. Главное – в Москве митинговую волну сбить. Уж поверь, мы в столице всем этим Тереховым и Анпиловым безнаказанно шататься по улицам не позволим. Позиция правительства, мэрии, депутатов едина. Министр МВД Ерин Борису Николаевичу твёрдо обещал, что всю эту нарождающуюся митинговщину задавит на корню.

Уверенность Винера благотворно подействовала на Павла Федосеевича, но он всё же поинтересовался с осторожностью:

– Меня как помощника депутата постоянно спрашивают про дальнейший курс реформ. Мол, цены отпустили, а дальше чего ждать? Есть определённости? Что говорят экономисты в правительстве? Вы-то, Евгений, с ними наверняка на прямой связи.

Винер, осушив рюмку, жевал бутерброд:

– Дальше – приватизация госпредприятий, – говорил он глухо, но обстоятельно. – Нужен класс собственников и как можно скорее. Чтоб у красных реваншистов не было ни малейшего шанса. Предварительная программа разгосударствления намечена, глава Госкомимущества Анатолий Чубайс настроен решительно. На ближайшем съезде утвердим последовательность шагов – и вперёд, к рынку.

– Статьи и интервью Чубайса я в газетах читал, – закивал Павел Федосеевич уважительно. – Чувствуется, что стратегически мыслит человек.

– Да, Чубайс – стратег. На годы вперёд смотрит, – произнёс Винер с давно уже нехарактерным для себя оттенком почтительности. – На совещаниях экономистов прямым текстом говорит: сугубо экономические результаты для нас сейчас вторичны. Главное – окончательно сокрушить коммунизм. Сможем создать класс людей, владеющих собственностью, считайте всё – с совком покончено навсегда.

– Дай-то бог, – с держанно улыбнулся Павел Федосеевич.

С коньяка Винера повело. Он принялся с самодовольством живописать о своей недавней поездке с депутатской делегацией в Европу. О встречах с европейскими депутатами, о

корреспондентах иностранных телеканалов и газет, с доброжелательными улыбками бравших интервью.

– Демократия на Западе – отлаженный веками политический институт. Это мы тут первые шаги делаем, спотыкаемся на каждом шагу, будто слепые. А там – реальный парламентаризм, – раскрасневшийся Винер оживлённо жестикомировал, задевал локтями стол. – Казалось бы, они на нас сверху вниз смотреть должны. Но нет, никакого высокомерия. Повсеместно – любезность, готовность помочь. В Швейцарии пригласили прямо на заседание совета кантонов, в Швеции – на сессию риксдага...

– Прямо на рабочие заседания? – изумился Павел Федосеевич.

– Да, на дебаты по поводу введения новых налогов. А были ещё совместные семинары, фуршеты. И мы – делегация из новой России – с ними совершенно открыто общаемся, совершенно на равных. Вот оно – возвращение на столбовую дорогу, в нормальный цивилизованный мир!

Павел Федосеевич внимал, не перебивая.

– Можешь считать, что у тебя по нашим вывернутым наизнанку жизненным меркам появился большой блат, – улыбался Винер покровительственно. – Я могу вписать тебя в следующий раз в делегацию как своего помощника. Оно того стоит, поверь. Официально, с оплатой командировочных. Цивилизованный мир – это совсем другие ощущения. Другие условия, другой уровень услуг. Даже выражения человеческих лиц – и те другие. Ты не просто развеешься. Ты по-настоящему прочувствуешь, ради чего, в конечном итоге, мы ведём нашу борьбу...

Павел Федосеевич тоже удерживал на губах улыбку, но похвалы Винера рубцами оттискивались в его сердце. Мыслями он возвращался к сыну, к его несгибаемому, казавшемуся иррациональным упрямству.

После ухода Винера Павел Федосеевич долго сидел в кресле один, впав в угрюмую задумчивость.

«Что ж ты, Лерик, так? Эх...», – словно застарелая потревоженная заноза колола его изнутри.

Из прихожей послышался звук отпираемого замка. Валентина, не сняв верхней одежды, сама не своя, влетела в комнату.

– Я в общежитие ездила, – проговорила она голосом, заставившим Павла Федосеевича отрезветь. – Оказывается, был он двадцать третьего в Москве. Лежит теперь с забинтованной головой, чуть жив.

— XIII —

Впоследствии Валерьян с трудом припоминал, как добирался в Москве до Ленинградского вокзала, как брёл по платформе, отыскивал вагон. В оглушённом мозгу почти ничего не сохранилось об обратной дороге.

Весь путь от Москвы до Ростиславля Валерьян пролежал на скамье, временами впадая в беспамятство. Сидящие напротив пассажиры брезгливо косились на него, словно на пьяного забулдыгу. Идущие по проходу придерживали полы пальто и курток, чтобы не запачкаться о его торчащие со скамьи ноги.

Отопление в вагоне не работало, но холод и тряска не позволяли его сознанию затуманиться полностью. Вздрагивая, он запахивал плотнее куртку, поправлял под кровотокающей чугунной головой шарф.

Поезд, удаляясь от Москвы, пустел. На одном из перегонов какой-то подросток, подбравшись на корточках к скамье, полез шарить по его карманам. Валерьян, почувствовав на себе чужие шупающие пальцы, очнулся, приподнялся на локте.

– Пш-ш-щёл... ты... – захрипел он, отгоняя воришку, точно шакала.

Подросток убежал, провожаемый оловянными взглядами немногочисленных пассажиров.

В Ростиславль электричка пришла поздно. На улицах вьюжило. Ледяные воздушные струи топорщили свалывшиеся от крови волосы Валерьяна, швыряли снег в грудь.

Шатаясь, он доковылял до остановки, присел на обмёрзшую лавку. Но, обессиленный, скоро сполз с неё, словно сдутый, завалился боком на снег.

Слева от остановки светились витрины торговых ларьков. Перед витринами маячили фигуры в кожаных куртках, слышался говор, чирканье спичек о коробки. В салоне стоящей у тротуара машины гремела музыка...

Валерьян, приподняв веки, смутно различил чьи-то плечи, мерцающие в полутьме огоньки сигарет.

– А, отмудоханный, – пробасил коренастый тип в вязаной шапке. – П ойдём.

– А ласты не склеит? – з аколебался другой. – М ороз...

Коренастый кинул дымящийся окурок возле головы Валерьяна.

– Склеит так склеит. Естественный отбор.

Оба, пересмеиваясь, повернули обратно к ларькам.

– Расслабьтесь, пацаны. Зяблику какому-то навалили, – крикнул коренастый оставшимся у витрин.

Замерзая, Валерьян не слышал, как напротив остановки затормозила машина, как кто-то, присев на корточки, принялся тормозить за плечо.

– Парень, эй! Очнись!

Приходить в себя он начал в приёжном больничном покое, где ему, протерев рану на темени чем-то жгучим и едким, стягивали рассечённую кожу швом. Водитель, подобравший Валерьяна на ночной остановке, рассказывал врачу:

– Хорошо, от 50-летия Октября направо повернул. Решил, что через Привокзальную до Пролетарки быстрее. Как чувствовал... Проезжаю, гляжу: молодой парень на морозе лежит. Остановился, вышел: едва дышит, в крови. А рядом, главное, у ларьков этих коммерческих, топчутся здоровенные бугаи – и хоть бы хны. Да разве ж можно вот так к человеку?!

– Бугаи у ларьков? – хмуро повторил дежурный врач. – Это они его, что ли, так?

– Это в Москве... – прерывисто захрипел Валерьян. – Это ОМОН...

– Так ты из Москвы? Вот же... – смешался водитель. – Слышал по радио. Передавали, будто демонстрацию незаконную разогнали.

– Законная была демонстрация... Ветераны шли... старики... Хотели цветы к Вечному огню возложить.

Спотыкаясь через слово, но с прорезающейся страстью Валерьян стал объяснять, что происходило на Тверской.

Водитель кряхтел, щипал лежащую на коленях засаленную кепку.

– Куда ж мы катимся-то, в конце концов? Раньше такое про какую-нибудь Латинскую Америку писали: полиция демонстрантов калечит. А теперь вот и у нас... Жуть!

Врач, дослушав, поправил наложенную на голову Валерьяна повязку:

– Крепкий у тебя череп...

Спустя день, немного оклемавшись, Валерьян настоял на выписке и уехал в общежитие, но в нём отлёживался до следующих выходных, страдая головокружением и изнуряющей слабостью.

Лутовинов был поражён нанесённым ему увечьем.

– Эк тебя обработали-то... – озадаченно мял он пальцами ус. – Чтоб раньше советская милиция да советского человека...

– Теперь не советская, – отвечал Валерьян, поправляя под головой подушку.

– Да уж вижу, – кричал Лутовинов. – У советской-то и дубинок никаких сроду не было.

Мать ходила к Валерьяну в общежитие каждый день, приносила еду и чистую, постиранную одежду. Её слезы, упрёки, мелочная опека угнетали его сильнее приступов дурноты. Он не знал, чем утешить мать.

Разговор с отцом вышел недобрый. Тот, придя отдельно от матери, один, давил его корящим взором, ругал за безрассудство, за глупую веру «провокаторам-коммунякам» Валерьян, не выдержав, вскипел:

– Твоих-то демократов и пальцем никто не трогал. Сами танки бензином жгли! А как к власти прорвались, прямо убивать за неё готовы. Фашисты настоящие, демократы твои!

– Опомнись. Прекрати... – пробормотал Павел Федосеевич, теряясь.

Валерьян не щадил отца:

– Что, неприятно слушать? А ты слушай! Сам из них.

Павел Федосеевич моргал, не зная, чем крыть.

– Ты что же, меня в этом побоище обвиняешь?

– Власть вашу обвиняю. Не говори, что ты не при делах. Ты депутатский помощник.

Павел Федосеевич задышал сипло, задёргал дрогнувшей рукой воротник.

– Так ты теперь на родного отца?!..

Он заходил по комнате, бросая пылающие, оскорблённые взгляды на сына.

– Ты... ты совсем рехнулся! Форменный большевик! Вот такие когда-то собственных родителей на расстрел отправляли. Откуда в тебе столько фанатизма? Столько ненависти?! И к кому? К отцу?

Павел Федосеевич замер посреди комнаты с искажённым лицом, глотая воздух.

– Валерьян, послушай хоть...

Валерьян глядел на отца без снисхождения, бледный от гнева и от боли в раскальвающейся голове.

Не договорив, Павел Федосеевич вдруг в отчаянии взмахнул рукой.

– А... что с тебя возьмёшь!..

Он вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Вошедший минуту спустя Лутовинов неловко кашлянул, поправил у двери половики, поставил на место придвинутый Павлом Федосеевичем к кровати стул.

– Опять поругались?

– А?... – п риподнялся на локте Валерьян.

– Да с отцом твоим на лестнице столкнулся. Ведь он это от тебя уходил?

– Он.

– Лица на нём не было. Шёл, тряся весь.

Лутовинов шагнул к окну, распахнул форточку, словно сам воздух в комнате казался ему отравлен и тяжёл.

– Эх, судьба, что ли, у всех отцов одинаковая: страдание через сыновей принимать? – с проступившим внезапно на лице выражением безысходности произнёс Лутовинов.

– Вы не обобщайте, – сухо произнёс Валерьян.

Лутовинов сел к столу, неподвижно уставился на свои крупные, покрытые рубцами руки.

– Когда Вадим, сын мой, в Афганистан уходил, душа болела, конечно. Но верил, что за благое дело он там бьётся – против Америки, за Родину, за лучшую для тамошних людей жизнь. Даже когда голову он в этом Афганистане сложил, мысль грела, что не напрасно. Ведь он бравый был парень, Красную звезду успел заслужить. А потом-то как повернулось? Мол, и социализм плохой, и война та была ненужная, и Америка – не враг никакой, а друг главнейший. Читал потом в газетах про тот же самый Афганистан и внутри всё переворачивалось: солдат наших в нём оккупантами называют. Вчера провозжали с оркестрами, а сегодня – оккупанты?!

– Это специально так пишут, чтоб морально прибить.

Лутовинов, поникший и скорбный, покачал головой.

– Просто больно рассуждаешь. Страна-то эта – Афганистан, как ни крути, а чужая. Куда нам других жизни учить, когда у самих всё кувырком полетело. И к чему же приходим? Что не за правое дело сыновья кровь лили? Что захватчиками туда явились? Нет, не могу такого принять...

– Солдаты воевали, потому что приказ воевать был, – насуплено произнёс Валерьян.

– Приказами одними жизнь не распишешь. Не по приказам на Руси испокон веку жили, а по совести.

– Теперь про совесть мало кто вспоминает.

– Не скажи. Из старших людей её не вытравить. Вот Витьку Игнатенко, к примеру, знаешь?

Валерьян отрицательно мотнул головой.

– Пятнадцать лет начальником гидротурбинного цеха был. Золотой мужик. Подшипника за эти пятнадцать лет домой не унёс. А сын его в прошлом году за разбой сел. И какой! Женщину подстерёг в закоулке, дал обрезком трубы по голове, да сумочку вырвал. Видеомангитфон ему позарез купить хотелось. И вроде парень как парень с виду, в соседнем цеху сварщиком начинал. А вышло? Стыдоба! Витька слёг с сердцем, не мог позор пережить.

– Действительно жаль человека...

– Себя виноватил потом. Мол, упустил сына, не доглядел в своё время за ним. А сын – на кривую дорожку.

Лутовинов приумолк, словно взвешивая, стоит ли продолжать.

– Вы это к чему? – спросил Валерьян.

– К тому, что если промеж родных людей разлад начинается, добра не жди.

Валерьян догадался, куда клонит сосед-рабочий, но оправдываться не стал.

– Что ж вы, а? Ты из дома ушёл, с головой пробитой лежишь. Отец твой сам не свой – а поговорить по-человечьи... – Лутовинов, бессильный помочь, запнулся, – всё равно не можете...

– А как мне с ним говорить?! Он же за Ельцина и его банду. Слышать ничего другого не хочет.

– А если оставить политику? Свет, что ли, клином на ней сошёл?

– Что ж мне, про то, что в Москве творилось, молчать? – загорячился Валерьян. – Ну нет...

Лутовинов опустил грустнеющие глаза.

- Да понимаю я тебя, понимаю. Не хуже тебя вижу, что Ельцин не в ту степь тянуть начал.
 - Не в ту степь – это вы ещё мягко выразились.
- Лутовинов сгорбился.
- И Ельцин не в ту степь, и люди волками друг к другу...
- Он понурил седеющую, будто осыпанную пеплом голову, проговорил сокрушённо:
- Смута...

— XIV —

Избиение демонстрации, вопреки ожиданиям Винера, подъёма антиельцинского движения не предотвратило. Вероломство и жестокость ОМОНа потрясла даже равнодушных к политике людей. Избитым сочувствовали, всюду крыли мэрию и генералов, отдавших приказ.

Плодились слухи, что на Тверской забили до смерти отставного генерала Пескова, ветерана Великой Отечественной войны. Кто-то самостоятельно, без ведома Анпилова, Терехова, других предводителей демонстрантов, пустил по Москве листовки-воззвания. Заборы, стены домов пестрели лозунгами, призывами к восстанию, к мести.

На волне ширящегося недовольства ожили некоторые из московских райкомов, ячейки на предприятиях. Их возрождали не прежние функционеры-секретари, а энтузиасты из рядовых партийцев, не желавшие принимать новых порядков.

– Товарищи, стыдно! Мы – коммунистическая партия, партия Ленина! – звучало на вновь созываемых собраниях. – Анпилов, Терехов тысячные демонстрации выводят! Хватит и нам сидеть по щелям.

Новые надежды внушила Анпилову депутатская группа – осколок распавшегося Верховного Совета СССР. Совет прекратил функционировать осенью. Депутаты, деморализованные арестом замешанного в заговоре ГКЧП председателя Лукьянова и общим развалом органов союзной власти, разъехались по округам. Сажу Умалатова, Альберт Макашов, Евгений Коган, другие бывшие коноводы фракции «Союз», решили предпринять попытку возродить союзный съезд. Политическая обстановка конца зимы казалась им благоприятной.

Не рассчитывая на широкую поддержку в российских советах, Анпилов ухватился за поданную союзными депутатами идею. Энергичный, неугомонный, он радовался всякой возможности усилить борьбу против правительства реформаторов. В его голове быстро сложился масштабный план.

Обсуждать его собрались в гостинице «Россия», в номере Умалатовой, сохранившимся за ней по формально действующему мандату народного депутата. Анпилов, произнося речь, в нетерпении расхаживал вдоль окна:

– Мы, «Трудовая Москва», «Союз офицеров», товарищи из РКРП заявим и соберём в центре города новый массовый митинг. Назначить его целесообразнее всего на семнадцатое марта, на годовщину референдума о сохранении СССР. А вот ваша задача, – обращался он к депутатам, – провести к этому дню съезд. Официальный, с кворумом, на котором вы – уполномоченные советским народом депутаты – сделаете политические заявления. Съезду следует объявить, что в условиях запрета КПСС и ликвидации союзных органов власти именно вы – народные депутаты – единственная легитимная на территории СССР власть. Вы должны принять всю полноту власти на себя! И уже затем – облечённые властью! – вы объявите о денонсации Беловежских соглашений и восстановлении Советского Союза!

Анпилов говорил увлечённо, заражая энтузиазмом собравшихся депутатов. Умалатова энергично кивала, проникаясь верой в возможность вернуть союзную власть. Внимательно слушали седовласый, по-крестьянски степенный депутат Ва-вил Носов, генерал-депутат Макашов. Один Алкснис, самый скептический среди всех, возразил невесело:

– Наша инициативная группа бьётся за созыв съезда с декабря, со сговора в Беловежье. Но пока число откликнувшихся на наши призывы невелико – сотни две с половиной, не больше. Это из двух-то с лишним тысяч делегатов съезда!

– Так надо активнее работать с людьми! Надо бороться за съезд. Разъяснять!

Алкснис скрипнул зубами, взлохматил ладонью тёмную волнистую шевелюру.

– Да разьясняем мы. Устали разьяснять... Дело в том, что делегаты от союзных республик уже во всю у себя на местах власть делить начали. В них учреждаются собственные органы власти. Это я в Латвии теперь – персона нон-грата. А вот остальные...

– Но есть ещё масса делегатов от РСФСР.

– А они в массе дезориентированы, оглушены, попрытались. Надо реально смотреть на вещи. Никакого кворума мы не получим и близко. А без кворума такое мероприятие будет, во-первых, юридически нелегитимно, а во-вторых, смехотворно.

– Всё равно съезд надо проводить! Виктор Иванович абсолютно прав, – загорячилась Умалатова. – Мы должны подать пример колеблющимся. Если соберётся хоть скольконибудь депутатов, то к ним потянутся и другие.

– Сажи... – попытался остановить её Алкснис.

– Нет, Виктор Имантович, отступать нельзя! – импульсивная Умалатова вскочила со стула. – Созвать съезд – как маяк зажечь. Народ начинает прозревать. Я это вижу. Я чувствую...

– Согласен, проводить надо, – поддержал Макашов, закивав крупной головой. – Союзный съезд – это единственный властный орган СССР, который ещё есть надежда реанимировать.

В пользу созыва съезда даже при отсутствии кворума стали высказываться и остальные депутаты.

– Да сколько ж можно-то по кустам сидеть? – депутат Носов грубовато ругнулся. – Мужики мы, в конце концов, или кто?

Открыть съезд семнадцатого марта все депутаты признали разумным. Семнадцатое число выпадало на будний день, на вторник, но Анпилов счёл, что оно и к лучшему:

– Это нам даже на руку! Пусть съезд начнёт работать с утра, а митинг назначим на вечер, чтобы собрать как можно большую массу.

– Масса должна быть, – уверенно заявил Макашов. – Вот увидите, акция устрашения двадцать третьего им же и боком выйдет.

– Масса будет. Главное, вы – депутаты, – повторял Анпилов вновь и вновь, – явитесь на него с готовыми решениями! Вы – законная союзная власть.

И Алкснис, Умалатова, Макашов, Носов от имени оргкомитета VI съезда стали официально вызывать депутатов в Москву. В области, края, автономии, в отколовшиеся союзные республики день за днём шли телеграммы, телефонные звонки.

Разные давались оргкомитету ответы: доброжелательные, боязливые, витиевато-уклончивые. Часть депутатов, совершенно растерянных и сникших, ничего не ответили вовсе.

Помимо обеспечения кворума перед оргкомитетом возникла новая трудность: найти место под съезд. Скоро сделалось ясно, что устроить его в Кремлёвском дворце, в котором проводились все предыдущие съезды, новая власть не позволит. Попытку вновь собрать союзных депутатов Ельцин принял в штыки. Через два дня после того, как о съезде сообщили «Советская Россия» и «День», Виктора Алксниса вызвали в прокуратуру.

Сердитый прокурорский работник, поедая депутата глазами, грозил:

– Создание непредусмотренного конституцией органа власти есть уголовно наказуемое деяние...

– Непредусмотренного конституцией?! – негодовал Алкснис, перебивая. – Полномочия съезда народных депутатов Советского Союза и его постоянно действующего органа – Верховного Совета – зафиксированы в конституции СССР. Больше скажу! Съезд уполномочен своими решениями вносить изменения в статьи самой этой конституции...

Жирные складки на шее прокурорского работника заалели, сдавливаемые форменным воротником. Он утяжелил голос:

– Конституция СССР утратила силу с момента роспуска СССР. Все его органы власти – и съезд народных депутатов в том числе! – с читаются упразднёнными.

– Но сам роспуск СССР в Беловежье был абсолютно нелегитимной акцией! Ни Ельцин, ни Шушкевич, ни Кравчук не имели полномочий подписывать такой акт!

Запальчивые аргументы Алксниса прокурорского работника не смутили. Он гнул своё:

– Беловежские соглашения от имени РСФСР были подписаны её законно избранным президентом Борисом Ельциным. После того они были ратифицированы Верховным Советом РСФСР – легитимным органом власти на территории России. Соглашения вступили в силу. Советского Союза с декабря девяносто первого года не существует. Ни де-юре, ни де-факто.

– Совершённое в Беловежье являлось государственным преступлением! Народ на референдуме проголосовал за сохранение Союза! Воля народа грубо попрана...

Прокурорский работник с брезгливостью выпятил влажную губу.

– Воля народа?.. Перестаньте, вы не на митинге.

– Да причём здесь митинг? Я говорю о юридической стороне вопроса. Вы, блюститель закона...

Прокурорский работник посуровел, застучал по столу костяшкой пальца.

– Как блюститель закона я снова повторяю: Советского Союза не существует. Все его органы власти нелегитимны. Созыв так называемого чрезвычайного съезда союзных депутатов будет квалифицирован как попытка государственного переворота.

Алкснис, забываясь, с ожесточением полез в спор:

– А Беловежье – не государственный переворот?! А надругательство над народной волей – не переворот?! А то, что ветеранов войны, безоружных стариков дубинками лупили в центре Москвы – это не фашистский террор?! Эх вы, законник... Вчерашний коммунист...

Прокурорский работник действительно много лет состоял в КПСС. Слова Алксниса царапнули его по больному.

– Вам не хуже меня известно, что КПСС напрямую причастна к путчу ГКЧП. КПСС привела страну к краху. Какое у неё может быть моральное право на что-то претендовать? Деятельность КПСС законодательно приостановлена. Нет больше такой партии. Всё!

Алкснис ожёг прокурорского работника взором.

– В фашистской Германии компартию запрещали...

Прокурорский, выходя из себя, прогромычал:

– Довольно развешивать ярлыки! Я вас официально предупреждаю: любые решения от имени так называемого шестого чрезвычайного съезда антиконституционны. Если они последуют, мы привлечём всех бывших депутатов к ответственности!

В те же дни, помимо Алксниса, в прокуратуру вызвали Носова и Умалатову. Им грозили ровно тем же – уголовным преследованием за созыв съезда.

— XV —

Михаил, догадавшись, что с Валерьяном неладно, приковылял в общежитие сам.

Валерьян, согнувшись над тумбочкой, вычерчивал замысловатую функцию на миллиметровой бумаге. Михаил сразу увидел продолговатый, замазанный зелёной замазкой рубец на голове Валерьяна.

– Как чувствовал, – произнёс он. – Значит, тебе тоже досталось?

Лутовинов, открывший ему дверь, прокашлял в усы.

– Счастье, что молодой. Как на собаке заживает. Если б меня так...

Беседовать с Михаилом Валерьян пошёл на улицу. В жилой комнате было не повернуться: Лутовинов с крановщиком Корнеевым расставили на другой тумбочке шахматы, в кухне женщины возились у плит.

Валерьян и Михаил вышли проулком на пустырь с круглым, оттаивающим прудом посередине. Они присели на ствол спиленного тополя, подсушенный теплеющим солнцем. Михаил, слушая рассказ, сплёвывал, щерил рот, сипел, ругаясь.

– Они специально нас на Тверскую пропустили, чтобы избить. На ней не развернёшься. Справа и слева шеренги, сзади отсекают, с боков... давят щитами и дубинками по головам. Прорвёмся через один кордон, другой появляется.

Михаил вытащил из кармана пузырёк, выковырял из него таблетку, закричал:

– Мерзавцы-каратели... Это они за прорыв Анпилова к Кремлю мстили. Думают запугать.

– Видимо, так.

– На всём телевидении только «Шестьсот секунд», Александр Невзоров эту бойню правдиво осветил. Смелый, принципиальный репортёр. Как же сейчас таких не хватает!

Валерьян, завершив рассказ, расковыривал носком ботинка талое ледяное крошево под ногами.

– Что ж дальше-то, по-вашему, будет? – глухо спросил он. – В следующий раз по нам станут стрелять?

Михаил ослабил клетчатый шарф, покрутил белёсой шеей.

– Смотря сколько народу выступит. Нужна масса. Масса любые кордоны сметёт.

– На Тверской нас всё-таки было немного...

– Я верю в народ, – Михаил распрямил грудь. – Не может он весь целиком, вот так покорно, собачьей смертью издыхать. Это просто поначалу он растерялся, голову ему на какое-то время удалось заморочить. Но он просыпается. Выступления, демонстрации одна за другой идут. Вот посмотри...

Он достал из-за пазухи свежий номер «Советской России», развернул на коленях.

– Вот, прочти: на семнадцатое число в Москве, на Манежной площади народное вече назначено. Как в старину – народ соберётся решать. Но это не всё. Того же самого семнадцатого числа съезд союзных депутатов должен пройти. Он, как я понимаю, объявит о восстановлении СССР и ельцинское правительство официально низложит.

Валерьян взял газету. Под объявлением о собрании на Манежной был помещён манифест:

Теперь не время для усугубления мировоззренческого раскола. Наша Родина на краю гибели. Великое государство предательски расчленено. Простые люди обмануты, обобранны и унижены. Братские народы травливают в межнациональной войне. Страшные несчастья обрушиваются сегодня на всякого честного человека независимо от его убеждений.

Под ударом – каждая семья. Мы призываем всех, кому дорого Отечество, кто хочет достойной доли для своих детей выйти 17 марта на Манежную площадь. Мы обращаемся ко всем советским гражданам: потушим пожар в нашем доме все вместе! Инженеры и рабочие, военнослужащие и милиционеры, учителя и врачи, представители интеллигенции и рядовые труженики, коммунисты и верующие, приходите на Общенародное Вече. Встаньте стеной на пути изменников и разрушителей Родины!

На другой странице была помещена статья об открывающемся в день созыва вече депутатском съезде. В статье утверждалось, что союзные депутаты – легитимные представители высшего органа власти – положат правлению демократических реформаторов конец.

– Хорошо бы, – пробормотал Валерьян, заново окрыляясь верой.

– Главное, чтоб депутаты кворум собрали и народ Манежную заполонил. Пусть попробуют тогда против легитимной власти и народа... – Михаил запустил под шапку исхудалую пятерню. – О тпор нужен им. Всеобщий отпор...

Уже не голая злость, а вызревающее чувство солидарности заставляло Валерьяна с жадностью перечитывать манифест, расспрашивать Михаила о новостях из редакции «Дня». Оно охватывало его исподволь, но безраздельно, как и всякое чувство, рождаемое на крови.

– Надо ехать, – отняв глаза от газетных полос, коротко сказал Валерьян.

Михаил погладил пальцами порозовевший нос.

– Было бы замечательно, если б в Москву мы не вдвоём с тобой отправились, а сумели бы хоть кого-нибудь ещё раскатать. Ведь вече ж общенародное назначается! От каждого города делегация на Манежке нужна. От каждого, чёрт побери, колхоза!

– Вот это было бы – да!

– Знаешь, что нам нужно сделать?

– Что?

– Нужно распечатать объявления и расклеить их по городу. Телевидение, понятно, про вече будет молчать. Радио – тоже. В демократической прессе всё оклеветают и оболют грязью. Нужно самим, снизу раскатывать, агитировать людей. Москвичи-то поднимаются, на демонстрации выходят, а у нас – тишина. Вот ты среди студентов или у себя в общежитии...

Осёкшись, Михаил схватился за грудь.

– Ах-х-х... – з ажмурил он глаза.

Вздрагивающей вялой рукой он полез под пальто. Извлечённая из упаковки таблетка выпала из ослабленных пальцев. Достать и донести до рта вторую помог Валерьян.

– При...х-хватывает периодически, – проохал Михаил, неровно дыша.

Скрюченный, побелевший, он покачивался на бревне, искажая лицо гримасами боли.

– Сегодня... первый раз... надолго вышел... Поначалу-то ничего...

От остановки, до которой Михаила пришлось вести под руку, Валерьян возвращался с камнем на сердце.

Денег у Валерьяна оставалось в обрез. Он выпросил на факультете у лаборантки несколько десятков листов печатной бумаги, пару чёрных фломастеров. Клей с кисточкой купил на толкучке, выбрав те, что дешевле.

Поразмыслив, написал в общежитии за вечер – одно к одному – шестьдесят два объявления:

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ!

МЫ ЖИВЁМ ПЛОХО, А БУДЕМ ЖИТЬ ЕЩЁ ХУЖЕ.

РЕФОРМЫ ЕЛЬЦИНА И ГАЙДАРА ДЕЛАЮТ НАС
НИЩИМИ. ТЕХ, КТО ПРОТИВ – И ЗБИВАЕТ ОМОН. 17 МАРТА
РЕШАЕТСЯ СУДЬБА СТРАНЫ. В МОСКВЕ НА МАНЕЖНОЙ ПЛОЩАДИ
СОБИРАЕТСЯ

ВЕЧЕ. КАК ЖИТЬ ДАЛЬШЕ, ДОЛЖНЫ РЕШАТЬ
НЕ ЕЛЬЦИН И ДЕМОКРАТЫ, А НАРОД. ЕСЛИ НАС
ВЫЙДЕТ МИЛЛИОН, ДЕМОКРАТЫ И ИХ ПРИХВОСТНИ-
КАРАТЕЛИ РАЗБЕГУТСЯ. БУДЬ В МОСКВЕ НА МАНЕЖНОЙ
ПЛОЩАДИ
17 МАРТА В 17–00!

Лутовинов, прочтя сочинённое Валерьяном воззвание, поглядел на него из-под волосатых бровей.

– Только-только оклемался – и снова в омут с головой норовишь. Крепок ты духом...

Никто из соседей не проявил предметного интереса к назначенному в Москве вече.

– От митингов мясо не подешевеет, – равнодушно отнекивались они.

– На Ельцина всё надеетесь? – пробовал переубедить Валерьян. – Всё ждёте, что он позаботится о простом народе?

– А что, на коммунистов твоих надеяться? Порулили они, хватит.

– На вече не одни коммунисты соберутся.

– А, поди ещё разберись, что там к чему, – отмахивались от Валерьяна соседи. – Столько всяких деятелей повылезало, сам чёрт не разберёт.

Только Ширяев, прослышав, что Валерьян опять агитирует, сам остановил его у подъезда:

– В Москву на митинг зовёшь, говорят?

Он взял у Валерьяна листовку, прочёл, засмеялся раскатисто, точно заухал.

– А что? По делу.

– Так поехали со мной.

– Демократов свергать?

– Это как пойдёт...

Ширяев фамильярно приобнял Валерьяна, пьяно икнул.

– Правильно! Ну их к собакам всех! Ельцина... депутатов... коммунистов. Все сволота! Все на горб русскому человеку влезть норовят...

С усилием Валерьян высвободился из его хмельных объятий.

До середины марта вёл уличную агитацию Валерьян. Он вешал новые листовки вместо сорванных, обклеил окрестности фабрик, кинотеатров и крупных магазинов, вступал в споры, доказывал, что в Москве на вече должно решиться, какой дорогой идти стране.

Дважды ему пришлось драться. В первый раз – с шайкой шпановатых подростков, прицепившихся к нему в одном из дворов Заречья. Во второй – с пьяным возле вокзала, принявшимся в голос крыть «коммуняк» и плевать на только что прилепленную к стене листовку.

Словно накладываемые болезнью на человеческое лицо уродства, вынуждали Валерьяна холодеть картины знакомых сызмальства улиц, проспектов, дворов.

Приноровившись, он без труда распознавал стерегущих коммерческие ларьки вымогателей. Бычьего вида молодчики стояли в небрежных позах в сторонке от толчеи. Пересмеиваясь, бродили кучками, зыряка на покупателей и торговцев, точно пастухи на овец.

Проходя мимо просящих милостыню стариков, Валерьян опускал взгляд, пробираемый их заброшенностью и нищетой. Чаще всего они попадались ему у магазинов, понуро стоящие с полураскрытыми, подрагивающими от холода и немощи пятернями.

Несколько раз он наткнулся на одну и ту же старуху у магазина для ветеранов войны, от уличной развилки возле которого поворачивал в сторону общежития химкомбината. Вет-

хая, укутанная в забрызганное уличной грязью пальто, она сгибалась в унижительных поклонах перед прохожими, лепетала неразборчиво:

– До пенсии бы следующей... люди... хоть бы ещё на свете пожить...

Выцветшие глаза её, словно подёрнутые пеплом остывающие угольки, меркли, тусклея.

Костлявые пальцы вздрагивали, с трудом удерживая поданные монеты.

– Пожить бы ещё... пожить, – шелестела старуха бескровными губами.

Валерьян инстинктивно опускал руку в пустой карман и проходил дальше со звенящим в ушах, будто набат: «пожить», «пожить»...

Но самое тягостное впечатление произвела на него другая встреча.

Шагая по Институтской улице от пединститута, во дворе которого он тоже повесил листовку, Валерьян вышел к перекрёстку с Авиационной. С осени он избегал здесь ходить, чураясь мест, связанных с Инной. Авиационная, на которой она жила, химический факультет, на котором она училась, парк за главной городской площадью – все они, словно фон фотографии, были неотделимы в его воспоминаниях от Инны.

Валерьян не хотел знать, вернулась ли в город Инна. Он ускорил шаг, не желая предполагать даже случайной с ней встречи. Но растревоженное сердце его ёкнуло, заколотилось, когда, перейдя дорогу, он вдруг увидел впереди, у торца выходящего на перекрёсток дома, женскую фигуру в плаще. Без труда он узнал в женщине Татьяну Ивановну – Иннину мать. То, чем она занималась, заставило Валерьяна остолбенеть.

С торца на улицу выходил чёрный ход из помещавшегося на первом этаже гастронома. Справа от низкого крыльца был установлен металлический ящик, куда грузчики сваливали изломанные поддоны, остатки продуктов и хлам. Татьяна Ивановна, повернувшись спиной к перекрёстку, ковыряла содержимое ящика, вытягивая из него за край какой-то пакет.

Перекрёсток был оживлён, люди спешили мимо, почти не обращая внимания на роющуюся в отходах женщину. Поглощённая делом, Татьяна Ивановна размотала закрученный узлом пакет, заглянула в него, но сразу отпрянула, отвращённая запахом или же видом находящегося внутри.

С пакета, дырявого в углах, ей на ноги капало что-то чёрное, тягучее. Из прорехи вываливался кусок мясной тrefбухи, гнилостный и зловонный.

Морщась, Татьяна Ивановна сунула пакет обратно в ящик, повернулась, намереваясь уйти, но вдруг вздрогнула, увидев стоящего в метре от неё Валерьяна.

– Как же вы... так? – выдавил он, сострадая и одновременно стыдясь их встречи.

– Вот так, – п отупилась она. – А ты как... выживаешь?

Валерьян пожал плечами, не зная, что отвечать.

– И я выживаю... как могу, – глухо проговорила Татьяна Ивановна.

Они не расходились, неловко и принуждённо молча.

Татьяна Ивановна догадывалась, что Валерьяна гложет:

– Инна письмо прислала недавно. Написала, что стипендию ей скоро должны увеличить. Обещала помочь.

Валерьян шевельнул челюстью, черты его лица обозначились неровными углами.

– В Англии, значит, она по-прежнему...

– В Англии, слава тебе господи, – Татьяна Ивановна перекрестилась. – Успела отсюда вырваться.

Валерьян ел глазами её землистое, осунувшееся лицо, выпирающие через замызганный плащ плечи.

– Уж рвалась так рвалась... – п роцедил он.

– И бог в помощь. Себя корю, что противилась ей тогда. Инночка-то как чувствовала...

И ты уезжай, если возможность выпадет. Парень-то ты толковый.

– Чего ж сразу уезжать? – возразил Валерьян. – Власть эту поганую скидывать надо. До чего Ельцин людей-то доводит...

Выражение лица Татьяны Ивановны вдруг сделалось неодобрительным, строгим.

– Не надо душу отравлять злобой. Безбожный коммунизм нас до жизни такой довёл. Расплачивается народ за грехи.

Валерьян, не веря ушам, попятился.

– Коммунизм?!

– Коммунизм, – повторила Татьяна Ивановна, суровая, точно судья. – Скольких людей он от бога отвратил? Сочти! Миллионы вверг в грех смертный. Потому ослеплённые обустроить жизнь и не могут. И я грешна была. Полжизни во грехе провела, в неверии...

– В мусорных ящиках копаетесь и себя же вините?! – выпалил Валерьян, точно плюясь. – Божья вы... раба!

Круто развернувшись, он пошёл прочь.

Вслед ему, заставляя прохожих оглядываться, несло визгливо надрывное:

– Богохульник!!!

— XVI —

Инициативная группа союзных депутатов, несмотря на вызовы в прокуратуру, запугивания, взятие с её членов разнообразных подписок, от намеченного отступить не думала. Их не покидала надежда, что при нарастании митинговщины, недовольства сколько-нибудь представительный съезд окажется способен вновь стать дееспособным органом власти.

Депутаты знали, что выступления лишаящихся средств к существованию людей стихийны. Союз с Анпиловым позволял рассчитывать, что между уличными манифестантами и возрождённым съездом возникнет смычка. Анпиловская организация разрасталась, приобретая всероссийский размах. Уже не «Трудовая Москва», но «Трудовая Россия» пыталась направлять разрозненные выступления, соединяя их в единый антиельцинский фронт. Анпилов, как мог, заседал на организаторов чрезвычайного съезда:

– На вас – депутатах – лежит огромная историческая ответственность! Вы должны оправдать чаяния поднимающихся на борьбу масс. Съезд должен объявить о том, что берёт на территории страны всю полноту власти в свои руки. Съезд должен сделаться органом народной власти.

С ним соглашались Вавил Носов, утверждавший, что на съезде необходимо избрать нового президента СССР, Умалатова, Макашов. Но другая часть депутатов перешла на умеренные позиции:

– Погодите, Виктор Иванович. Давайте сначала соберём народ. Решения будут зависеть от того, сколько откликнется депутатов. Пока противодействие нам идёт по всем фронтам...

Умеренность их ожиданий проистекала из здравомыслия. Внутри депутатской группы крепко горькое понимание того, что в Москву не съедется и четверти состава съезда. Немного находилось охотников заседать в парламенте распавшейся страны. Из двух тысяч двухсот пятидесяти человек, избранных три года назад делегатами, только две сотни – менее, чем десятая часть – дали согласие приехать.

Не имелось ясности и в том, где устраивать съезд. Попытки договориться с дирекциями домов культуры или кинотеатров проваливались одна за другой. На руководителей учреждений давили мэрия и МВД.

В печати бушевала кампания против союзного съезда. С полупанической статьёй выступил мэр Попов. Ему казалось, что демократическая власть упускает инициативу. *«Если мы разрешим коммунистам провести съезд и так называемое вече в центре Москвы, то они соберут огромную толпу, выберут главу государства и на своих плечах внесут его в Кремль»*, – в истеричной манере обращался он к читателю.

К борьбе против союзных депутатов подключился и российский Верховный Совет, постановивший считать созыв союзного съезда покушением на суверенитет России.

Последовательно противились поездкам делегатов в Москву самостийные власти отколовшихся республик. В участии своих делегатов в общесоюзном съезде видели угрозу самостийности и суверенитету.

Решившимся ехать не продавали в кассах авиационные и железнодорожные билеты, запугивали, ссаживали с самолётов и поездов. На новых границах и внутри России такими способами удалось задержать до полусотни делегатов, отколов их от тех, кто смог прибыть.

Убеждаясь, что начинание терпит крах, но вместе понимая, что отступить поздно, Алкнис, Умалатова, Носов проводили последние перед вече дни в разъездах по Москве. Для съезда, съёжившегося до масштабов фракционной сходки, искали уже хоть какой-нибудь зал. Атмосфера во время совещаний депутатской группы царила безрадостная.

– Не важно, какая у нас в итоге получится численность. Всё это уже не важно. Главное – суметь собраться, провести. Надо, чтобы в творящемся вокруг ужасе люди увидели хоть какой-

то просвет, – твердила Умалатова, подстёгивая остальных и себя. – Простые люди должны увидеть, что мы боремся. Тогда на следующий съезд они погонят своих депутатов пинками.

– Что с помещением? – допытывался у Алксниса Макашов. – Дней осталось в обрез.

– Помещение-то нашли, – печально опуская глаза, отвечал Алкснис. – Но оно... не в Москве.

– А где?

– Подольский район, совхоз Вороново. Актальный зал местного Дома культуры. Это в шестидесяти километрах от столицы, – Алкснис горько усмехнулся. – Готовы прямо там, в совхозе, принять командование Вооружёнными Силами, Альберт Михайлович?

– Ну или хотя бы партизанским отрядом? – сострил какой-то приехавший из Сибири депутат.

Макашов выругался, протёр носовым платком плотную шею.

– Нас же засмеют! Неужели в столице никак нельзя было договориться?

– Поначалу соглашались многие. Но на администраторов и директоров сразу набрасывается прокуратура. А ещё давит вице-мэр Лужков. Он в Москве все ходы-выходы знает. Ему никто не смеет перечить. Его боятся больше прокуроров.

Несколько секунд все подавленно молчали.

– А как до этого... Вороново добираться? На электричках что ли? – совсем уж упавшим голосом спросил депутат Крайко.

– Автобусы будут, – сообщил Алкснис хмуро. – Утром семнадцатого их подадут к гостинице «Москва». От неё и тронемся.

О решениях, которые съезду следует принимать, полемизировали долго. Бескомпромиссно настроенный Вавил Носов настаивал на низложении российского правительства как узурпаторского и выборах нового главы СССР. И уговаривал генерала Макашова согласиться стать президентом Советского Союза.

– Вы – генерал-полковник. Ещё недавно командовали общевойсковыми армиями, военными округами. В прошлом году были кандидатом на выборах президента. У вас есть авторитет в войсках и в народе. За вами пойдут.

Макашов, вымученно улыбаясь, отнекивался.

– Ну, искусители! Что ни день, предлагают возглавить то Вооружённые Силы, то аж целый Советский Союз. Да его – Советский Союз – вначале восстановить надо!

– Вот и восстановим! С вами во главе.

Макашов мягко похлопывал по столу ладонью.

– Давайте всё-таки начнём с малого. Для начала просто восстановим союзный съезд. А дальше... дальше видно будет.

До поздней ночи совещались в гостиничном номере Виктора Алксниса, но ничего путного не шло никому на ум. Куря по очереди в раскрытое окно, депутаты с угрюмой настороженностью смотрели на дежурившие внизу, у гостиничного подъезда, милицейские машины.

Кипели дебаты в штабе «Трудовой России». О том, как вести митинг-вечер, кому на нём следует дать слово, Анпилов схлёстывался с соратниками в жарких спорах.

Терехов и другие офицеры добивались права участия для казаков, православного духовенства, представителей реакционных и черносотенных организаций.

– Виктор, поверь, мне эта публика тоже не близка. Но надо трезво смотреть на вещи. Если ориентироваться на одних лишь коммунистов, то критической массы не соберём никогда, – доказывал Терехов. – Наше общество дезориентировано и расколото. Массы не способны сойтись только лишь на платформе неприятия частной собственности – это факт. Но мы можем сойтись на платформе патриотизма, защиты державы. Среди некоммунистов тоже есть искрен-

ние патриоты. Да и на казаков ты бочку зря не кати. Они ребята, что надо. Все прошли через армию, многие с опытом Афганистана. В Приднестровье сейчас держатся молодцами.

Анпилов морщился, шевелил ноздрями, будто скверный запах чуял.

– За державу стоять – это хорошо. Но! – он приподнял указательный палец. – За советскую державу! Нельзя разводить на митинге великодержавный шовинизм.

Явившийся с Тереховым майор-лётчик долго молчал, слушая их спор, но под конец взорвался:

– Да во всех республиках бывших теперь шовинист на шовинисте! В Молдавии! В Прибалтике! В Грузии! В Таджикистане! В Баку! Глаза разуйте! Русских людей отовсюду только и гонят. И вы их же ещё и шовинизмом будете попрекать? Ну, Виктор...

Анпилов стоял на своём твердокаменно:

– Успех буржуазных националистов – явление временное. Трудящиеся массы скоро поймут, что их обманули. В трудящихся массах надо поддерживать пролетарский интернационализм. Мы должны подавать пример, а не отталкивать.

Терехов дипломатично продолжал настаивать на том, что считал верным:

– Всё равно, Виктор. Нельзя отталкивать тех, кто стоит за Россию. Сам знаешь – далеко не все готовы встать под красное знамя. Уж коль скоро мы сами признаём митинг общенародным вечем...

Анпилов задвигал челюстями, будто прожёвывая неудобоваримое.

– Вече... Придумали тоже название, а я упустил... – проворчал он с неудовольствием. – Ч ерносотенством за версту разит.

Но тут ему возразил даже кто-то из соратников-«трудовиков»:

– Вече – подходящее, политически верное название. В вечевой организации Древней Руси можно увидеть прообраз советов.

Анпилов предчувствовал, что его вынудят уступить, но и уступая, продолжал ставить условия:

– Если некоммунистические силы готовы присоединиться к митингу, то пусть они присоединяются на условиях нашей повестки. А митинг – напоминаю всем! – собирается против капиталистических реформ и за Советский Союз!

Терехов с облегчением протёр платком взмокший лоб. Офицеров такое условие устраивало.

– Добро.

Анпилов выжидающе глядел на новых, навязанных ему союзников.

– Виктор Иванович, утомись. Никто среди нас за капитализм не ратует, – утомлённо прикрыл веки бородатый, немногословный старик-монархист. – Капитализм – не наш, не православный путь.

Скрепя сердце, Анпилов согласился с участием в вече некоммунистических сил. Но оговорил, что очерёдностью выступлений и регламентом будет распоряжаться он – как главный зачинатель вече.

В канун семнадцатого марта нервозность охватила всех: депутатов, милицию, работников мэрии.

Алкснис держал место проведения съезда в секрете даже от рядовых депутатов, съезжающих в гостиницу «Москва». Всем прибывающим делегатам он объявлял, что место назовёт только тогда, когда все усядутся в автобусы, чтобы ехать.

Генерал-полковник Альберт Макашов сидел на телефонах, обзванивая части Приволжско-Уральского военного округа, которым командовал вплоть до прошлого лета, гарнизоны Закавказья, где тоже служил.

К Анпилову прорывались взволнованные соратники, передавая множасьи слухи о милицейских и военных патрулях, о выдвижении к городу армейских колонн, о провокациях.

В ночь на семнадцатое над весенней, оттаявшей Москвой разыгрался буран. С полуночи задул ветер, мокрые тротуары прихватило ледяной коркой, замело позёмкой.

Утром, утаптывая у выхода из гостиницы нерасчищенный снег, на улице скопилась разношёрстная толпа. Кучковались, ожидая автобусов, депутаты, разворачивали самодельные плакаты незваные пикетчики, выныривали горластые трибуны в обтрёпанных «петушках» и пальто.

– Товарищи, сохраняем спокойствие! – осаживали самых крикливых дружинники-анпиловцы. – Без провокаций.

Обособленно держались казаки: не улыбочивые дядьки и костлявые юнцы в армейских бушлатах и синих, с лампасами, шароварах. Окружённый репортёрами, что-то вещал вездесущий Жириновский. В отдалении, не отходя далеко от поставленных у тротуара легковых машин, крутились типы в солнцезащитных очках – не то офицеры Министерства безопасности, не то милицейские оперативники.

Показавшийся на ступенях Алкснис сложил возле рта руки рупором:

– Товарищи депутаты и гости съезда! Автобусы подъедут в течение двадцати минут. Сразу же садимся и организованно выдвигаемся.

Журналисты, оставив Жириновского, ринулись к нему:

– Место проведения по-прежнему в секрете? Вы обещали сегодня утром его назвать.

Журналисты были командированы демократическими газетами. Они пытали Алксниса назойливыми вопросами со странной смесью неприязни и нахальства.

– Всё в силе. Подождите буквально ещё чуть-чуть, – отбивался Алкснис, крутя в ожидании автобусов головой. – Транспорт уже едет.

– Пресса сможет присутствовать на съезде?

– Конечно, сможет. Съезд – это легитимный орган союзной власти. Пресса не только может – она обязана его освещать.

Журналисты посмеивались, переглядывались с ухмылками:

– Осветим. Этакое-то историческое событие – и пропустить?

Телеоператоры рыскали в продолжающей разрастаться толпе. Самых пожилых или самых бедно одетых донимали ехидством:

– Каких декретов вы ожидаете от съезда: о земле или о мире?

– Что планируете захватывать в первую очередь? Почту? Вокзал? Мосты?

В подъехавшие автобусы депутатов усаживали по спискам.

– Едем в область, в Подольский район, – провозглашал Алкснис, руководя посадкой. – Место проведения съезда – Московская область, совхоз Вороново, Дом культуры.

Журналисты тоже полезли в автобусы вслед за депутатами, но их стал зазывать Жириновский.

– Пресса! Представители прессы! Руководство Либерально-демократической партии готово предоставить работникам средств массовой информации машины. Приглашаю съёмочные группы ехать на съезд в автомобилях штаба ЛДП! С комфортом! – суется в толпе, восклицал он высоким визгливым голосом.

– Задабриваете, Владимир Вольфович? – рассмеялся небритый фотограф с «Кодаком» на шее.

– Не задабриваю, а обеспечиваю условиями для профессиональной работы, – парировал Жириновский. – Вот ваше руководство, которое поддерживает правительство так называемых демократов, оно обеспечило вас автотранспортом? А? Обеспечило?

Среди журналистов возникло замешательство. Часть действительно пошла за Жириновским. В машины, после колебаний, уселось и несколько пожилых депутатов.

– Я сердечник. Я не выдержу автобусной тряски, – бормотал, оправдываясь, грузный депутат, с трудом втискиваясь в тесный салон.

За тронувшейся автоколонной увязались два жёлтых милицейских УАЗа. Сквозь заднее стекло идущего последним автобуса было видно, как сидящий в кабине рядом с водителем офицер на каждом из перекрёстков что-то лопочет в рацию.

Ехать пришлось долго. Водитель головного автобуса, не зная, как следует, дороги, ошибался на развилках, сворачивал не на те деревни, путая и колонну, и милицейский УАЗ. Алкснис, сев с ним рядом, развернул на коленях карту области и пытался подсказывать маршрут.

В Вороново колонна въехала за полдень. Автобусы, быстро проезжая через посёлок, выворачивали на прямоугольную, с грязно-снежными сугробами по краям площадь. Депутаты, высыпав из салонов на нагретый солнцем асфальт, закуривали, глядели на обращённое фасадом к площади здание с просторным остеклённым фойе.

– Здесь что ли?

– Сказали – здесь.

– Типично советский ДК...

Мамаши, катавшие по площади коляски с детьми, подростки, гонявшие мяч у ступеней ДК, притихли, наблюдая за прибывшими депутатами. В окнах выходящих на площадь домов замелькали головы.

– У, принесло, – проворчала какая-то ковыляющая мимо ДК старуха с молочным бидоном в руках. – Чего ещё опять нарушают...

Делегатов регистрировали в фойе. Несколько человек под руководством Умалатовой заносили фамилии-имена депутатов, номера и наименования их округов в тетради. Зарегистрировать удалось сто четырнадцать человек – менее одной двадцатой от списочной численности съезда.

– Сколько есть – столько есть, – повторяла Умалатова, словно успокаивая окружающих и себя. – Съезд чрезвычайный. Когда решается судьба страны, кворум не важен.

Журналисты, расчехляя камеры, потешались между собой над съехавшимися в Вороново делегатами.

Состав их не был широк. Подавляющее большинство представляло края, области и автономии России. По несколько человек прибыло от Казахстана и Таджикистана, двое – от восточных областей Украины, по одному – от Узбекистана, Киргизии и Белоруссии. Не приехало ни единого делегата от Молдавии, Армении, Азербайджана, Туркмении, Литвы. Виктора Алксниса за представителя Латвии не считал никто. Его товарищ по группе «Союз» Евгений Коган представлял не Эстонию, а населённую русскими Нарву. Отсутствовали представители Грузии, но приехали делегаты от её отколовшихся окраин: двое от Абхазской республики и один из Югоосетинской.

Пока депутаты рассаживались в маловместительном и пропылённом актовом зале, в президиуме съезда поднялась суета. Не хватало депутатов, поехавших с Жириновским. Снаряжённые им машины в Вороново не появились.

– Специально это что ли подстроено? – волновались в рядах. – Их похитили?

– Вот никогда этому Жириновскому веры не было!

– Так что, будем начинать или будем ждать? – спрашивал, нервно протирая платком очки, депутат Крайко.

– Начинать! Начинать! – замахали руками из зала. – А то ещё провокации устроят!

За установленный на сцене стол, покрытый кумачовой тканью, сели Умалатова, Алкснис, Крайко. Умалатова взяла в руки микрофон, чтобы зачитать обращение к делегатам, но тут в зале внезапно погас свет.

– А, чёрт!

– Авария что ли?

Защёлкали зажигалки, зацарапали спички о коробки.

– Это что, нарочно?! – гневно гаркнул, привставая со стула, Вавил Носов. – Решили сорвать?

Депутаты, толкаясь и наступая друг другу на ноги, начали выбираться в фойе. Растерянный директор разводил руками:

– Ребята, я не знаю... Наверное, повсеместное отключение.

Техники ДК быстро установили, что электричество исчезло в одном только Доме культуры. В соседние жилые дома оно по-прежнему подавалось. Переговоры с дежурившими на площади милиционерами были тщетны. Офицеры, отнекиваясь, разводили руками. Сержанты сопели, туповато морщили лбы.

– Это на подстанции, – бормотал директор. – Рубильники там.

Подстанция находилась далеко за посёлком.

– Что ж нам, на улице совещаться? – совсем уж растерянно произнёс Крайко.

Директор вспомнил, что в одной из подсобок хранится ящик со свечами и честно отдал его депутатам. Вахтёр принёс электрический фонарь. Зажжённые свечи расставили на столе президиума, на полу в проходах, на ручках кресел. Зал осветился мерцающим светом. Сидящие в рядах видели президиум. Счётная комиссия могла считать по поднятым рукам голоса.

Микрофоны, питаемые электричеством, не работали, но Алкснис, выезжая из Москвы, прихватил митинговый громкоговоритель. Через него Умалатова, щурясь и напрягая зрение, зачитывала тексты резолюций, заявлений, обращений.

Их принимали с голоса. С голоса принимали поправки, вписывая их в разложенные на столе, замарываемые свечным парафином листы.

– Ослеплённые национал-сепаратизмом, мы загоняем народы в глубокий тупик, толкаем их в пропасть безысходности. Разобщённые, лишённые единого экономического пространства, единой армии народы не смогут сохранить ни свою самостоятельность, ни самих себя. Так называемое СНГ всё больше напоминает Вавилонскую башню!.. – трагически провозглашала Умалатова, выступая уже с собственным обращением. – Возврата к прежнему Союзу нет. Теперь это очевидно. Но нельзя не считаться и с суверенной волей народа – жить единой семьёй в обновлённом Союзе...

Объявления о низложении российского правительства, на которое так уповали Виктор Анпилов, Вавил Носов и ещё несколько бескомпромиссно настроенных деятелей, не прозвучало. Сгрудившаяся в тесном зале горстка верных гражданскому долгу, но морально подавленных собственной малочисленностью делегатов прокляла Горбачёва. Депутаты отменили решение третьего союзного съезда, наделившего Горбачёва полномочиями президента СССР.

Затем начались выборы в Постоянный Президиум съезда. Прошли Виктор Алкснис, Иван Шашвиашвили, Альберт Макашов, Александр Крайко и ещё несколько депутатов. Председательствовать в президиуме доверили Сажи Умалатовой.

Совещаться о большем не имело смысла.

Из сумрачного зала, в котором от поднятой пыли першило в горле, депутаты повалили на улицу. Алкснис и Умалатова задержались на ступенях ДК и терпеливо отвечали на подковыристые, ехидные вопросы прессы и ТВ-групп.

– Советский Союз был! Советский Союз есть! Советский Союз будет! – громко повторяла Умалатова, встряхивая светлыми, слегка волнистыми волосами.

Милиционеры хмуро наблюдали за усаживающимися обратно в автобусы депутатами.

– XVII –

Валерьян поехал в Москву один, так и не сумев никого из знакомых увлечь идеей всенародного вече. Михаил, проехав по городу дня три с листовками, опять слёг и был не в состоянии ехать.

В дороге, в вагоне электрички, Валерьян внимательно приглядывался к лицам попутчиков, надеясь распознать тех, кто, как и он, едет на вече.

Но приглядывались и к нему. Севший вместе с ним в Ростиславле подтянутый, с подвижным, тонкокожим лицом парень-шатен на протяжении нескольких перегонов исподволь прощупывал Валерьяна заинтересованным взглядом. Затем, встретившись глазами с Валерьяном, спросил напрямик:

– На вече?

Валерьян кивнул.

– Тоже туда?

Шатен пересел к нему на скамью.

– А куда ж ещё... – он протянул руку. – Николай.

– Видел ты меня, что ли, где? – ответил рукопожатием Валерьян. – Я тебя не узнаю.

– А я тебя узнал. С осени у памятника с газетами стоишь, – Николай, улыбаясь, заложил ногу за ногу. – Крутой ты, однако, вираж заложил.

– В смысле?

Николай, словно винаясь, наклонил голову, потёр шею.

– Да я, считай, почти как и ты. Поначалу поверил демократам. Потом раскусил их, ушёл...

– Неправда. Я с демократами никогда не был.

– Вот прямо совсем? – не поверил Николай. – Отец-то ведь твой – Павел Ештокин?

– Да.

– Я в заперестроечный клуб вместе с ним ходил когда-то. Винер, который сейчас от нашего округа в Верховном Совете депутат, председательствовал в том клубе. А твой отец ближайшим его помощником был.

– Он и сейчас его помощник.

– Знаю. Но вот ты... Помню, как удивился, когда узнал, что ты – его сын.

– Мало ли кто кому сын. Большевиками вон дети священников, дворян становились.

– Сын против отца – это по-русски, – Николай рассмеялся хриловатым пропавшим смехом.

Валерьян угрюмым взором из-под бровей вынудил его замолчать.

– Ты, значит, был демократом?

– Был. За Винера этого даже агитировал в девяностом. Мельтюхов моя фамилия. Не слышал про меня от отца?

– Нет.

– Я вот тоже клюнул поначалу на их демагогию, – сожалея и отчасти иронизируя над собой, проговорил Мельтюхов. – Часами стоял на морозе возле нашего ЦУМа, глотку на митингах срывал...

– А теперь ты за кого?

– За Жириновского. Он тоже на вече будет.

– А чего ж за Жириновского?

– А за кого ж ещё быть? Анпилов – твердолобый коммунист, совсем динозавр какой-то. Терехов – военный. А военные, как мы знаем из истории, всегда оказываются плохими политиками. К тому же он не просто военный, а замполит, комиссар, то есть тоже коммунист, по сути...

– Чем тебе так коммунисты не угодили?

– Стране ни коммунисты, ни демократы не нужны. Не надо ни за прошлое цепляться, ни Америке в рот смотреть. Нужна третья сила. Третий путь. Жириновский – это как раз и есть третий путь. Да и сам он вызывает симпатию: честный, бескомпромиссный, пробивной... Один из всех, кто прямо, во всеуслышание, русский вопрос ставит. Один, кто заступает за русский народ. Каково, думаешь, сейчас русским людям в какой-нибудь Прибалтике?

– Тяжело.

– Ещё бы! А только ли в одной Прибалтике так? А Баку? А Таджикистан? Да и сама Россия распадаться начинает. Чечено-Ингушетия в прошлом году обособилась. Теперь вот Татария суверенитет провозглашает...

– Сейчас Ельцина бы скинуть, – проворчал Валерьян. – Потом и этих приструним.

– Чтобы приструнить, России нужен вождь! Чтоб не о каких-то там трудящихся Закавказья или Средней Азии пёкся, как коммунисты, а о нашем русском народе. Эх, избрать бы его прямо сегодня, на вече...

– Ты правда думаешь, что наш народ пойдёт за Жириновским? – с сомнением спросил Валерьян.

У Мельтюхова при разговоре о Жириновском разгорались глаза.

– А почему же ему за ним не пойти? Жириновский – прирождённый лидер. Он – оратор. Он умеет разговаривать с простыми людьми. Умеет зажечь. Он не из номенклатурной породы...

Остаток дороги Мельтюхов продолжал нахваливать Жириновского в пику Анпилову и другим предводителям антиельцинских сил.

– Сопrotивление режиму под предводительством коммунистов не имеет серьёзных перспектив, вот помяни моё слово. Коммунисты сами же развалили страну. Для того чтобы её собрать, нужна совершенно новая сила, – с убеждённоcтью повторял он.

Сойдя с поезда, они направились к метро вместе.

Проведению вече высшие власти решили не препятствовать. И в стане президента, и в аппарате Верховного Совета, поняв, что никакого представительного съезда у союзных депутатов не получится, поуспокоились.

Наиболее горячие головы Ельцин даже остужал лично.

– Не нагнетайте, – отчитывал он в своём кабинете мэра Попова. – Пускай проорутся, выпустят пар. Ни на что большее пороуху у них всё равно не хватит.

Попов стал возражать, доказывать, что опасность – в массовости. Но Ельцин прервал его самоуверенным смешком:

– Тягни, если страшно! Депутатов этих, что пытаются мутить воду, кот заплакал. Опозорятся только со своим убогим съездом.

– А вече...

– Ну а что вече? Соберутся – а выйдет пшик. Вот и пускай.

Президент и московский мэр расстались, раздражённые друг другом.

Мнительному Попову казалось, что Ельцин самонадеян и слеп, а тому – что мэр Москвы истеричен и трусоват.

– Руководитель тоже, понимаешь... Рвани какой-то испугался, в штаны наложил, – сердито проворчал президент, едва за выходящим Поповым закрылась дверь.

Милицейские командиры, которыми руководил ненавидящий коммунистов начальник московской милиции Аркадий Мурашов, тоже беспокоились. С утра семнадцатого числа Манежную окружили омовские цепи. Опасаясь прорыва толп на Красную площадь, Кремлёвский проезд перегородили гружёными песком самосвалами.

Народ начал сходиться на Манежную площадь за несколько часов до начала вече. Густые людские потоки двигались по Охотному ряду, от площади Революции, со стороны Манежа.

Над увеличивающейся численно толпой реяло множество флагов: красных, чёрно-золото-белых, Андреевских, союзных республик. В ожидании начала завязывались разговоры, споры. От гостиницы «Москва», из динамиков подогнанного к ней грузовика с красными флагами на бортах, звучали песни.

В толпе тоже пели: военные песни, «Катюшу». Тонкорукий долговязый мужичок в нестиранном «петушке», усевшись на деревянный ящик, наябривал на балалайке и гнусаво тянул политические частушки:

*Дядя Боря – алкоголик,
Правит нашей страной.
Рядом с ним – пузатый гомик,
Дружит только с сатаной!*

Ему хлопали. Хохоча, подзадоривали:

– А пузатый гомик – э то кто? Гайдар что ли?

– Точно Гайдар. Погляди только на него в телевизоре. Из него мужик, как из хряка – б оров.

Долговязый, ёрзя на ящике, жмурился, запрокидывал голову:

*Не поедешь ты в Артек,
Ваня, сын крестьянский.
Ныне там сидит абрек,
Рынок обокравиший.*

Обширное пространство Манежной – от гостиницы «Москва», между Моховой улицей и сквером у Кремлёвской стены вплоть до светлого, вытянутого здания Манежа – было полностью заполнено с четырёх часов. На вече продолжали прибывать всё новые группы манифестантов. Площадь казалась волнующимся озером, выходящим из берегов.

Валерьян и Мельтюхов, идя от метро по Охотному ряду, издали слышали могучий рокот небывалой толпы. Приблизившись к площади, оба вскричали, изумлённо и восторженно:

– Ага! Поднялся-таки народ! – взмахнул кулаком Валерьян, пьянея от радости.

Людское скопище, продолжая увеличиваться числом, выдавливало милицейские цепи из Александровского сада, отесняло их к Кремлю. Манифестанты волновались, вытягивали шеи, нетерпеливо глядели в сторону грузовика. Казалось, наливающаяся мощью масса поглотит и гостиницу, и Манеж, и сам Кремль.

– Действительно вече, – задыхаясь, проговорил Мельтюхов. – Будто весь народ тут.

Углубляясь в толпу, Валерьян и Мельтюхов наткнулись на флаги союзных республик. На вече съехались делегаты с дальних концов. В людской гуще мелькали транспаранты: «Трудовой Харьков», «Союз воинов-интернационалистов Крыма», «Союз рабочих-коммунистов Минского тракторного завода», «Ассоциация коммунистической молодёжи СевероВосточного Казахстана», «Труженики Приднестровья».

Шелестели знамёна: красные, чёрно-золото-белые, Андреевские, хоругви. Их колышущиеся края Валерьян отводил от лица рукой, пробираясь между манифестантами. Рабочие, штатские, офицеры-отставники стояли рядом со священниками, с казаками в фуражках и мохнатых папахах, с большеглазыми юнцами, облачёнными в чёрные старомодные одеяния полувоенного покроя. Крестились, шепча молитвы, богомолицы-старухи.

Казачи держались особняком, кучкуясь по цвету околышей и лампасов, по покрою черкесок: донцы, забайкальцы, оренбуржцы, кубанцы.

Иногда в человечесьей гуще мелькали длинноволосые анархисты в растрёпанных, нараспашку, куртках, в кожаных плащах: возрастом не старше большеглазых чернорубашечников, но со взорами задиристыми и жгучими.

Но более всего находилось на Манежной самых обычных, малоприметных по отдельности людей. Неотличимых от тех, что ежедневно заполняют транспортные остановки, эскалаторы и вагоны метро, уличные бульвары, дворы: немолодых мужичков в ушанках и вязаных «петушках», могучих тёток, стариков-ветеранов, аккуратных интеллигентов в пальто. Они не держали ни транспарантов, ни флагов, в тихой, немногословной сосредоточенности ожидая, когда начнётся вече.

– Надо поближе к трибуне подобраться, – дёрнул Валерьян за рукав Мельтюхова. – Иначе не услышим ничего.

– Легко сказать...

Нажимая плечами на чужие спины, оба стали проталкиваться в направлении гостиницы, у подножья которой стоял грузовик.

– Чёрта с два они такую толпищу разгонят, – проорал Мельтюхову в ухо Валерьян. – Никаких ОМОНов не хватит.

На бортах грузовика крепили подставки для микрофонов, проверяли звук. В кузове суетился Анпилов. Оборачиваясь, он покрикивал на толпящихся за машиной ораторов, распределяя очередность их выступлений.

– Приехали!.. Вон! Вон! – парень с повязкой красного дружинника запрыгнул на борт грузовика и, придерживаясь рукой за древко флага, стал указывать в направлении Моховой улицы.

Анпилов выпрямился, приложил к бровям ладонь, защищая зрение от слепящих лучей закатывающегося солнца.

Возле тротуара, тоже занятого людьми, стали останавливаться автобусы. Выходя наружу, депутаты замирали в невольной растерянности.

– Ура товарищам союзным депутатам! – проорал в микрофон парень с повязкой. – Ура шестому съезду!

Депутаты топтались в нерешительности, не зная, как попасть к трибуне.

– Проход! Дайте проход! – Анпилов перехватил у парня микрофон. – Товарищи, пропустите депутатов!

Сквозь кое-как организованный дружинниками проход депутаты вереницей потянулись к грузовику. Некоторые пугливо вертели головами, словно бы боясь, что гигантская масса их затрёт, поглотит. На кузов взобрались генерал Макашов, Алкснис и Умалатова.

– Со-вет-ский Союз!!!.. Со-вет-ский Союз!!!.. – заскандировали вокруг грузовика, и клич покатился по площади, быстро набирая зычность и мощь.

На продолжительные совещания с предводителями депутатов времени не было. Анпилов знал, что решения о низложении правительства съезд не принял. Не оставив окончательно надежду, он с жаром втолковывал депутатам своё.

– Народ собрался! Народ ждёт! – повторял Анпилов, простирая в сторону людского столпотворения руки. – А с чем вы к нему явились?

– Ну как низлагать-то?.. Без кворума, без большинства, в каком-то совхозе при свете свечей... – глухо оправдывался Макашов. – Смешно же, право...

– Низложите прямо здесь!

– Что значит «прямо здесь»?

Махнув рукой, Анпилов шагнул к борту грузовика, сдёрнул с головы кепку.

– Товарищи! Я счастлив видеть такое огромное количество людей! Я верил в наш великий советский народ! – кричал он, жестикулируя. – Три месяца назад, два месяца назад мы радовались, когда нас собиралось на улице по десять – по пятнадцать тысяч. Девятого февраля, здесь же, на Манежной площади нас были уже многие десятки тысяч. Антинародная власть решила нас запугать. Варварское избиение ветеранов в День Советской Армии было акцией устрашения! Но власть просчиталась! Сегодня нас вышло полмиллиона!..

Площадь ревела, торжествуя от своей небывалой, неслыханной многочисленности.

– Советский народ желает жить в единой советской стране! Он заявил об этом год назад, на референдуме. Он подтверждает свой выбор сегодня в Москве! Воля народа священна! Мы добьёмся того, чтобы эта площадь, именуемая теперь так называемыми демократами Манежной, стала опять носить гордое имя Пятидесятилетия Октября...

Анпилов кричал и кричал, то грозя кулаком на башни Кремля, то славословя собравшийся народ. Ему легко давалось с ним говорить, потому как он говорил просто: и когда старался распалить в манифестантах гнев, и когда внушал им веру. Поднимающийся ветер колыхал полотнища флагов, раздувая их, точно паруса в предштормовом море.

– Как думаешь, прямо сейчас начнут объявлять правительство? – толкнул Валерьян Мельтохова локтем. – Или ближе к концу?

Речь Анпилова проняла и его:

– А чего тянуть? Собрались-то ради чего?

– Народное правительство объявить – и на Кремль! Вот он, вот он, рядышком, – пробасил стоящий слева густоусый мужик, недобро зыркнув на кремлёвские стены.

Однако Анпилов, прокричавшись до хрипоты, никакого правительства не объявил и к приступу не призвал. Заканчивая говорить, он передал слово депутатам:

– Товарищи, союзные депутаты прямо сейчас дадут вам – своим избирателям – подробный отчёт о прошедшем сегодня шестом внеочередном съезде. На съезде обсуждалось будущее нашей страны.

«Значит, сейчас объявят», – решил Валерьян.

Выступления депутатов, против его ожиданий, вышли половинчатыми и путаными. Депутаты ругали Ельцина, новый курс, малодушно попрятавшихся и не прибывших на съезд делегатов, жаловались на угрозы милиции, прокуратуры...

– Да знаем мы это всё, знаем! – раздалось поблизости от Валерьяна раздражённо-нетерпеливое. – Д елать-то что?

Провозглашённый в Вороново разрыв Беловежского договора депутаты преподнесли как исторический акт.

– Советский Союз будет восстановлен! – кричала Умалатова, прижимая руки к груди. – Советский Союз жив!

Площадь шумела, подхватывая бросаемые лозунги.

Выступления продолжались. К микрофону вставали ораторы не из числа политических активистов.

– Все помнят, как Ельцин обещал лечь на рельсы, если от его реформ ухудшится жизнь простых людей. Сегодня на мою зарплату медицинской сестры я едва могу купить пачку макарон и буханку хлеба, но Ельцин ни на какие рельсы ложиться не собирается, – звенящим от ярости голосом восклицала желтолицая женщина в скошенном на бок берете. – Вместо себя он решил бросить на рельсы русский народ...

В словах репортёра Невзорова, подтянутого, фотогеничного шатена, сквозил упрёк:

– Мы очень долго раздумывающий народ! Народное вече надо было созывать ещё в августе прошлого года. Если бы все те, кто стоит сегодня на Манежной площади, вышли на неё двадцать второго – двадцать третьего августа, Ельцин и его банда не захватили бы власть. Сегодня мы жили бы в Советском Союзе.

Писатель-эмигрант Эдуард Лимонов, писавший хлёсткие статьи в «Советскую Россию» и «День», предостерегал:

– Либерально-компрадорский режим пойдёт на всё, чтобы удержать власть. Одними лишь постановлениями съездов этих деятелей не скинешь, – стоя перед громадной толпой, он в волнении ежеминутно поправлял крупные очки. – Борьба с режимом будет долгой и трудной. Внутри оппозиции следует прекратить все дразги, собрать волю в кулак.

Слово получил и Геннадий Зюганов из Общенародного Союза – дородный широколобый вельможа, бывший член ЦК. Валерьян помнил его по случайной встрече в августе, в редакции «Дня». Теперь, на вечевой трибуне, Зюганов держался твёрже:

– Усевшийся в Кремле режим с первых же месяцев проявил себя как компрадорский и антинародный, – рывкал он, точно серчающий медведь. – Режим обобрал до нитки простых тружеников. Своими так называемыми экономическими реформами режим лишает их самого главного – права на жизнь. Режим должен, наконец, услышать свой народ...

– А Жириновский где, не пойму? – вытягивал шею Мельтюхов. – Или нарочно не пускают его на трибуну?

В кузов взбирались военные: подполковники и полковники из «Союза офицеров», отставные генералы. Говорили они кратко, но о бедственном: армия разлагается, солдаты дезертируют, на окраинах расхищаются армейские склады, в Таджикистане и на Кавказе банды националистов нападают на военные городки, надругаются над офицерскими жёнами и детьми.

Один из бывших командиров рижского ОМОНа, курносый, обритый в кружок крепыш, прорычал с ненавистью:

– Прошу вече об одном: назначьте меня после победы начальником литерного состава! Даю слово, что ни один из них, – он поглядел волком на Кремль. – Не доедет до места заключения живым! Все гады до единого словят свои девять грамм «при попытке к бегству»!

Меркли солнечные отблески на зубцах-бойницах кремлёвской стены, кровавились в темнеющем, обрызганном ранними звёздами небе рубины на башнях. Сгущались сумерки, сиреневые и влажные, затеняя притомлённую толпу. Речи произносить ещё продолжали, но пресытившийся ими народ отзывался на них уже вяло. Прорывалась и досада:

– Болтают всё, болтают...

– Как грабёж народа остановить? Об этом скажите!

Начальный энтузиазм манифестантов иссяк. Более чем сотысячное скопище, явившееся на зов Анпилова, Терехова, депутатов в центр Москвы, начинало испытывать разочарование. Идя на Манежную, люди верили, что вече сумеет повернуть течение жизни, но с грузовика продолжали звучать одни слова.

Валерьян заметил, что толпа вокруг редеет. Час назад его окружала плотная масса, участники вече стояли впритык, соприкасаясь плечами. Устав слушать и ждать, народ потянулся с площади. Масса рассыпалась, будто тающая, дробящаяся льдина.

– Что же, всё? – обескураженно развёл руками Мельтюхов.

Внезапно на краю площади возникло движение. Засипел мегафон:

– Граждане России! Русские люди!.. – взывал кто-то, захлёбываясь.

Разбредаящиеся манифестанты встрепенулись.

– Это Жириновский! Жириновский... – заговорили вокруг.

Оживившийся Мельтюхов повлёк Валерьяна за собой:

– Ага!

Жириновский, не допущенный на трибуну, легко собрал вокруг себя плотное кольцо слушателей.

– Хватит нам думать о благополучии разных Таджикистанов и Карабахов! Советского Союза больше нет! – разорвался он, оппонируя почти всему, что прозвучало на вече. – Советский Союз предали сами же коммунисты! Сдали его с потрохами! Надо остановить процесс

дробления России! Довольно суверенизаций и самоопределений! Что нам до этой Средней Азии? У нас в собственном доме пожар. Татарстан провозгласил себя суверенным государством! Башкирия, оказывается, теперь суверенное государство! Мордовия – суверенное государство! Карелия – суверенное государство! Дожили... Уже внутри России возводят государственные границы. Уже Россию-матушку на части рвут!

Речения Жириновского сеяли среди манифестантов раздор. Ему и хлопали, и бранили его.

– Ишь, разблеялся, козёл-провокатор... Ты лучше расскажи, как депутатов сегодня утром вместо съезда завёз неизвестно куда, – сердито проскрипел хромой, опирающийся на палку старик.

Жириновский подстёгивал себя собственным криком. Не обращая внимания на реакцию окружающих, он непоколебимо гнул своё:

– Русские люди! Ни Ельцин, ни коммунисты не принесут избавления нашей стране. России нужна национальная власть!..

С грузовика Анпилов начал зачитывать резолюцию. Силясь заглушить производимый Жириновским шум, он поставил микрофон на максимальную громкость:

– Всенародное вече постановило! Советский народ желает жить в едином советском государстве! Воля народа священна! Границы советского Отечества нерушимы! Советские Вооружённые силы должны оставаться неделимыми! Советский народ требует отставки правительства так называемых реформаторов – прислужников американского империализма!..

После оглашения резолюции снова включили союзный гимн. Анпилов, Умалатова, Терехов, прочие, стоящие в кузове, прижали ладони к сердцам.

Вече подпевало, но заунывно, словно тянуло поминальную песнь.

Стемнело. Свет зажжённых в Александровском саду фонарей не достигал площади, чернеющей обширным неосвещённым пятном. Народ разбрёдался в задумчивости, так в массе и не поняв: кого стоит держаться, за кем идти...

— XVIII —

Валерьян возвратился в Ростиславль один. Мельтюхов увязался за Жириновским и к электричке не пришёл.

Участие в вече оставило в душе Валерьяна двойственные чувства.

Его потряс колоссальный размер толпы, подступившей, словно войско, к кремлёвской крепости, разнообразие флагов, лиц. Наводнивший площадь народ без труда оттеснил омовские цепи к тротуару Манежной улицы, выдавил за самосвалы и военные грузовики. Валерьяна впечатлила та лёгкость, с какой толпа, сама того почти не замечая, отшвырнула от площади шеренги омовских бойцов.

В вечевом столпотворении он без труда опознавал школьных учительниц, военных отставников, инженеров, вузовских преподавателей, студентов, рабочих цехов – все, привычные с детских лет людские типы, среди которых он рос, вырос. Он кожей чувствовал их смятение, надеялся вместе с ними услышать ясный призыв.

Станным казалось ему, что призыв так и не прозвучал. В смущении шагая к вокзалу по пустеющей Москве, Валерьян размышлял над тем, чего же ради добивались организаторы вече сбора громадной толпы.

«Ну вышли, обругали Ельцина и реформы... А дальше?» – разочарованно думал он, но не мог найти тому разумный ответ.

Бульвары, которыми проходил Валерьян, выглядели невероятно замусоренными. Он наступал на бумажные клочья, окурки, обрывки газет, перешагивал через вываливающийся из переполненных урн мусор.

Он вспомнил, как месяца четыре назад прочёл в газете, что мэр Попов распорядился раздробить централизованную службу уборщиков улиц, переведя её районные подразделения на самокупаемость и хозрасчёт. В статье утверждалось, что такая реформа поможет вытравить из уборщиков тягу к халтуре.

«Ну, умник», – словно вымещая накопившуюся досаду, поддал он носком ноги валявшуюся посреди бульвара пустую бутылку.

– Не баклань, – окликнул с лавки разнузданный голос.

По бульвару шатались компании. Парни тянули бутылочное пиво у ночных ларьков, гогоча, швыряли на асфальт дымящиеся «бычки». Вдоль бордюров, вплотную к проезжей части, бродили девицы: простоволосые, яркогубые, с оголёнными ногами, в зелёных или оранжевых лосинах. Иногда возле какой-нибудь из них притормаживала машина, девица подходила к дверце, наклонялась к приоткрытому окну.

Валерьян, проходя мимо, ускорял шаг, прятал в карманы руки, словно оберегая их от соприкосновения с нечистотным.

В ночной электричке безмолвно глядел он на мелькавшие снаружи безлюдные платформы пригородных станций, на металлические фонарные столбы, бетонные опоры электропроводов...

На следующий день Лутовинов, любопытствуя, взялся его расспрашивать:

– Ну как там, в Москве, вече это прошло? По радио передали, будто пошумели маленько да разошлись. Правду сказали? Нет?

Валерьян ковырнул в щели между зубами ногтем:

– Правды по радио в любом случае не скажут. Им лишь бы оппозицию оболгать.

– Ну а всё-таки, как было дело?

– Людей собралось – тысяч сто. Просто тьма. Анпилов выступал, депутаты...

– И чего решили?

– Потребовали, чтоб Ельцин в отставку ушёл.

Лутовинов ругнулся, высморкался в платок.

– Наивные что ли совсем? Это когда ж на Руси руководители по доброй воле уходили в отставку?

– Что потребовали, то и передаю.

– Ну а жизнь как налаживать? Про то шла речь?

Валерьян не смог этого Лутовинову растолковать. Он мялся, злясь на себя и на заводил народного схода.

– На вече разные политические силы собрались. Были те, кто за умеренные реформы, были и другие – кто строго за социализм.

– Э-э, и там, значит, раздрай, – заключил Лутовинов расстроено.

Раздрай начинался и на Металлическом заводе, на котором работали почти все, обитавшие в общежитии.

К концу марта полностью встали два цеха. Предприятия отделившейся Украины бросили поставлять необходимые для сбора гидротурбин детали, и завод не мог завершить начатых партий. Рабочих, ошеломлённых таким поворотом, дирекции успокоить было нечем. Персоналу объявили, что в связи с частичной остановкой завода, произведённой по причине распада системы общесоюзной производственной кооперации, заработную плату разобьют на части и выплатят в назначенный срок не более двух третей от суммы заработка.

Рабочие ожесточённо матерились в ставшие теперь продолжительными и безрадостными перекуры:

– Вот прижимистые хохлы! Нарочно, что ли, напакостить решили?

– А себе-то не пакостят? Ведь и сами из кооперации вылетают.

– Это Кравчук вредительствует, – утверждал сторбленный пожилой рабочий Васильев, чадя «Беломором». – Он же от Украины в Беловежье договор подписывал. Вот потому и хочет до конца все старые связи обрубить.

– Да что ж такое с людьми стряслось? – негодовал лопоухий токарь Климов, плюясь. – Сами же с голыми задами останутся.

– Про то, наверное, думать не хотят, – прищуривал морщинистые веки Васильев. – Хохлы – у прямой народ. . .

Беднела заводская столовая. Из меню исчезли борщи, говяжье и свиное мясо, котлеты. Кормили в ней теперь пресными и водянистыми овощными супами да пустыми кашами, в которые не добавляли даже масла. На сердитые вопросы хмурых, раздражённых посетителей буфетчицы сами с раздражением огрызались:

– Радуйтесь и этому. Скоро и на перловку денег не станет.

Исчезала из столовой удобная посуда. Чай вместо гранёных стаканов наливали в четвертьлитровые банки, плохо приспособленные к тому, чтобы из них пить. Люди, чертыхаясь и капая на воротники, с трудом принаравливались отхлёбывать из зауженных, в бороздах нарезки горловин.

С отвращением брали рабочие в руки неудобные банки.

– Раньше мочу для анализов в такие собирали, а теперь пить из них заставляют. Ну, жизнь. . .

– Хорошо хоть, что наливают не мочу, – схохмил какой-то веснушчатый парень.

– Типун тебе на язык! – прикрикнул на него обрубщик с расплюснутым, перебитым у переносицы носом. – И так тошно.

С каждой новой неделей работники начинали ощущать пугающую необратимость свершающегося с заводом и с ними. Застопорившаяся кооперация не восстанавливалась, без неё невозможно было продолжать выпуск газовых и паровых турбин – основной продукции Кузнецовского металлического.

Директор завода Дмитрий Николаевич Шацких, облысевший, страдающий одышкой старичок, начинавший на нём же в послевоенные годы инженером турбинного цеха, выезжал в Днепропетровск, где размещались, связанные с КМЗ незыблемой десятилетиями производственной цепью, изготовители. После Днепропетровска он ездил в Москву, в Министерство экономики, добился назначения на приём к министру Титкину. Незадолго до решительного разговора с министром Шацких созвал в дирекцию руководителей всех цехов.

– Ребята, вы меня знаете. Я сам был как вы. Начинал простым инженером, – страдающий одышкой Шацких закашлялся, прижал ко рту скомканный платок. – За завод, за наш металлический хоть до генсека... то бишь как его теперь...

Шацких, задыхаясь и шамкая ртом, не мог говорить.

– До президента, – поправил начальник механообрубочного цеха Пудышев.

– До президента дойду, если понадобится, – Шацких глотнул из стакана воды, задышал, вздрагивая грудью. – Ребята, я до последнего за завод буду биться. Верьте!

Неловко опускали глаза начальники цехов, тронутые словами своего директора.

О том, что ничего обнадёживающего не нашёл сказать министр Титкин престарелому Шацких, Валерьян узнал скоро, услышав в столовой разговор за соседним столом.

– ...нет поставок из Днепропетровска – нет турбин. Баста, – угрюмо отрубил широкобёдрый мужик в промасленной робе. – Без распределителей частоты хрен ты чего соберёшь.

Рабочие роторного цеха, одного из последних, не остановленных ещё на заводе, доскремали ложками со дна тарелок остатки каши.

– Откуда знаешь, что Митрич наш не порешал ничего? – спросил другой рабочий, отхлёбывая из банки чай.

Мужик в робе сердито звякнул по тарелке ложкой.

– У Нюрки моей подруженица машинисткой в администрации сидит. От неё и пошло.

– А это точно? – примостившийся на углу стола белобрысый парень шмыгнул вздёрнутым, в чёрных точках-угрях, носом.

– Точно. Распределителей не будет. В дирекции сейчас судят-рядят, сколько ещё цехов останавливать. Митрич валидол глотает. Ничего ему министр в Москве путного не сказал.

– Значит, и министр не смог с Днепропетровском договориться, – у нлыло произнёс тот, что пил чай.

– Выходит, что так.

– Ну хохлы...

– Да и с деньгами теперь чёрт ногу сломит. Чем рассчитываться – непонятно. У них же там теперь не рубли. Свою валюту вводят – к арбо... как их?

– Карбованцы, – подсказал белобрысый.

– Прямо не выговоришь. Тьфу!

– Дурдом!

– Сегодня дурдом, а завтра могила заводу. Без кооперации встанем намертво.

Отодвинул Валерьян от себя тарелку, услышав предсказание бывалого работяги. Жутью повеяло от его слов.

Рабочие заспорили, имеются ли в России предприятия, способные выпускать к их турбинам детали.

– В Ленинграде, знаю, распределители делают, – сказал мужик в робе. – Но те ли они, подойдут ли нам...

Никто за это ручаться не мог...

Директор Шацких физически страдал, наблюдая погибель завода, которому посвятил жизнь. Он ежедневно обходил останавливающиеся цеха, страдальчески глядел на пустеющие помещения, застывшие, оставленные людьми механизмы. Губы Шацких бледнели, старческие ноги подкашивались, словно вместе с заводом жизнь покидала и его.

В отчаянии он снова поехал в Москву и, не добившись приёма у Ельцина, прорвался-таки к первому зампреду демократического правительства Егору Гайдару. Тот встретил директора неприветливо, а, услышав сетования, грубо погнал прочь:

– Все эти турбины – на хрен ненужный хлам! Такие бессмысленные заводы и есть убийцы экономики. «Чёрные дыры», сжирающие ресурсы и средства, – оборвал он Шацких, зыряка на него со смесью гадливости и злобы, словно на вызывающее отвращение существо. – Запомните, рынок не нуждается в неконкурентоспособном металлоломе. Всё действительно стоящее давно создано на Западе, и если турбины вдруг и потребуются, мы купим их там. Лучше учитеесь азам нормальной экономики, а не обивайте пороги...

Из кабинета Гайдара Шацких вышел ни жив – ни мёртв. Шатающегося, его пришлось под руки сводить по лестнице вниз секретарям...

Рабочие остановившихся цехов собирались в рюмочной «Клён» – полуподвале под жилым домом, стоящим напротив центральной проходной. Водка в рюмочной оставалась дешёвой, за картофелины и варёные яйца – единственную в заведении закуску – просили гроши. В затемнённом помещении с грязными, чуть выше уровня мостовой форточками звенели стаканы, хрипели пьяные голоса.

Следующая обескураживающая весть разнеслась по заводу в начале апреля. Первой принесла её в общежитие Елизавета Захарчук. Повстречавшаяся с ней в коридоре Ольга Корнеева отшатнулась:

– Ты чего, Лизка? Аж белая вся...

– А то!.. Получки пятого не будет! Побелеешь тут...

Корнеева открыла от растерянности рот.

– Как это – не будет? Отчего?..

– Оттого!.. Кирьяниха, начальница нашей бухгалтерии, в заводоуправлении сегодня была. Вернулась и объявила всему ДК: ни пятого, ни вообще в ближайшие недели денег не будет. Цеха стоят, продукцию не отгружаем. Всё! Нечем платить.

Ноги у Корнеевой подкосились.

– А как же люди... – п рошептала она жалобно.

– Х-ха! А что люди? – Елизавета залилась истеричным смехом. – Ты до сих пор не поняла, что ли? На людей всем плевать!

Елизавета понеслась к кухне, словно ища, кого бы ещё оглушить вестью, а Корнеева, глотая слёзы, побрела в свою комнату.

– Господи, да что ж это... То цены вздули, то денег платить не хотят... Что ж делать-то, Федь? Как выживать? – запричитала она перед мужем.

Крановщик Фёдор поначалу тоже опешил.

– Да погоди ты... – бормотал он, пытаясь успокоить жену. – Может, зря Лизавета панику разводит? Взбалмошная она бабёнка... Что цеха стоят – сам знаю. Но чтоб людям зарплату не платить... Нет, не могу поверить.

Их десятилетняя дочка приподняла над детским столиком ржаную голову, ловя родительский разговор.

– А что килограмм говядины будет сто девяносто рублей стоить – в такое ты поверить мог? – вскричала вдруг Ольга, озлобляясь от вида боязливо притихшей дочери. – А вот стоит она столько – и хоть ты тресни! И ведь вздорюжает ещё!

Фёдор почесал низкий, пропаханный морщинами лоб.

– Ты погоди кричать. Устроится всё как-нибудь. Есть руководство области, государство... Выручат, не бросят завод.

Перед датой получки среди работников плодились несуразные слухи. Люди до последнего не хотели верить тому, что не получают плату. Валерьян ещё раз, на всякий случай, пересчитал имеющиеся деньги, отложил на макароны и пачки дешёвых круп.

Лутовинов, увидев вечером закупленные им продукты, закивал одобрительно:

– Правильно. Лучше сейчас, пока есть на что.

Валерьян замечал, что в последнее время Лутовинов говорит с ним всё уважительнее и более не пытается подшучивать или поучать.

– Значит, тоже думаете, что не заплатят?

Лутовинов сел на кровать, опустил понуро голову.

– Было б с чего платить...

Дурное предчувствие их не обмануло. В день получки над запертыми окошечками заводских касс повесили объявление: *«Выплаты зарплаты сегодня не будет. Денег нет»*.

Новость об отказе в выдаче получки разлетелась среди заводчан моментально, но они всё равно шли к кассам, останавливались, ошеломлённо глядя на приклеенный к стене листок. Иначе им не удавалось принудить себя поверить в немыслимое – в лишение трудового человека средств к существованию.

— XIX —

Несмотря на захлебнувшуюся попытку возродить орган власти СССР и неудачу Манежного вече, властвующие реформаторы длительной передышки не получили. Сопротивление им возникало повсеместно. К середине весны недовольство распространилось на большинство российских советов.

Открывшийся в Москве шестого апреля шестой съезд народных депутатов РФ с первых же дней стал разворачиваться не туда, куда хотелось Ельцину, правительству и ратующим за углубление реформ демократическим фракциям Верховного Совета.

Неоднородный состав депутатской массы не позволил демократическим коноводам захватить инициативу. Делегаты из округов, выезжавшие в Москву только на съезды, напрямую зависели от настроений в низах и в меньшей степени поддавались правительственной пропаганде.

Депутаты, съехавшиеся на съезд, делились на два десятка фракций, союзов и фракционных групп.

Фракция «Коммунисты России», имевшая в девяностом году численное большинство, распалась. В канун апрельского съезда отыскалось всего сорок человек, соглашавшихся открыто именовать себя коммунистами. Покидая разваливающуюся коммунистическую фракцию, бывшие её участники сбивались в новые группы и кружки, иногда умеренно консервативной, но чаще – умеренно реформаторской направленности. Часть отколовшихся депутатов вообще ни к кому не примкнула, объявив, что будет отныне ратовать исключительно за интересы выдвинувших их округов.

Патриоты и почвенники дробились не столь сильно, но демократы до поры не видели в них угрозы себе. Они помнили, что важнейшая победа на самом первом съезде – провозглашение суверенитета российской республики в пику союзному центру – была одержана при поддержке фракций «Россия», «Отчизна» и других мировоззренчески тяготеющих к ним объединений и групп. Они полагали, что и теперь, возникни к тому нужда, найдут, на чём с ними сойтись.

Решения съезда для Ельцина были важны. Ему требовалось одобрение делегатами реформаторских начинаний правительства и их согласие на составляемый его консультантами и советниками проект новой конституции. Как реформаторы, так и контрреформаторы знали, что без упразднения действующей, социалистической по содержанию и по духу, любые капиталистические переустройства будут зыбки, неглубоки...

Ельцин рассчитывал, что российский съезд ему подчинится.

Планы президенту и демократическому крылу неожиданно спутал вице-президент Руцкой. Импульсивный, он потребовал слова сразу после торжественного открытия, вынудил нарушить регламент.

– Уважаемые депутаты! Прошу экстренно внести в план работы вопрос о положении в Приднестровской республике ⁵, – потребовал Руцкой. – Я буквально вчера прилетел из Тирасполя. Ситуация в зоне молдавско-приднестровского конфликта критическая. Молдавской стороной создаются вооружённые отряды, идут обстрелы мирных сёл, гибнут люди. Русское население по левому берегу Днестра подвергается моральному и физическому террору...

Демократически настроенные депутаты загудели. Приднестровскую республику они ненавидели как пристанище красных реакционеров и реваншистов.

⁵ Приднестровская молдавская республика (ПМР) провозгласила государственную независимость 2 сентября 1990 года с целью остаться в Советском Союзе, выйдя из административного подчинения Молдавской Советской Социалистической Республики, готовившейся к выходу из СССР (ныне Республика Молдова). – *Прим. ред.*

Из части зала, в которой сгруппировались «Радикальные демократы», полетели сердитые выкрики:

- Приднестровье – часть Молдавии!
- Прекратите демагогию! Нельзя делить людей по национальностям...
- Не акцентируйте внимание на национальной принадлежности!
- Не скатывайтесь в шовинизм!

Руцкой засопел, взял бумажный лист:

– У меня здесь поимённый список погибших. Они – жертвы обстрелов и насилий молдавской стороны. Подавляющее большинство – русские по национальности. Это – задокументированный факт.

Самые нервные из «радикальных демократов» стали вскакивать с мест:

- Да отцепитесь уже от Молдавии! Приднестровскую проблему придумал КГБ!
- Не срывайте повестку!

Вице-президента закрикивали, мешая продолжать.

Руцкой, в бешенстве топорща пепельные усы, сдавленным голосом обратился к сидящему в президиуме Хасбулатову:

- Уважаемый председательствующий...

Хасбулатов внимательно наблюдал за залом, обозревая его, словно поле боя. Он видел, что шумит и ругается всё же меньшая часть депутатов.

Наклонившись к микрофону, Хасбулатов призвал:

- Убедительно прошу не перебивать вице-президента России!

Большими усилиями ему удалось водворить порядок. Зал поутих, хотя самые рьяные из демократов – Сергей Юшенков, Виктор Шейнис, Лев Пономарёв, Сергей Ковалёв – продолжали рассерженно пыхтеть.

Вице-президент обрисовывал трагическую картину. В Приднестровье, не признавшем власть молдавского президента-националиста Мирчи Снегура, с зимы создавали отряды самообороны. Снегур пытается подавить восставшую республику силой. Молдавские боевики обстреливают днестровское левобережье из артиллерии, снаряды ложатся в русские и украинские сёла. Приднестровье заперто в блокаде: с запада, из-за реки, его атакует молдавская полиция и полууголовные банды, на востоке лежит недружественная Украина. Приднестровские советы взывают к России. Её признают единственным своим отечеством люди левого берега Днестра. Напор молдаван нарастает, националисты разграбили армейские склады, добыли множество автоматов, пулемёты, бронетехнику. Ополченцы Приднестровья выходят против них с милицейскими пистолетами, охотничьими ружьями, обрезам, арматурой. Плохо вооружённые, несут потери. Офицеры расквартированной здесь с союзных времён 14-й армии, оставшейся в подчинении Москвы, требуют от командования приказа на подавление бесчинств. Офицеры готовы сбросить молдавских карателей с занятых на левобережье плацдармов, но такого приказа им не отдадут...

– 14-я армия на грани раскола. Вот здесь у меня обращение группы офицеров. Тридцать девять подписей, – Руцкой поднял над трибуной исписанный от руки бумажный лист. – Офицеры заявляют, что если командование 14-й армии не отдаст в ближайшие сутки приказа на защиту населения Приднестровья, то они самостоятельно пойдут в бой. Им есть, кого защищать. От террора националистов страдают семьи военнослужащих.

Зал опять зарокотал, но теперь негодовала патриотически настроенная часть делегатов. Среди депутатов присутствовали отставные армейские и флотские офицеры. Они лучше гражданских понимали степень бедственности положения оставленной на Днестре армии.

– Уважаемые делегаты, я обращаюсь к вам! Мы не имеем права бросать в беде Приднестровье. Мы не имеем права допускать раскола в Вооружённых силах. Съезд как высший законодательный орган страны должен безотлагательно принять решение об образовании на

базе 14-й армии миротворческой миссии. Только немедленным разведением конфликтующих сторон можно остановить кровопролитие, – проговорил Руцкой, глядя на депутатские ряды, словно командир на солдатские шеренги.

Настроение зала окончательно переломилось:

– Правильно! Остановить бойню!

– Защитим соотечественников!

– Не бросать в беде!

Преодолев сопротивление крайних демократов, съезд утвердил постановление «О содействии в обеспечении прав человека в Приднестровье». Он признавал за бойцами 14-й армии право (правда, строго на добровольной основе) защищать гражданских и предписал образование формирования миротворцев.

Демократы, ошеломлённые понесённым фиаско, крыли Руцкого почём свет.

– Независимую Молдавию давить задумал? Опять имперские замашки? – ярился в фойе Сергей Юшенков.

– Съезд пошёл на поводу у красно-коричневых. Руцкой – коммуно-фашист, – гундосил непричёсанный, малорослый Сергей Ковалёв, давний антикоммунист-диссидент.

Винер, отведя Филатова в сторону, делился тревогой:

– Ещё хлебнём мы с этим солдафоном, увидите. Его привлечение в команду Бориса Николаевича было ошибкой. Все эти провинциальные хозяйственники – колхозные председатели, заводская директура – чуют в нём своего. Усы в сапогах – их поля ягода. Вдохновляемые Руцким, они встанут в оппозицию президенту.

Филатов морщил щёки, поправлял на крупном носу очки.

Между демократическим крылом съезда и вице-президентом Александром Руцким пролегла глубокая, незапластовываемая трещина.

Ельцин выступил перед депутатами на второй день. Держался он твёрдо, говорил наступательно:

– Главным итогом тех шести месяцев, что прошли с момента завершения предыдущего, пятого съезда, является то, что от разговоров о реформах, мы, наконец, перешли к самим реформам. Реформы идут – и это на данный момент самое важное!

Голос главы России звучал низко, утробно. Приподнимая массивную голову над разложенными на трибуне страницами доклада, он устремлял давящий взор в зал:

– Главное, что угрожает стране сегодня – это возврат к недалёкому прошлому, к псевдореформам союзного правительства. Необходимо чётко уяснить себе, что возврат к этой политике невозможен. Я, как президент, сделаю всё, чтобы такого не допустить.

Ельцин взял под защиту министров-реформаторов, а более остальных – первого заместителя председателя правительства Егора Гайдара. Ни слова упрёка не допустил по его адресу президент:

– Наша экономика впервые за многие десятилетия заговорила языком финансов... Финансовая политика правительства даёт результат... Курс рубля твёрдый, и рубль на внутреннем рынке начал теснить доллар.

Несмотря на пиетет с примесью страха, внушаемый Ельциным депутатам, некоторые робко запротестовали. Кто-то всхотнул, прикрыв ладонью рот, иронично хлопнул в ладоши. Все знали, что из-за разгоняющейся инфляции курс Центрального банка, выведенный ещё в союзную эпоху, заведомо ложен. Подлинный курс определяли спекулянты, которые требовали в Москве за доллар уже сто с лишним рублей. Дорожала на чёрном рынке и другая валюта: английские фунты, немецкие марки, французские и швейцарские франки.

Ельцин продолжал напирать на съезд.

– Нам нужен новый основной закон, – внушительно произнёс он. – В нём должен быть детально отрегулирован важнейший для нас институт частной собственности – основа основ

рыночных реформ. Положения новой конституции должны максимально способствовать развитию рыночных отношений. Нынешняя конституция принималась в другую эпоху. Своими устаревшими статьями она тормозит переход к рынку. Я искренне надеюсь на ваше понимание в этом важнейшем для будущего России вопросе.

Наказ Ельцина съезду был категоричен. Он потребовал от депутатов трёх вещей: выражения верности реформаторскому курсу; гарантий для правительства; осуждения противников реформ.

Поведя с делегатами съезда разговор в откровенно повелительном тоне, Ельцин допустил ошибку. На четвёртом месяце реформ среди депутатов исчезло прежнее единодушие в их поддержке.

– Правительство – хорошо... А народ-то из ямы вытаскивать будем? – услышал Винер позади себя ворчание.

Он оглянулся.

– Про то, чем конкретно людям помочь, он ничего не сказал, – простоватого вида незнакомый ему делегат пожимал плечами. – Непонятно.

Демократические фракции попытались устроить президенту овацию, но хлопки подхватило менее половины депутатов. Ельцин нахмурился, озадаченный холодностью значительной части зала.

Более двух часов пришлось ему отвечать на вопросы, которыми засыпали его народные депутаты из «Аграрного» и «Промышленного союза», «Отчизны», беспартийные и внефракционные делегаты. Пресыщенные патетикой нескончаемых деклараций, производственники из округов центральной России, Урала, Сибири спрашивали о насущном. Когда прекратится инфляция? Как восстановить производственную кооперацию? Как побороть производственный спад? Что правительство намерено предпринять, чтобы защитить население от нищеты?

Путаясь и плавая во всём, что касалось конкретных сторон того или иного дела, Ельцин нажимал на политическую необходимость. Он утверждал, что трудности временны и к осени их удастся преодолеть. Ельцин вновь обрушился на противников реформ, расхваливал министров, кабинет.

Такие ответы приходились большинству депутатов не по душе, но вступать в прямые пререкания с главой государства не решался никто. Председательствующий Хасбулатов нервно улыбался в президиуме. Профессор-экономист, он был подкован в вопросах экономики лучше многих реформаторов из министерств. Слушая делегатов, он сполна осознавал, что в хозяйстве и в отраслях начинается разруха.

По бросаемым вскользь фразам, интуитивно, нутром, депутаты начинали угадывать: стоящая над человеческой волей логика политической борьбы постепенно разводит главу депутатского съезда Руслана Хасбулатова с президентом России. Завоевавший уважение депутатской массы, но одновременно и зависимый от неё, Хасбулатов дорожил мнением съезда, не хотел и не мог идти ему наперекор. А съезд, обладавший колоссальной, закреплённой законодательно властью, продолжал колебаться, то склоняясь в пользу продолжения реформ, то ропща на них, подчиняемый силе чьего-нибудь личного красноречия.

Отчитывался за курс правительства Егор Гайдар – вице-премьер, вдохновитель и рулевой реформ. Пухлый, по-бабьи широкобёдрый, с рахитичным, лоснящимся лбом, носитель знаменитой фамилии вызывал нутряное отторжение даже у некоторых демократов.

– Хочу обратить внимание господ депутатов на безусловные позитивные сдвиги в нашей многострадальной экономике, которые уже произошли за четыре месяца с момента начала реальных реформ, – назидал Гайдар, по-рыбьи чавкая толстыми влажными губами. – Во-первых, сошёл на нет дефицит. Мне еженедельно кладут на стол докладные записки, из которых следует, что число городов, испытывающих дефицит мяса в продаже, постоянно сокращается...

Перед Гайдаром, в отличие от Ельцина, не испытывали ни пиетета, ни боязни. Упитанный и лощёный, он возбуждал особенную неприязнь у грубоватых провинциальных мужиков, отдавших заводам и совхозам десятилетия жизни. Почти сразу его витийства стали обрывать выкриками, поначалу разрозненными, но вскоре слившимися в сердитый гул.

– А как сокращаются людские сбережения, не хочешь рассказать? – крикнул кто-то. – Да людям покупать это мясо просто не на что!

– Ему-то что! Ишь, какую харю отъел, когда страна копейки считает!

Щёки Гайдара покрывались пятнами, но он продолжал:

– ...Во-вторых, на наших глазах уже свершается настоящее чудо. Я и сам в начале года, когда мы только начинали реформы, не смел надеяться на подобное. Однако это произошло – иностранные лидеры поверили в нашу страну. Я постоянно общаюсь с западными политиками, частными инвесторами, обсуждаю конкретные проекты. Они на деле готовы вложить миллионы и миллионы долларов в возрождаемую российскую экономику. Объёмы сумм таковы, что инвестиции наших западных партнёров можно сравнить с легендарным планом Маршалла, поднявшим, как мы знаем, послевоенную Европу из руин. План Маршалла помог Европе от разрухи времён Второй мировой прийти к процветанию...

– Да Европа пешкой в руках Америки стала! – закричал сидящий рядом с Бабуриным редковолосый офицеротставник. – И нам такого хочешь?

Докладчика, казалось, прошибить было невозможно:

– ...Разработанный совместно с нашими западными партнёрами план реформ поможет России преодолеть катастрофическое наследие «холодной войны». Иностранцы искренне верят в нашу открывающуюся их инвестициям экономику. Чем скорее мы проведём её полную демилитаризацию, чем скорее, наконец, передадим в частные руки ведущие предприятия, тем быстрее привлечём конкретных инвесторов из-за рубежа. В наши многострадальные, убыточные заводы потекут реальные доллары, фунты стерлингов, франки, дойчмарки...

Несуразно и дико звучали витийства Гайдара для съехавшихся в Москву уральцев, сибиряков, дальневосточников, северян, делегатов от краёв, областей, сёл. Даже демократы огорчённо зацокали языками, понимая, что вице-премьер проваливает речь.

– Да не мечите вы бисер, Егор Тимурович... – посетовал Винер, с раздражением выдернув волосинку из носа. – Ведь не поймут же вас.

Дебаты по докладу вице-преьера закипели страстные. Хасбулатову с трудом удавалось принуждать депутатов к относительной лаконичности:

– Да, четвёртый микрофон, пожалуйста... Регламент – две минуты... Да, пятый микрофон, пожалуйста... Выступающие, прошу уважать регламент... На выступление записалось много депутатов.

Доклад Гайдара громили с упоением, словно отыгрываясь на вызывающем неприязнь докладчике за недавнюю сдержанность с президентом. Депутаты, уже не вспоминая, как сами на прошлых съездах скопом голосовали за реформы и введение рынка, настаивали на дотациях предприятиям, мерах против спекулянтов, повышении пенсий, стипендий, зарплат...

Обозначились предводители групп, вставших в оппозицию к курсу правительства: тюменский депутат Николай Павлов, выдвиженец Свердловской области Владимир Исаков; ещё один сибиряк Владимир Исправников, в канун съезда разработавший программу «Реформы без шока»; порвавший с демократами Илья Константинов, антисоветчик и патриот Виктор Аксючиц, Сергей Бабурин...

Демократическое крыло пыталось сбить антигайдаровский порыв. Слово брали и сторонники Гайдара, но ни переубедить, ни перекричать отворачившуюся от первого зампреда правительства депутатскую массу у них не получалось. Ратующих за продолжение «шоковой терапии» освистывали.

Впервые за два года фракционной борьбы Филатов ощутил растерянность. Безоговорочно за Гайдара и его курс стояли только «Радикальные демократы», но их группа была невелика, всего сорок восемь человек. Но уже в гораздо более многочисленной и мощной «Демократической России» он с неприятным изумлением заметил колебания. Заколебались и другие реформаторские фракции: «Гражданское общество», «Свободная Россия».

Становилось ясно, что правительственные деятели терпят на съезде крах. То не был крах курса на капиталистические реформы вообще, но крах взявшихся их проводить министров и персональный крах Егора Гайдара – главного практика реформ, бывшего члена редколлегии журнала ЦК КПСС «Коммунист».

Раздвоенной, расщеплённой логикой руководствовались депутаты. Возмущаясь хозяйственным развалом, плодящейся нищетой, почти никто не брал под сомнение реформаторский курс сам по себе. Ругая Гайдара, даже малограмотные, неотёсанные колхозные бригадиры из глубинки были убеждены, что беду несут лишь неумелые, волюнтаристские шаги конкретных лиц.

Явившаяся на съезд вдова академика Сахарова Елена Боннэр, сутулая старуха с узким и злым лицом, набрасывалась в перерыве на выходящих из зала депутатов.

– Вы что вообще там несёте?! Что вы несёте, я вас спрашиваю? – взвизгивала она, топая ногами, сжимая крючковатые пальцы в кулачки. – Как вы смеете нападать на Егора Тимуровича? Вы жаждете номенклатурного реванша? Вы засланцы гебистов? Ополумели вы вконец, а?!

Депутаты бочком отодвигались от беснующейся старухи.

– Только попробуйте вставлять палки в колёса нашей команде! Только посмейте! – вопила Боннэр, выходя из себя.

Гайдар вновь попросил слово, стремясь оправдаться хотя бы по самым тяжким обвинениям: в развале хозяйственной системы и провале реформ. Но второе его выступление получилось ещё слабее.

– Да провалились вы со своей «шоковой терапией»! Признайте уже! – кричали ему.

Взмокший, растерянно озирающийся, Гайдар сошёл с трибуны и скрылся в зале.

На голосование вынесли проект постановления «О ходе экономической реформы в Российской Федерации». В документе содержались противоречивые постулаты. Общий замысел капиталистических преобразований депутаты одобряли. Курс Ельцина тоже. Виновником бедствий объявлялся Гайдар и другие министры-экономисты.

Хасбулатов в усиливающемся роптании зачитывал текст:

...При проведении экономической реформы Правительство Российской Федерации недостаточно эффективно взаимодействует с соответствующими органами власти и управления, руководителями предприятий, представителями трудовых коллективов и профсоюзных объединений.

Всё это стало результатом систематического невыполнения решений Съездов народных депутатов РСФСР, Верховного Совета Российской Федерации, касающихся экономического развития, социальной защиты населения, возрождения российской деревни...

Съезд народных депутатов Российской Федерации постановляет:

1. Подтвердить необходимость проведения курса на переход к рыночной экономике в Российской Федерации.

2. Признать неудовлетворительным ход экономической реформы в области социальной защиты населения, налоговой, финансово-кредитной, инвестиционной, промышленной и аграрной политики, преодоления

монополизма государственных структур в сферах производства и распределения, а также комплексности проводимых мероприятий...

– Позор! Позор! – завопили Глеб Якунин, Лев Пономарёв, Сергей Ковалёв, десятки других демократов.

Боннэр, выскочив на возвышавшийся над залом балкон, зажеликулировала, замахала руками. Сидевшие внизу министры заёрзали, завертели головами, не зная, как быть.

– Выходите... Вы! – пронзительно повелела она.

Первым, вняв вдове Сахарова, поднялся Геннадий Бурбулис – госсекретарь и вице-премьер. За ним Гайдар, потом стали вставать другие министры.

– Позор! – неистовствовали демократические депутаты. – Правительство изгнали со съезда!

Хасбулатов прервал чтение, оторвался от бумаг:

– Так, подождите... Никакого позора нет... Не надо...

Но члены правительства, подгоняемые жестами Боннэр, провожаемые гудением, заглушающим разрозненные хлопки, двинулись из зала прочь.

– Ребята растерялись, – криво усмехнулся Хасбулатов, глядя в спины уходящим министрам.

Учинённая правительству обструкция привела Ельцина в бешенство. Он грубо кричал на приближённых, молотил по столу кулаком, ярясь, что съезд посмел восстать на его назначенцев:

– Народные депутаты, понимаешь... Возомнили о себе!.. И Хасбулатов, двуличный чечен, туда же. Будто не я его в председатели Верховного Совета двигал! У-у, сволочня!

– Съехались крикуны из разных Муходрищенсков и возомнили себя властью, – проскрипел Бурбулис, похрустывая сплетёнными пальцами. – Их аномально широкие полномочия дают им ощущение того, что они могут диктовать правительству. Борис Николаевич, такая ситуация крайне нездорова. Съезд надо окоротить.

Ельцин выругался.

– К ч-чёртовой матери этих депутатов с их полномочиями!

Все были удручены неудачей на съезде. Первым овладел собой Филатов. Заправив выпавший из пиджака галстук, он заговорил:

– Эмоции эмоциями, но нужно искать выход. В чём сила наших оппонентов? В том, что в соответствии с законом съезд действительно обладает огромными полномочиями. Это факт. Как говорится, за что боролись...

Ельцин прорычал ругательство.

– Но мы ещё можем развернуть ситуацию в свою пользу. Для этого требуется разящая контратака...

Гайдар, Бурбулис приподняли подбородки. Ельцин положил на стол массивные ладони, шевельнул бровью.

– Наш союзник сейчас – психология большинства депутатов. Они и впрямь воображают себя вершителями судеб страны и, входя в раж, готовы освищать кого угодно. Но они совершенно не способны брать на себя ответственность. Вот на этом и предлагаю сыграть. Их следует оставить лицом к лицу с народом, который уже и впрямь звереет от творящегося вокруг.

С тем, что реформы нужны как таковые, мало кто рискнёт спорить. Даже на анпиловских сборищах это признают сквозь зубы. Согласны с общим курсом на реформы и депутаты – они это в своём постановлении сами же и засвидетельствовали. Так давайте же обратимся к обществу напрямую! Объясним ему, что не правительство, а именно безответственные популисты на съезде мешают наладить нормальную жизнь. Надо подать обществу их бучу так, что это они – депутаты – своими амбициями, глупостью и пустопорожным трёпом тормозят реформы, готовые вот-вот начать приносить реальные плоды.

– В обществе господствуют ещё более дремучие настроения, чем среди провинциальных депутатов, – возразил Гайдар. – Депутаты только лишь транслируют нам настроения с мест.

– Транслируют – примем к сведению. Но не забывайте, Егор Тимурович, что общество крайне переменчиво в своих оценках. Вспомните, всего только полгода назад в каждой очереди орало: «Даёшь реформы! Долой Горбачёва и дефицит!» А сегодня, когда дефицит исчез, те же самые люди орут уже «долой Гайдара!».

– Вот-вот, – м рачно просопел Гайдар.

– А что если... Егор Тимурович, только дослушайте до конца... – Филатов задумался, затем продолжил, растягивая слова. – Если правительство заявит, что не может конструктивно работать дальше после таких решений съезда? Ведь в таком случае, по логике вещей, продолжать реформы станет попросту некому. И это притом, что их – как таковых – хотят и сами депутаты, и народ...

На щеке Ельцина заиграл желвак.

Филатов увереннее стал развивать мысль:

– Общественное мнение враз развернётся против депутатов. Весь гнев обрушится уже не на правительство, а на них – за срыв реформ. Вот тогда-то все эти спасители отечества и подожмут хвосты. Ведь их же собственные избиратели в клочья разорвут в округах.

Линия центральной прессы задумке Филатова благоволила. Депутатов газеты предали поношениям: «Партноменклатура берёт на шестом съезде ползучий реванш...», «Реформы хотят утопить в говорильне...», «Нардепия объявила реформам войну...»

Долго совещался Ельцин с Гайдаром, Бурбулисом, министрами, депутатами-предводителями демократического крыла. Задерживал поочерёдно на каждом немигающий взгляд, словно в душу залезть желая.

– Обходным манёвром их взять предлагаете? Добро...

Спустя день в телевизионных новостях объявили, что правительство, не найдя компромисса с большинством съезда, подало президенту прошение об отставке.

Филатов не ошибся – самоустранение реформаторской команды повергло съезд в растерянность.

Депутаты разошлись по фракционным сходкам, плохо понимая, какую линию далее вести. Атаки на Гайдара велись полустихийно. Большинство делегатов из провинциальных округов, беря в выступлениях резкий тон, питали надежды министров вразумить. Решение правительства о сложении полномочий ставило в затруднительное положение все вставшие в оппозицию к Гайдару фракции.

Поздними вечерами, уже после завершения заседаний съезда, Хасбулатов вёл с Ельциным осторожные, с недомолвками, переговоры. Говорили они и наедине, и в присутствии доверенных лиц. Будто делегации двух недружественных государств сходились в Кремле: Ельцин с советниками и работниками аппарата и Хасбулатов с главами комитетов и фракций.

– Правительство должно продолжить работу, – настаивали переговорщики со стороны съезда. – Хотим ещё раз, Борис Николаевич, до вас донести: никто не возражает против реформ. Съезд за переход к рынку. Нас возмущает лишь топорность и волюнтаризм, с которыми действуют отдельные министры.

Ельцин, чувствуя слабинку тех, кого окончательно зачислил в противники, нажимал сильнее:

– По отношению к правительству депутатами допущена вопиющая бестактность. На съезде были нанесены оскорбления государственным деятелям. Считаю такое абсолютно недопустимым.

– Правительство само спровоцировало этот скандал. Никто его со съезда не гнал, – заступался за депутатов Хасбулатов. – Во всём случившемся присутствует элемент провокации.

– Наоборот – это правительство спровоцировали. Устроили президентской команде разнос, понимаешь...

Депутаты, не готовые к жёсткой словесной рубке, сглаживали на переговорах углы. И Хасбулатов, и остальные заверяли, что тоже горой стоят за реформы, что коммунистических реваншистов в их кругу нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.